

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2018 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

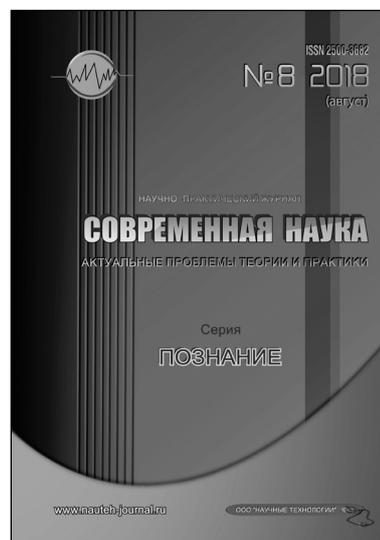
Подписано в печать 12.08.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 8 август 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Адамова А. Д.** — Молодежные проекты в международном культурном сотрудничестве
Adamova A. — Youth projects in international cultural cooperation 4
- Будегечиева Т. Б.** — Традиции камнерезных ремесел Тувы
Budegechieva T. — The traditions of stone cutting in Tuva 7
- Доронин В. В.** — Защитная функция как одна из ключевых функций рок-культуры
Doronin V. — Protective function as one of the key functions of rock culture 13
- Ефимова Л. С., Афанасьев Н. В.** — Национальная культура в социокультурном пространстве села (на примере деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия))
Efimova L., Afanasiev N. — National culture in socio-cultural space of the village (on the example of activity of establishments of culture of the Republic of Sakha (Yakutia)) 17
- Хадем Лейла Максус Хоссейни** — Влияние спутникового телевидения на трансформацию иранской семьи
Khadem Leyla Makhsus Hosseiny — The impact of satellite TV on changes in Iranian family 22

Психология

- Кильдишев А. В.** — Анализ взаимосвязей ценностно-смысловых факторов и профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей
Kildishev A. — Analysis of the interrelations of axiological factors and occupational health of humanities colleges' teachers 27
- Ноймайер Я. А., Меркулов Е. Э.** — Успех социализации – в историческом времени личности
Neumeier Y., Merkulov E. — The success of socialization – in the historical time of the individual 31
- Прозорова Н. В.** — Духовно-нравственные ценности в спектре социально-психологических условий образовательной среды, направленной на формирование целостной личности подростков
Prozorova N. — Spiritual and moral values in the spectrum socio-psychological conditions of the educational environment, aimed at developing a holistic personality in adolescents 37

- Стрижова Е. В., Андросова И. Г.** — Архетипические образы в рекламе как инструмент мотивации потребителя
Strizhova E., Androsova I. — Archetypical images in advertising as a user motivation tool 41

- Терехова Л. В.** — Аутогенная тренировка как мотивирующий фактор в обучении методам и способам разрешения психологических проблем
Terekhova L. — Autogenous training as a motivating factor in teaching methods and methods of solving psychological problems 46

- Товуу Н. О.** — Исследовательские и образовательные проекты психологов Тувы в условиях использования новых информационных и коммуникационных технологий
Tovuu N. — Research and educational projects of psychologists of Tuva in conditions of use of new information and communication technologies 53

Философия

- Киблик О. Н.** — Структура и феноменология мечты
Kiblik O. — Structure and phenomenology of dreams 57

- Лукутин А. А., Остапенко А. И., Семенов Д. В.** — Телесность как ценностная составляющая современного спорта
Lukutin A., Ostapenko A., Semenov D. — Corporeality as a value component of contemporary sports 61

- Ростова А. Т.** — Теоретические подходы решения проблемы поколений и воспроизводства
Rostova A. — Theoretical approaches to solve problems of generations and reproduction 66

- Тетенков Н. Б.** — Понятие в субъективности в феноменологии Гуссерля
Tetenkov N. — The concept of subjectivity in the phenomenology of Husserl 71

Информация

- Наши авторы. Our Authors 75

- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 76

МОЛОДЕЖНЫЕ ПРОЕКТЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

YOUTH PROJECTS IN INTERNATIONAL CULTURAL COOPERATION

A. Adamova

Summary. The article considers the relevance of youth social and cultural projects in the context of international cultural cooperation. The article contains an analysis of the Russian-British project «The Theatre», organized by the Gymnasium 96 (Zheleznogorsk, Krasnoyarsk Territory) and Astor College for the Arts (Dover, Kent, United Kingdom).

Keywords: youth project, international cultural cooperation, cooperative stage activity, personal development.

Адамова Алиса Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный
институт культуры
alisa-elisaveta@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность молодежных социально-культурных проектов в контексте международного культурного сотрудничества. Статья содержит анализ российско-британского проекта «Театр», реализуемого Гимназией 96 г. Железногорска Красноярского края и Астор колледжем искусств г. Дувр, графство Кент, Великобритания.

Ключевые слова: молодежные проекты, международное культурное сотрудничество, совместная театральная деятельность, личностное развитие.

Известно, что репутация государства на мировой арене определяется многими факторами, среди которых культурный потенциал играет не меньшую роль, чем экономическая мощь или политический вес и влияние. Расширение культурных обменов, популяризация своего культурного достояния за рубежом, поддержка практики изучения языка выступают одним из важнейших приоритетов государства и неотъемлемой частью его внешнеполитической стратегии [3]. При этом сама культура не только отражает все то особое, уникальное и неповторимое, что государство транслирует посредством деятельности дипломатических структур. Способствуя преодолению духовной разобщенности и противостояния народов, укреплению отношений взаимопонимания и доверия, международное культурное сотрудничество в полной мере соответствует национальным интересам России [1].

Именно поэтому столь важное значение придается подготовке и реализации международных проектов в сфере культуры, направленных на повышение престижа российской культуры, формирование позитивного образа России за рубежом [2]. Особая роль в таких проектах принадлежит молодежи, которая всегда оказывается на передовых рубежах культурного сотрудничества или культурного противостояния. Если в отношении детей содержание культурных форм достаточно консервативно, а в зрелом и пожилом возрасте культурные паттерны практически не поддаются обновлению, то большую часть современной молодежи как раз отличает достаточно развитая культурная жизнь и постоянная готовность к инновации и креативу [4].

Практику реализации международного социокультурного проекта, участниками и аудиторией которого является именно молодежь, рассмотрим на примере российско-британского проекта «Театр», который в течение полутора десятилетий успешно осуществляется в Красноярском крае.

Следует отметить, что большинство молодежных инфраструктурных проектов, флагманских программ и спецпроектов на Восточно-Сибирской территории проводится при поддержке Агентства молодежной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края, действующего с 2010 года. В то же время инициаторами множества проектов международного культурного сотрудничества выступают учреждения образования и культуры. Благодаря таким проектам молодежь вовлекается в международную культурную деятельность. Проект «Театр», в котором участвует гимназия 96 гор. Железногорска Красноярского края, и служит ярким примером подобной молодежной социокультурной инициативы.

Сотрудничество учащихся и педагогов школы № 96 г. Железногорска Красноярского края и Астор колледжа искусств г. Дувр, графство Кент, началось в 1997 г. С 2002 года Гимназия № 96 им. В.П. Астафьева осуществляет международный культурно-образовательный проект «Театр. Совместная театральная деятельность как основа межкультурной коммуникации». Сотрудничество строится на культурных обменах между двумя школами, двумя городами. С 2002 по 2016 гг. было поставлено 13 спектаклей в России и Великобритании, в которых приняли участие около 1700 учащихся, педагогов и других специалистов, посмотрело постановки около 20000

зрителей. За эти годы к участию в проекте подключился еще один партнер — Старшая Школа Нью Кента (штат Вирджиния, США).

Целью проекта с самого начала было определено формирование опыта международного образовательного сотрудничества на основе межкультурной коммуникации. Задачи проекта предусматривают достижение следующих результатов:

- ◆ развивать творческий потенциал и исполнительские способности учащихся;
- ◆ мотивировать учащихся к изучению английского языка;
- ◆ приобщить учащихся к культурному наследию и духовным ценностям других народов;
- ◆ учить учащихся пониманию своей и иной культуры через проводники вечных ценностей;
- ◆ способствовать воспитанию толерантности и развитию дружеских отношений сверстников разных стран [5].

Обязательным условием для участия в совместной театральной деятельности является обучение в школах-организаторах проекта. Возраст зависит от специфики шоу. Например, в мюзикле «Шахматы», поставленном в 2014 году принимали участие школьники от 12 до 18 лет, а в шоу-концерте «Коллекция мюзиклов» в 2016 году были задействованы не только учащиеся, начиная с 7-летнего возраста, но и выпускники Гимназии до 20 лет. Перед каждым этапом обязательно проводятся кастинги, однако на практике к участию в проекте допускаются все желающие студенты. Наиболее талантливые школьники получают главные роли в спектаклях. Подготовка к шоу в России начинается весной, затем возобновляется в августе. С сентября репетиции проходят ежедневно в послеурочное время. По приезде английских студентов (за 10–12 дней до премьеры) репетиции идут в течение всего дня: первые несколько дней все также на базе школы, дни перед премьерой — на базе Городского Дворца Культуры, который является партнером проекта с самого начала его реализации. В свободное вечернее время организуются совместные культурные мероприятия для всех участников проекта.

В рамках проекта «Театр» создаются спектакли, которые несут какую-либо информацию и эмоциональное воздействие на аудиторию. Инструментами информационно-логического воздействия выступают тексты сценариев, проблемы, поднимаемые в спектаклях. Средствами эмоционально-образного воздействия становятся музыка, актерская игра, танцы, декорации. Таким образом, информационно-логическое и эмоционально-образное воздействие дополняют друг друга. В процессе реализации проекта создается спектакль, зачастую показываю-

щий обыденную жизнь с «другой стороны» (т.е. с точки зрения, противоположной той, с которой обычно люди смотрят на явление). Так, тот же поставленный в 2014 г. мюзикл «Шахматы», сюжет которого рассказывает о поединке советского и американского шахматистов в годы холодной войны, вызвал следующий комментарий в одном из новостных выпусков: «Спектакль, поставленный силами английских студентов и железногорских школьников, не только доставил зрителям эстетическое удовольствие, но и заставил задуматься: а разве не в этом смысл искусства?». Подобные отзывы получают практически все постановки участников проекта.

При реализации проекта не предполагается использование каких-то специализированных образовательных программ и методик, однако существует некая сложившаяся схема работы. Постановщики работают, опираясь на свой опыт, специфику спектакля и особенности участников. Со школьниками работают только квалифицированные педагоги. В процессе работы можно отметить индивидуальный подход к каждому участнику проекта.

Стоит отметить, что в процессе реализации проекта происходит конкретизация функций отечественных участников: так, исполнители главных ролей более вовлечены в репетиционный процесс и взаимодействуют преимущественно с постановщиками и английскими студентами. Особая нагрузка падает на «хостов» — школьников, принимающих английских студентов, которым приходится еще больше общаться с британскими партнерами. Неформальная обстановка и совместная творческая деятельность способствуют интеграции и коммуникации участников. Отсутствие мероприятий и форм, целью которых являлось бы общение в чистом виде, компенсируется взаимодействием участников и организаторов в других формах деятельности.

Важным критерием эффективности межкультурной коммуникации являются безопасность и чувство комфорта. Со слов британских участников, во время реализации проекта «Театр» в гор. Железногорске, они ощущают себя комфортно. Конечно, любая сценическая деятельность требует особого напряжения усилий участников, своего рода «преломлением себя», но все молодые люди идут на это вполне осознанно. Многие отмечают, что, несмотря на физическую усталость и отсутствие рекреативно-игрового пространства, именно участие в проекте позволяет снять напряжение и получить моральное удовлетворение, восстановить душевный покой, особенно во время премьер и последующих спектаклей. Поэтому наибольшим психологическим дискомфортом для участников становится расставание с друзьями из других стран по завершению очередного этапа проекта.

Участники мюзиклов имеют возможность для совершенствования умений в сценической деятельности: актерской игре, вокале, танцах. Желаящие могут заниматься развитием коммуникативных навыков и практики разговорного английского языка. Особое значение имеет знакомство с достижениями культуры и искусства, основами актерского мастерства и других сценических искусств, интернациональное общение, расширение знаний о культуре других стран.

Все это позволяет мне утверждать, что проект «Театр» эффективен: он способствует личностному творческо-

му росту участников из разных государств, помогает им увидеть реальную жизнь другой страны и познакомиться с культурой изнутри, а преподавателям школ-участников — познакомиться с образовательными технологиями партнеров и перенять актуальный для них опыт. Проект также способствует формированию коммуникативных навыков, дает полезную практику в английском языке для россиян, позволяет наладить новые знакомства и найти новых друзей. Это значит, что социокультурный проект «Театр» в полной мере способствует укреплению доверия и взаимопонимания, что, несомненно, позитивно скажется и на международной репутации России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л. Е., Тургаев А. С. Культурное сотрудничество в Баренцевом регионе и укрепление доверия между партнерами // Вестник СПбГУКИ. — 2017. — № 3. — С. 6–11.
2. Кудрина Е. Л. Диалог культур: влияние на культурную политику в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета искусств. — 2011. — № 4. — С. 33–41.
3. Лебедева О. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. — 2016. — № 9. — С. 76–84.
4. Луков Вал.А., Луков Вл. А. Политика — культура — молодежь // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2008. — № 1. — URL: zpu-journal.ru/e-zpu/2008/1/Lukovs_policy/ (дата обращения: 20.01.2018)
5. Сайт МБОУ Гимназии № 96 им. В. П. Астафьева — URL: <http://gym96.ru/> (дата обращения: 3.03.2018)

© Адамова Алиса Дмитриевна (alisa-elisaveta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРАДИЦИИ КАМНЕРЕЗНЫХ РЕМЕСЕЛ ТУВЫ

THE TRADITIONS
OF STONE CUTTING IN TUVA*T. Budegechieva*

Summary. The article addresses the origins of Tuvan stone small-scale sculpture. Among Russian handicrafts this type of art is highly valued for of its style and original national identity. The establishment and development of this unique craft was encouraged by the different types of stone carving that existed throughout the history of nomadic people of Tuva. Such as cave drawings that were created in Tuvan territory up to the modern age, spiritual deer stones, small figures for sanctuaries, kizhi-kozhe stone figures, steles with ancient Turkic writing, household items etc. Contemporary Tuvan stone small-scale sculptures are carved out of special material — ornamental stone Agalmatolith and are intended only for aesthetic purposes. Nevertheless, an extensive past experience of stone carving can be considered as a living tradition transformed into a small-scale sculpture of Tuvans.

Keywords: Nomadic culture, Tuvans, stone cutting, tradition, modern cultural transformation, small-scale sculpture.

Будегечиева Тамара Будегечиевна

*К.ф.н., доцент, Тувинский государственный университет, г. Кызыл
budegechy@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются истоки современной тувинской малой пластики из камня. Среди художественных промыслов России это явление оценивается весьма высоко своей стилиобразующей подачей и самобытным национальным содержанием. Становлению и развитию уникального ремесла способствовали существующие в истории тувинцев-кочевников различные виды работ с камнем. Это наскальные рисунки, создаваемые на территории Тувы вплоть до наших дней, культовые оленные камни, фигурки для святилищ, каменные изваяния жижи-кожээ, стелы с древнетюркским письмом, определенные предметы быта. Современная же малая пластика тувинцев имеет свою разновидность материала — поделочный камень агальматолит и чисто эстетическое предназначение. Тем не менее, богатый опыт работ с камнем мастеров прошлого можно рассматривать непреходящим наследием, воплотившемся, безусловно, в трансформированном виде в новом пластическом ремесле народа.

Ключевые слова: Кочевая культура, тувинцы, мастер-камнерез, камнерезное ремесло, традиция, современная трансформация, малая пластика.

Камень как материал для производства тех или иных артефактов в жизни кочевника был достаточно распространен на протяжении всего культурогенеза тувинцев. По ходу истории народа был сформирован целый ряд камнеобрабатывающих ремесел. Каждое из них, как любое древнее явление, имеет весьма сложное синкретическое содержание, в которое входят социальные, духовно-культовые, коммуникационные, информативные, эстетические и прочие составляющие. Все это требует комплексного подхода к изучению памятников древности. Имеющиеся научные публикации обращены, как правило, к какому-либо конкретному их виду. Анализ материала авторами обычно осуществляется в свете историко-археологических, историко-этнографических данных: происхождение артефактов, их описание, датировка, функциональное назначение, классификация и т.д. [2; 6; 7; 10; 11; 12; 13] Семантическое многообразие в их рассмотрении, в частности, эстетические, художественные аспекты, пока не входят в дисциплинарный формат проводимых исследований.

На современном этапе работы тувинцев с камнем представлены скульптурой малых форм, сформировавшейся на рубеже XIX — XX вв. Мастеров этого ремесла, которое все более воспринимается на уровне искусства, отличает виртуозное владение материалом, художественная выразительность пластического языка, неординарность стилиобразующих, композиционных реше-

ний. Произведения тувинской малой пластики с успехом экспонируются на художественных выставках в стране и за рубежом, приобретаются в музейные и частные коллекции, привлекают внимание искусствоведов [14; 16].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть современную малую пластику тувинцев в связи с камнерезным опытом прошлых эпох. Автора интересуют, при всем многообразии этого опыта, его эстетические аспекты, к примеру, усвоение азов формотворчества, навыки стилистического, порой художественно-образного подхода к изображению, выразительность пластического языка, гармоничного расположения рукотворного объекта в окружающем пространстве. Междисциплинарный подход к камнерезным ремеслам Тувы позволяет их рассмотрение в качестве непрерывной преемственной связи, способной в новых исторических обстоятельствах проявиться остро современным, качественно новым феноменом тувинского искусства.

Камень — это то первовещество, которое заложило основы истории человечества, в том числе и истоки его изобразительного искусства. Местное население Тувы также имеет свою длительную историю обработки камня, что в горном крае было совершенно естественным. До сегодняшнего дня в Туве сохранились многие скальные поверхности, покрытые изображениями горных козлов, оленей, лошадей, верблюдов, кабанов, волков

и других представителей местной фауны. Какие-то из них олицетворяли магические тотемы, другие изображали промысловых, одомашненных животных. Они запечатлены как в статичных позах, так и в стремительном движении, динамичных композициях. Многие изображения довольно упрощены, схематичны, но встречаются художественно выразительные, композиционно сложные, порой поражающие своим изяществом и мастерством исполнения. Древние мастера нарабатывали техники нанесения рисунков на камень: точечными углублениями по контуру фигуры либо сплошной резной линией.

Значительный опыт в создании петроглифов аккумулируется на территории Тувы к скифскому времени. Все чаще встречаются пробы древнего человека в овладении художественным языком, что влечет за собой сложение подлинно художественного стиля, определенной каноничности изображения, характерные его стилистические приемы, называемые в современной скифологии «скифо-сибирским звериным стилем». Анималистическая тематика приобретает устойчивый характер и становится сквозной на протяжении всей истории тувинского народа.

Как известно, анималистическое искусство в древности бытовало у населения различных регионов мира, являясь этапом в духовном осмыслении окружающего мироздания, определенной ступенью общественного развития. На территории Тувы, представлявшей в I тысячелетии до н.э. один из очагов скифской культуры, искусство изображения зверей на каменных поверхностях нашло свое закрепление, дальнейшее развитие и в последующие эпохи. Этот процесс отразился и в работах с другими материалами. Известный исследователь истории народов Южной Сибири С. В. Киселев, говоря об особенностях орнамента древних тюрков, имевших непосредственное отношение к этногенезу тувинцев, отмечал происхождение ряда узоров «из звериного орнамента скифо-сибирской эпохи» [8. С. 524]. Преобладавший в орнаменте растительный узор как бы прорастал звериными мотивами, которые прочитывались не прямо, но узнавались без труда. Менялись племена, культуры на территории Тувы, но анималистическая традиция продолжала свое развитие как в наскальных сюжетах более позднего времени, так и в орнаментальных мотивах ювелирных украшений и аксессуаров одежды, в декоре оружия и предметов быта, в культовых фигурках животных для святилищ, при изготовлении шахмат для знати, игрушек для детей.

Устойчивый характер анимализма можно объяснить неизменной преемственностью в хозяйственной деятельности, образе жизни кочевников-скотоводов, охотников, исторически обитавших на этих землях, и как следствие — культ животных, зверей в их мировоз-

зренческом комплексе. Не случайно во время опроса современного коренного населения, особенно людей старшего поколения, при просьбе назвать наивысшее проявление красоты в окружающем мире большинство опрошенных отмечают именно животных, зверей, их повадки и жизнь в природе.

Возвращаясь к древности, можно отметить, что в скифское время анималистическая тема, наряду с наскальными рисунками, прослеживается и на оленных камнях — культовых стелах, плоскость которых большей частью была покрыта силуэтными изображениями оленей и других животных. Многие изображения на оленных камнях полны экспрессии, внутренней динамики, выразительности, что свидетельствует о дальнейшем пути познания материала и развитии художественных начал в работе с камнем. При этом следует отметить, что возрастала не только изобразительно-выразительная сторона работ, но все более усложнялась техника нанесения рисунка на материал. М. А. Дэвлет предполагает, «что первоначально фигуры намечались тонкой резной линией, после чего внутреннее пространство покрывалось точечными выбоинами, тем самым резной контур рисунка утрачивался» [7. С. 53]. Подобная техника, близкий прием встречается и у современных камнерезов, когда на куске камня агальматолита мастер острием ножа делает силуэтный набросок предполагаемой фигурки животного, лишь затем приступает собственно к пластическим работам.

Совершенствовались приемы работы с камнем и при установке эпитафийных стел рунического письма древних тюрков. Они обычно создавались из каменных плит твердых пород и устанавливались при погребении представителей древнетюркской знати, выдающихся воинов, достойно павших в сражениях с врагом.

Я — тот, кто всегда сражался в жестоких войнах, на проворных ланей я — меткий стрелок. Польза, которую я принес моему божественному государству, — я (лично) убил девять мужей-воинов (врага).

О, мои родственники и родственницы, — как грустно, я разлучился (с вами), как жаль мне! Мой народ Ста (племен) Кюмюлей, — как печально, я разлучился (с тобой)!

У меня не (было) изъянов в доблестях мужа-воина, [и вот] в сорок лет я расстался (с этим миром)! [10. С. 223]

Подобные памятники исследуются в различных научных аспектах — как исторические источники, литературные, лингвистические документы, хотя остаются и некоторые пробелы в их изучении. Так, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется именно технической стороне их создания. Интерес представляют такие

вопросы, как способ воздвижения стел, локация процесса их обработки, нанесения текста — на месте их установления или, возможно, в каких-то специальных «мастерских», инструменты, которыми пользовались мастера при нанесении текста, возможное их использование в других ремеслах, влияние технологических особенностей на общий результат работ и т.д. Это далеко не частные проблемы ремесел с камнем, они касаются динамики общих производственных характеристик кочевого общества, специфики его материально-технического потенциала. На эти вопросы в специальной литературе можно найти лишь попутные замечания. Так, И.Л. Кызласов пишет по этому поводу: «В целом многообразие применявшихся для нанесения известных енисейских надписей орудий станет очевидным из перечня производившихся при этом операций. Таковы выцарапывание (тонкая гравировка), резьба, выскабливание, выбивка (высекание)» [11. С. 147]. Важно, что в этом замечании автором обозначены различные техники нанесения на камень рун, что свидетельствует о технологической сложности работ каменотеса и возможной специализации в этом непростом ремесле. По технике нанесения рун исследователь заключает, что «все они выполнены железными инструментами: резцами и ножами» [11. С. 146].

Предполагается, что рунические тексты наносились и на другие материалы. Нас же интересуют работы населения Тувы именно с камнем, и то, каким образом древний опыт «срабатывает» в новом качестве в современных камнерезных работах. Следует отметить, что как в средние века, так и сегодня, основным инструментом в обработке камня является набор ножей. Нож, как неизменный атрибут мужского костюма кочевника, был не только его оружием, но и универсальным орудием любого вида труда, основным инструментом во многих ремеслах.

Значительным этапом в творческом освоении камня явилась установка в средневековой Туве ритуальных каменных изваяний кижжи-кожээ. Образцы этих памятников дают материал не только по чисто историческим проблемам, которые активно обсуждаются учеными, но и отражают, по предположению А.Д. Грача, «высокий уровень камнерезного искусства у древнего населения этой глубинной области Азиатского материка» [2. С. 90]. При этом, кому бы ни посвящался памятник — побежденному выдающемуся врагу или местному герою — древние мастера умели увидеть и создать из бесформенной глыбы гранита образ воина — brutального, сильного, всегда готового к новым подвигам. Более того, мощные статичные фигуры, вырастающие из земли, устремившие суровый взор в бескрайность пространства, являются образом целой эпохи, времени постоянных военных походов, и ее идеала — «рыцаря» степей.

Образное видение окружающего мира, попытка передать его реалии через объемные, пластически выразительные формы действительно позволяют видеть в ряде каменных изваяний Тувы явления искусства, зарождение в центральноазиатских степях монументальной скульптуры. По имеющимся ее образцам можно судить, что местными каменотесами был накоплен достаточно высокий уровень пластического мастерства, о чем свидетельствует его закрепление в определенные художественные каноны: статичность изображения, обобщенность форм, строгий набор деталей, работающих на образность — непрерывный пояс с соответствующими аксессуарами, сосуд, положение рук. В то же время чувствуется индивидуальный, авторский подход, проявляющийся в степени реалистичности каждого изваяния, в деталях моделировки фигуры, лица, размере памятника, подборе соответствующего материала. В результате, при всей каноничности, создавалась неповторимость каждого памятника, целая галерея типов, каждый из которых не похож на другого.

Обращает внимание и то обстоятельство, что средневековые каменотесы смогли грамотно усвоить основной закон монументальной скульптуры, состоящий в умении соотносить свое творение с окружающей средой, определенным природным окружением. Место для памятника выбиралось достаточно ровное, обычно в степи, с открывающейся пространственной панорамой, дальними контурами гор. Степь у кочевника была и мастерской, и местом установки памятников, что диктовало мастеру особую пластическую стилистику. В этом плане трудно представить в центральноазиатских степях скульптуру античности или европейского средневековья, предназначенную для интерьера храма или площади полиса. По меньшей мере, это выглядело бы некоторым диссонансом в окружающем пространстве, несмотря на безупречность классических форм. Возможно, подобное сравнение может показаться некорректным по отношению к великим творениям европейских ваятелей. Тем не менее, и то, и другое — скульптура. Но здесь речь идет о каменной степной скульптуре, об особом изобразительно-выразительном ее языке. В этом случае совершенно обоснованным становится прием обобщенного решения фигур, их статичность, некоторая тяжеловесность форм, впечатление их незавершенности. Фигуры средневековых воинов-кочевников не нуждались в тщательной проработке материала. Каждое изображение — это нерасчлененный объем: голова, руки, атрибуты проработаны лишь барельефом и составляют единое целое с телом.

Это было продиктовано не неумением местных мастеров, напротив, их удивительным чутьем связи создаваемого объекта с природным ландшафтом. Многие века стоящие под открытым небом, овеиваемые степными ветрами, зноем, стужей эти памятники навсегда срослись

с землей, создавая впечатление не рукотворности, а творения самой природы. В них заключен бесценный опыт, знание, умение далеких предков работать с «вечным» материалом, придавать ему нужные формы, вкладывая в «текст» сооружения что-то важное о своем времени. Кроме того, они источают первобытную энергию, огромную физическую силу, вложенные в их создание и установку, вызывая почтительное отношение не только к самим памятникам, но и к людям, их создавшим. Культурное предназначение, поклонение были в свое время основной целью установки подобных изваяний, называемых в народе киж-кожэ (буквальный перевод — неподвижный человек). Отсюда еще одна особенность памятников — все внимание древних камнерезов концентрировалось на изобразительной стороне переднего плана фигуры, который нес основную пластическую нагрузку.

С течением истории практика установления подобных ритуальных памятников исчезла на территории Тувы, но накопленный в веках камнерезный опыт не мог исчезнуть бесследно, оставаясь в генной памяти народа. В XIX — XX веках навыки работ с камнем, традиции древних бытовавших в народе ремесел сфокусировались в сформировавшемся художественном феномене — скульптуре малой формы. Это происходит, когда количество наработанного наследия переходит в качество новых культурных реалий. Безусловно, древние ремесла претерпели значительную трансформацию, продолжая возрождаться, проявляться как бы в «снятом виде». Прежде всего, взамен магического, культового предназначения, продиктованного архаичным мировоззрением, в современной работе с камнем основным и определяющим становится эстетическое, декоративное начало.

Во многом это объясняется появлением нового камня: вместо скальных поверхностей, гранита, песчаника, обработка которых была распространена в древней Туве, на современном этапе в основном используется агальматолит, по-тувински — чонар-даш. Его залежи находятся у западных границ республики — в Бай-Тайге. У подножья агальматолитовой горы Сарыг-Хая в поселке Кызыл-Даг живут и трудятся современные камнерезы. Это основная школа современных тувинских мастеров по камню. В этом районе появились свои династии, сформировалась система передачи традиционного опыта и мастерства, свои узнаваемые стилистические особенности ремесла. Вполне реально утверждать и другой очаг, другую школу малой пластики Тувы — Улуг-Хемскую. Она сложилась на базе улуг-хемских залежей черного чонар-даша. В отличие от бай-тайгинского агальматолита, он имеет свои пластические характеристики — очень хрупок, достаточно непредсказуем, порой в процессе работы от одного неосторожного движения инструмента может неожиданно раскрошиться в руках мастера. Это диктует иной подход к камню, иные особенности пла-

стического языка. Довольно часто представители обеих школ добывают материал и творят совместно, оказывая значительные творческие взаимовлияния друг на друга.

Залежи агальматолита известны не только в Туве, но и на Урале, в Бурятии, Монголии, Китае, Японии и других местах. Этот камень привлекает современных мастеров своей богатой цветовой палитрой — от гаммы серых и нежно-розовых оттенков до насыщенно красного и черного цветов, а также особой пластичностью, его можно обрабатывать обычным острым ножом, при этом достигая сложных художественных решений. Однажды держа в руках кусок агальматолита, прославленный мастер Монгуш Черзи, один из зачинателей малой пластики тувинцев, сказал слова, помогающие почувствовать этот удивительный материал и тайны камнерезного творчества: «Прежде чем начать резать камень, я думаю, долго смотрю на камень... Вот посмотрите на этот маленький солнечный чонар-даш. Видите, как там скачет всадник, как он торопит коня? Я уберу из камня все лишнее, и этого всадника увидят все люди, но он уже сейчас там, спрятан в камне, его надо только освободить. В другом камне я вижу арзылана, сарлыка или верблюда. Когда я режу камень, я их освобождаю...» [14. С. 3]

Резьба из агальматолита сегодня стала знаковым явлением всего изобразительного искусства Тувы. Ее главной темой, как и в далекие времена, остаются дикие и домашние животные, среди которых наиболее часто изображаются верблюды, лошади, горные козлы, олени, яки. От предков скотоводов, охотников современные мастера переняли особую, характерную для кочевника, наблюдательность, прекрасное знание природы, любовь и уважение к живому окружению, благодаря чему развилось удивительное умение через небольшую фигурку передать сложную жизнь природы, ее совершенство, мудрость основ всего бытия. Неразрывная связь с природой — одна из самых сильных камнеобрабатывающих традиций прошлого и настоящего.

Рождение образа — всегда сложный процесс. Начинается он у одних — с пробы в карандашном рисунке, либо с прорезной зарисовки на поверхности материала, у других — образ рождается из самой формы камня. Наряду с изображением реальных обитателей тайги, степей и гор Тувы, домашних животных, популярны и мифологические образы, например, льва-охранителя арзылана, а также дракона, которые имеются в сюжетном арсенале каждого скульптора. Заимствованные из дальневосточного искусства и используемые в качестве композиционных элементов в народных росписях по дереву, они стали привлекать резчиков возможностью безграничной фантазии, активным использованием декоративных элементов, позволяющих создавать из камня удивительные сказочные фантазии.

При этом, к каким бы темам не обращались мастера-камнерезы, сказочным или реалистическим, их произведения отличает предельная выразительность, гармония, уравновешенность пластических ритмов и форм, богатство и утонченность декоративных приемов, безупречное чувство материала. Создаваемые ими фигурки живут как бы вне времени. Хотя, с одной стороны, в них чувствуются черты древней пластики с ее сдержанностью и стремлением постичь вечное, с другой стороны, они динамичны и экспрессивны, чем созвучны современной художественной образности. «Надвременной» эффект часто достигается обращенностью к пограничному состоянию в жизни животного — это уже не покой, но и еще не само движение. Фиксируется момент, который как бы предвосхищает будущее движение во всей его мощи. Акцент на внутреннем состоянии образа, на его глубинной скрытой экспрессии делает этот образ более одухотворенным и в то же время по традиции монументально значимым.

В последние десятилетия представители как молодого, так и старшего поколения мастеров Тувы, сохраняя сложившиеся в новое время сюжетно-стилистические каноны, пытаются привнести в народное искусство дух современности и новаторства. Проблема новаций в народных ремеслах достаточно сложная, и отношение к ней со стороны теоретиков и любителей искусства далеко не однозначное, тем не менее, в диапазон традиционных анималистических тем все более включаются образы людей, бытовые, исторические сюжеты. Многих авторов привлекают усложненные многофигурные композиции, все чаще можно наблюдать остродинамичные решения сюжета, происходит обогащение пластического языка.

Проявляется увлеченность современных резчиков изделиями утилитарного назначения — чернильными приборами, пепельницами, шахматами, объемными календарями животного цикла, и в этой тенденции рыночный спрос играет не последнюю роль. Так, национальные шахматы из цветного агальматолита, выполненные нередко с большим мастерством и незаурядным художественным вкусом, представляют значимость не только функциональную, но ценны и как авторские работы. Их местной особенностью является анималистическая основа большинства фигур, включение в их ряд этнических персонажей, символов. На шахматной доске воссоздается целый мир кочевника-скотовода, его особое мироощущение. Современные работы мастеров благодаря своим пространственно-пластическим и эстетическим качествам удивительно органично вписываются в любой интерьер, так же, как и средневековые изваяния — в окружающее пространство.

За создание высокохудожественных произведений многим тувинским камнерезам присуждены почетные звания лауреатов Государственной премии России в области искусства. Это является признанием высокого художественного уровня и национального своеобразия камнерезного ремесла Тувы. Сохранять и развивать его традиции, передавать вековой самобытный опыт народа помогает сеть камнерезных кружков и школ искусств в различных районах республики, существующие семейные династии. Произведения малой пластики тувинцев неизменно находят путь к сердцам зрителей не только в Туве, но и далеко за ее пределами благодаря концентрации духовного потенциала, глубинным архетипическим началам, которые позволяют современному человеку возвращаться к своим, порой забытым, первоистокам. Кроме того, основные пластические приемы этого искусства — сплав натурализма и стилизации, предельного реализма и фантазии, статичности и внутреннего динамизма, утонченно-декоративной проработки деталей и полированных объемов — оказались в русле постмодернистской изобразительности последних десятилетий, не имеющей в настоящее время национальных границ.

Итак, изложенное позволяет утверждать, что каких бы высот по владению материалом и совершенству художественного языка ни достигла современная малая пластика тувинцев, ее невозможно рассматривать вне связи с древними камнеобрабатывающими занятиями народа. Безусловно, кардинальным образом изменилось функциональное назначение современных каменных артефактов. Ритуально-культурные их цели сменились эстетическими, художественными задачами. В связи с этим в настоящее время тувинские камнерезы стали использовать в основном поделочные камни, используя их богатые выразительные и пластические возможности. Они овладели сложными приемами современного формотворчества, значительно расширили тематический диапазон создаваемых произведений. Тем не менее, связь времен не прервалась: народные ремесла предшествующих времен создали прочную базу, вобравшую в себя крупницы знаний, мастерства и вековых навыков работ с камнем, для дальнейшего развития национального камнерезного искусства. Таким образом, сложилась и действует живая развивающаяся традиция, которая в совокупности с другими традициями детерминирует новым поколениям народа преемственность национальной культуры, его культурное воспроизводство. Изучение этой традиции имеет свои дальнейшие научные перспективы и остается актуальной. Ее исследование с позиции комплексного, междисциплинарного подхода, включающего философские, эстетические, культурологические, искусствоведческие аспекты, будут способствовать осмыслению камнерезного феномена Тувы во всей его полноте и сложности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974
2. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961
3. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и урянхайский край. Т. III, вып. I. Л., 1926
4. Грязнов М., Шнейдер Е. Древние изваяния минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л., 1929. С. 63–93.
5. Дэвлет М. А. Личины-маски и проблема древних культурных связей. // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1979. С. 152–158
6. Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980
7. Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982
8. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951
9. Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Собрание сочинений. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. М., 1934
10. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997
11. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994
12. Маннай М. Х. Оленные камни Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIII. Кызыл, 1968. С. 138–149.
13. Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М., 1970
14. Оживший камень. Фотоальбом тувинской народной резьбы по камню. Кызыл, 1969
15. Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971
16. Червоная С. Художники Республики Тыва. Санкт-Петербург, 1995.
17. Bunker, Emma C. Nomadic art of the Eastern Eurasian steppes: the Eugene V. Thaw and other New York collections. New York, 2002
18. Jacobson, Esther The deer goddess of ancient Siberia: a study in the ecology of belief. Leiden, 1993
19. The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information. Vol. XXIV. New York, 1911

© Бudgeгечиева Тамара Бudgeгечиевна (budgegchy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тувинский государственный университет

ЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФУНКЦИЙ РОК-КУЛЬТУРЫ

PROTECTIVE FUNCTION AS ONE OF THE KEY FUNCTIONS OF ROCK CULTURE

V. Doronin

Summary. This article is devoted to the consideration of one of the key functions of such a phenomenon as rock culture. For all its obviousness, this function does not yet have a specific name. Nevertheless, it is possible to define in what it consists and formulate it in a few words. This function of protection, assistance, rescue, participation, support, consolation both at certain critical moments and periods of a person's life, and support for him in general. It is difficult to overestimate the significance of this function, since civilization and culture, in addition to the aggregate of all the benefits and positive prospects, also carry a large number of threats and problems of a different plan and properties. Thus, the urgency of researching this functional aspect of rock culture is obvious.

Keywords: rock; rock culture; rock hero; function of rock culture; protective function; adaptive function; the rescue; safety.

Доронин Владимир Викторович

К.ф.н., Тюменский

Государственный Университет

sibe1@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению одной из ключевых функций такого явления как рок-культура. Эта функции одновременно является, насколько очевидной и имеющей непосредственное практическое воплощение, но в то же время настолько парадоксально, что за ней пока не закреплено конкретное название. Тем не менее, определить в чем она состоит и сформулировать ее можно в нескольких словах. Эта функция защиты, помощи, спасения, участия, поддержки, утешения как в определенные критические моменты и периоды жизни человека, так и поддержка его в целом. Сложно переоценить значимость этой функции, так как цивилизация, и культура помимо совокупности всех благ и позитивных перспектив, вместе с тем несет большое количество угроз и проблем различного плана и свойств. Таким образом, очевидна актуальность исследования этой функциональной стороны рок-культуры.

Ключевые слова: рок; рок-культура; рок-герой; функция рок-культуры; защитная функция; адаптационная функция; спасение; безопасность.

Рассуждение о одной из ключевых функций рок-культуры нужно начать с того, что «Функции культуры — совокупность ролей, которые выполняет культура по отношению к сообществу людей, порождающих и использующих (практикующих) ее в своих интересах; совокупность селектированных историческим опытом наиболее приемлемых по своей социальной значимости и последствиям способов (технологий) осуществления коллективной жизнедеятельности людей». [3; С. 320] Очевидно, что любая культура обладает рядом определенных функций, и рок-культура в этом не исключение, но в данной статье нас интересует только одна конкретная. Определяя в чем состоит смысл рок-культуры и что ее детерминирует, мысль о этой функции так или иначе появлялась в поле зрения автора, но до какого-то момента находилась на периферии основного направления исследования. Нужно акцентировать внимание на том, что эта функция обладает рядом особенностей, так, например, на первый взгляд, находясь в тени, она является одной из ключевых и проявляется в рок-культуре в различных аспектах. Итак, пришло время сформулировать ее и дать ей определение — это функция защиты и помощи. Забегая вперед, нужно сказать, что вообще роль рок-культуры во многом сфокусирована на идеи «работы спасения».

Удивительно, но практически нет проработанных философских и в тоже время жизненных концепций,

связанных с идеей спасения человека, недостаток в теоретической базе усугубляется еще тем, что имеется весьма ограниченный круг научных материалов вообще на эту тему. Представители аксиологической философской традиции, восходящей к И. Канту одной из главных функций соответственно выделяют аксиологическую, представители символической школы — Л. Уайт, К. Леви-Строс, Ю.М. Лотман и др. первичной по значимости функцией культуры считают семиотическую. Представители натуралистического направления — Г. Спенсер, Э. Фрейд, а из отечественных мыслителей, например — Э.С. Маркарян, главенствующую роль отводили адаптивной функции. Э.С. Маркарян писал следующее: «Выделение адаптивной функции в качестве генеральной позволяет, на наш взгляд, заложить теоретический фундамент для создания приближенной к реальным процессам функционирования и развития общества системной модели культуры. Исходя из этих функций, укажем на два взаимно предполагающих друг друга направления человеческой активности, обуславливающих и интегрирующих в конечном итоге все возможные виды и формы культуры, безотносительно к тому, на каком основании они могут быть выделены. Мы имеем в виду направленность регулирующей человеческой деятельности, ориентированной на упорядоченное взаимодействие социальной системы с внешней средой и на упорядочение самой социальной

системы как целостного организма». [6; С. 63] Одним из первых защитную функцию культуры выделил Э.В. Соколов. «Первой универсальной функцией надо считать защитную. Она состоит в том, что при помощи искусственно созданных орудий и приспособлений — орудий труда, лекарств, оружия, транспортных средств, источников энергии — человек неимоверно увеличил свои возможности приспособления к окружающему миру, подчинения себе сил природы. Ему не страшны голод, наводнения, эпидемии». [2; С. 13] Но, если следовать этой логике, такое понимание защитной функции сводит ее к приспособлению, адаптации, а именно в этом контексте она и представлена в большинстве источников. Но есть основания полагать, что нужно проводить различие между адаптивной и защитной функциями. В.А. Куц: «Отметим существенные отличия понятий «адаптация» и «защита». Адаптация, в том числе и в культуре, это длительный процесс, а биологическая адаптация видов живых существ может длиться тысячелетия и более. Защита должна иметь широкий временной интервал — от долей секунды до десятков лет. Это разномасштабные по времени процессы. Для осуществления адаптации системы к какому-то виду воздействия, например, к информационной среде, необходимо иметь защиту по всему спектру опасных воздействий (вещественному, энергетическому), в том числе и по адаптируемому. Процесс адаптации может осуществляться только после того, как будет осуществлен процесс защиты, обеспечивающей функционирование системы в нормальном (не кризисном) ее состоянии». [4] Он добавляет, что защитная функция культуры также отличается от адаптивной по арсеналу средств и методам реализации. Поэтому более корректно будет разделять защитную функцию на две разновидности — адапционную и непосредственно — защитную. Так Маркарян выделял еще характерные черты — самосохранение и развитие, как ключевые цели адапционной системы. Приведенные выше определения дают понять, что данная тема среди философов и культурологов рассматривается весьма абстрактно, а также то, что они не пришли к единому мнению в вопросе о защитной функции культуры. А ведь проблема защиты особенно актуальна в современном обществе и отсутствие ее практического решения, делает очевидным, почему эта функция является одной из ключевых в рок-культуре: рок-культура вначале произвольно, а потом уже сознательно взяла на себя эту роль, так как другой альтернативы по большому счету нет. Например, существуют руководства как спасать человека на воде, есть курсы по самообороне от преступников, как оказать первую медицинскую помощь, психологическую и т.д. Культура постмодерна дает человеку огромный выбор виртуальных реальностей и как справится с их сложностями. Религия настойчиво пытается спасти душу и предлагает свои варианты, готовя его

к реальности потусторонней, но кто спасет человека от самого себя в реальном мире, кто защитит его от опасностей и губительного воздействия современности. Кто здесь и сейчас спасет человека от одиночества, непонятости, тоски, невысказанности, неразделенности, отвергнутости, обиды, потерянности, ненужности и т.д. Кто поможет справиться с «невыносимой легкостью бытия» или наоборот справиться с его тяжестью. Кто разделит с ним его радость, а тем более его боль и страдание, кто создаст систему безопасности и защиты, кто вселит надежду, которая не будет голословной. А если ее нет, то кто поможет хотя бы достойно выти из ситуации, даст не временную «анестезию», не дежурно отделается беспристрастными советами и сухими наставлениями, а действительно будет рядом в трудную минуту. Мы сталкиваемся с проблемной ситуацией: семья, близкие, социальные институты и др. нередко не справляются с функцией защиты, поэтому во многом эту роль взял на себя, казалось бы не самый приветливый с виду «товарищ» — рок. Многомерный характер рок-культуры подразумевает, существование и других функций, среди которых есть возможно даже более значительные, хотя, что может быть еще важнее чем помощь и поддержка. Даже, если не брать в расчет другие, значимость этой перевешивает все, в том числе и все отрицательное, что бы не приписывали року. В обладании этой функцией заключается одна из главных практических его ценностей. При более пристальном рассмотрении защитной функции рок-культуры становится ясно, что в видоизменной форме мы имеем дело с адапционной или адапционно-охранительной функцией. «Если современное общество в цивилизационном и особенно формационном плане изменяется относительно быстро и человек ныне в большей степени подвержен разного рода внешним влияниям природной и социальной среды, то культура имеет иные по длительности исторические циклы эволюции. Ввиду этого возникает сложная двуединая проблема: адаптация культуры к переменам в данном обществе и мировом сообществе в целом и сохранение своей собственной культурной идентичности». [7] Более углубленно рассматривая данный вопрос, очевидно, что официальная культура перестала справляться с этой ролью. Все бьют тревогу говоря о проблемах общества и молодежи, но кто реально помог? Вообще одним из главных страшных пороков современности является — равнодушие. Оно настолько повсеместно укоренилось, что стало уже установкой, кредо, жизненной позиции современного человека и общества потребления. Мы везде наталкиваемся на равнодушие и безразличие, помноженное на одиночество и отчужденность. А в роке чего — чего, но равнодушия и безразличия никогда не было. В данном контексте уместной будет концептуальная идея Мартина Хайдеггера, сформулированная примерно в следующем тезисе, что

человек выброшен в реальный мир. Или еще более резкая, жесткая, неумолимая, но от этого не теряющая своей пугающей актуальности экзистенция Ницше, что «Дух мертв», а человек одинок и брошен на произвол хаоса и судьбы. И он не просто одинок и покинут, он, по большому счету, фатально потерян в этом десокрализованном мире, предоставлен самому себе и помощи ему ждать не от кого, кроме как уповая на самого себя. Об этой страшной тенденции современности рассуждали и ученые, развивающие жизнелюбивые гуманистические направления в философии, такие, например, как русские философы-космисты. Частично идеи спасения, взаимопомощи и поддержки нашли отражение в трудах философов Владимира Соловьева и Николая Федорова. Русские философы-космисты выдвигая идею синтеза науки и творчества, считали, что подлинное искусство несет в себе именно жизнеспасающую функцию. По их мнению такое жизнеспасающее и жизнеутверждающее искусство насыщено «вечными вопросами» существования, воплощенными в различных философских конструктах сверх-эстетического, религиозно-нравственных критериях, единстве блага и красоты.

Таким образом, проблема безопасности и незащищенности человека, становится одной из онтологических задач, которую пусть своеобразно, но во многом решает рок-культура. Во-первых, рок интегрируя в себя различные виды творчества и вступая в диалог с разнообразными направлениями искусства, учит человека созидательно и творчески смотреть на мир, создавать художественные образы, реализовывать их и заполнять ими пространство. Тем самым предоставляет альтернативу, чтоб человек не остался нереализованным, не потерял себя, свой творческий деятельный потенциал, дает возможность вообще найти себя и свой путь во многих сферах жизни. То-есть рок-культура способна наполнять смыслами бытие. Во-вторых, рок спасет человека от одиночества причем на разных уровнях. Это может быть и как уход от него в творческую реальность, так и активное противостояние одиночеству. Тема одиночества стала как никогда актуальной в современном мире, когда не смотря на энтропию, густонаселенность и тесноту мегаполисов, человек столь часто остается одинок, непонят, изолирован, сконцентрирован на себе и своем внутреннем мире, но при этом находясь в толпе, среди таких же одиночек. Благодаря же року может быть устранено или смягчено это негативное воздействие окружающей среды. Рок-культура становится во многом буфером между человеком и окружающими его жесткостью, холодностью, безразличием и т.д. Рок дает человеку возможность через творчество выплеснуть свою боль и переживания, выговорится и высказаться, сняв тягостный момент напряжения, но еще и предоставляет возможность быть услышанным, найти единомышлен-

ников, объединиться с близкими по духу, влиться в культуру себе подобных или создать новую.

Важно еще и то, часто в творчестве рок-авторов (рок-героев), можно найти как прямые, так и в аллегорической форме ответы на вопросы как поступить в критической жизненной ситуации. Многие подчеркивали это свойство рока, что во время прослушивания записей с любимыми исполнителями создает ощущение присутствия, а давящие ощущения одиночества отступают. В этом случае совсем меняется его характер: «Я один, но это не значит, что я одинок» (Виктор Цой, группа «Кино»). Многие переживания и проблемы у людей похожие, общие и нередко с ними помогают справиться чувства сопричастности пусть даже не через прямой контакт и диалог. Рок заполняя эти пустоты души и в такой форме выполняет функцию защиты и поддержки. Сколько людей оказывалось лицом к лицу со своими проблемами и в этот момент с ними не было никого, а рядом был только магнитофон, плеер, кассета, диск, пластинка, не важно какой носитель, главное, они услышали нужные слова и в нужный момент.

*«И кажется все: по нулям кислород и бензин,
И с кем-то она, но все-таки знай — ты не один...»
(Группа ДДТ, «Ты не один»)*

Автор, являясь непосредственным представителем року-культуры и демонстрируя собой опыт личного вживания в данную традицию, за долгие годы занятия роком, неоднократно слышал от людей разных возрастов и поколений слова благодарности, какую важную роль для них сыграло в жизни его творчество, о том, что оно поддержало в трудные минуты, когда те были на грани, вывело из тяжелых депрессий, пограничных состояний, помогло не сделать непоправимых страшных вещей, называя вещи своими именами, помогло не совершить даже самоубийство. В подобных ситуациях, творчество и авторитет любимых исполнителей способны вытащить человека, подбодрить, заставить бороться и снова поверить в свои силы, в удачу, что ситуация небезнадежна, что нужно хотя бы попытаться ее исправить. Рок учит сопротивляться, противостоять трудностям, бороться, не сдаваться и не быть пассивным. А что это как не очередное подтверждение защитной и спасительной функции рок-культуры, в которой видна еще и ее альтруистическая ценность. Введенное французским философом О. Контом, понятие альтруизма, в противоположность эгоизму, культивирующее «Принцип «живи для других» нашел свое развитие в XIX в. в рамках моральной философии и включал в себя следующие постулаты: ограничение личных интересов в пользу других; самоотречение; поступки не должны ущемлять права и потребности людей. В XX в. альтруизм как явление переосмысливается философами и возводится в категорию «помогающего

поведения», основанного на этике заботы». [1] В данном случае рок-культура демонстрирует это самое помогающее альтруистическое поведение. Сами за себя говорят уже названия групп: «Гражданская Оборона», «Система Безопасности», «Адаптация», «Инструкция По Выживанию», «Комитет Охраны Тепла», «Комитет защиты общества», «Народное ополчение», «Родина» ... Многие названия иностранных групп тоже могут служить этому подтверждением. И это только выборочно, а сколько еще тех, кто своим альтруистичным творчеством реализует функцию защиты.

В заключении статьи нужно резюмировать следующее. Одна из главных функций рок-культуры и вообще любого настоящего творчества – это функция защиты, помощи, спасения, безопасности, поддержки и т.д. И рок дает мощнейший энергетический, духовный заряд, способный на защиту от негативных проявлений общества, помогает противостоять судьбе, сопротивляться и преодолевать одиночество, равнодушие и безразличие,

которые свойственны современности. Рок-культура защищает человека, помогая сохранить его целостность, его духовный мир, тем самым сохраняя и оберегая его внутреннюю культурную среду. А как писал Д. С. Лихачев: «Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [5, С. 486]. Все выше сказанное о роке — это не просто красивые слова, за ними действительно стоит конкретная идея, реальная сила, воплощающая не просто положительное, а масштабное жизнеутверждающее, обладающая потенциальной возможностью пусть не все, но многое изменить. Защитная функция, возводя в новую качественную степень, сильно повышает значимость рок-культуры в целом. Она делает ее не просто чем-то ярким и особенным, а делает ее по-настоящему Великой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтруизм — плюсы и минусы. [Электронный ресурс]. — URL: <https://womanadvice.ru/altruizm-plyusy-i-minusy>
2. Кравченко А. И. Культурология Учебное пособие для вузов — 4-е изд. — М Академический Проект, Трикста, 2003. — 496 с. — (серия «Gaudeamus»)
3. Культурология. XX век: Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред., сост. С. Я. Левит. — СПб.: Университетская книга; 1998. — Т. 2: М-Я. — 447 с.
4. Куц В. А. Функции адаптации и защиты в культуре. Культура культуры. Научно-рецензируемое научное издание. № 2, 2018. [Электронный ресурс]. — URL: <http://cult-cult.ru/adaptive-and-protective-functions-of-culture/>
5. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2015. — 540 с. — (Почетные доктора Университета).
6. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) / Э. С. Маркарян. — М.: Мысль, 1983. — 263 с.
7. Функции Культуры. [Электронный ресурс]. — URL: <http://worlds-culture.ru/index.php?action=full&id=126>

© Доронин Владимир Викторович (sibe1@rambler.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский Государственный Университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))¹

**NATIONAL CULTURE
IN SOCIO-CULTURAL SPACE
OF THE VILLAGE (ON THE EXAMPLE
OF ACTIVITY OF ESTABLISHMENTS
OF CULTURE OF THE REPUBLIC
OF SAKHA (YAKUTIA))**

**L. Efimova
N. Afanasiev**

Summary. The article analyzes and discusses the current state of national culture on the example of activities of cultural institutions in tomponskiy, Oymyakon and Ust-Maysky regions of the Republic of Sakha (Yakutia) following the results of the research «Assessment of the main trends in natural and socio-economic potential of the Eastern economic zone of the Republic of Sakha (Yakutia)» in the framework of the programme integrated research on the state contract No. 5329 from 07.08.2017 G. As a result of the analysis, the authors came to the conclusion that the main activities for the preservation of the national culture of indigenous peoples living in the areas can be considered the revival of the language and culture of the indigenous peoples of the Republic — Sakha (Yakuts), evens, Evenks and activities for the transfer of cultural heritage to the younger generation.

Keywords: culture; national culture; social and cultural activities; cultural heritage; tradition.

Ефимова Людмила Степановна

Д.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

Афанасьев Ньургун Вячеславович

К.филол.н., старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет имени

М. К. Аммосова

n.v.afanasev@mai.ru

Аннотация. В статье проанализирована и рассматривается современное состояние национальной культуры на примере деятельности учреждений культуры в Томпонском, Оймяконском, Усть-Майском районах Республики Саха (Якутия) по итогам НИР «Оценка, основные тенденции изменения природного и социально-экономического потенциала Восточной экономической зоны Республики Саха (Якутия)» в рамках программы комплексных научных исследований по государственному контракту № 5329 от 07.08.2017 г. В результате анализа авторы пришли к выводу, что основными направлениями деятельности по сохранению национальной культуры коренных народов, проживающих на территории районов можно считать возрождение языка и культуры представителей коренных народов республики — саха (якутов), эвенов, эвенков и деятельность по передаче культурного наследия подрастающему поколению.

Ключевые слова: культура; национальная культура; социокультурная деятельность; культурное наследие; традиции.

Актуальность изучения национальной культуры в системе социально-экономического развития региона связано с необходимостью оценки уровня влияния национально-этической составляющей сознания жителей районов на решения жизненно важных проблем. Это обусловлено тем, что конкретные выводы являются необходимыми в условиях построения успешной и эффективной деятельности в пределах республики. Национальная культура рассматривается как специфическая организация и развитие конкретного народа, представленная в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в отношениях людей к природе, между собой и к самим себе. Исследователи национальную культуру представляют как совокупность материальных

и духовных ценностей нации, формирующихся в процессе преобразования окружающей действительности нацией, а также практикуемых данной нацией основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением. Выбор способов взаимодействия и преобразования обусловлен особенностями национального сознания, а национальное самосознание является следствием причастности к этому преобразованию [1, С. 71].

В постсоветский период (после 1992 г.) в республике заложены законодательные основы культурной деятельности. В 1996 году принят Закон «О музейном фонде и музеях Республики Саха (Якутия)» [2]. В 1999 году принято Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) № 118 от 23 марта 1994 года «Об особо ценных

¹ Статья издается при поддержке программы комплексных научных исследований по государственному контракту № 5329 от 07.08.2017 г.

объектах национального культурного достояния Республики Саха (Якутия)» [3]. В 2005 году принят Закон «О кинематографии Республики Саха (Якутия)» [4]. В 2015 году принят Закон «О реализации отдельных полномочий в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в Республике Саха (Якутия)» [5]. 15 марта 2007 года под № 887-III принят Закон Республики Саха (Якутия) «О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007–2015 годы» [6]. В 2013 году принят Закон «О культуре Республики Саха (Якутия)» [7]. В 2017 году принята «Концепция государственной культурной политики до 2030 года» [8].

В целях реализации принятых законодательных основ по развитию культуры в республике действуют долгосрочные Государственные целевые программы. В 1992 году в республике была принята Целевая государственная программа по возрождению традиционной культуры (1992–1994 гг.), которая уже давно исчерпала свои цели и задачи. Основными направлениями данной программы были: организация и проведение якутского национального праздника — Ысыах; сохранение, развитие и популяризация якутского хомуса, хомусной музыки; изучение, воссоздание религиозных воззрений; сохранение, популяризация якутского героического эпоса — олонхо. Одной из действующих программ является республиканская целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо» на 2009–2011 годы и ее основных направлениях до 2015 года, принятая Указом Президента Республики Саха (Якутия) под № 1776 от 26 декабря 2009 года [9]. Далее 19 июня 2014 года, временно исполняющим обязанности Главы республики Е. А. Борисовым был подписан Указ № 2729 «Об объявлении второго Десятилетия Олонхо в Республике Саха (Якутия)» на 2016–2025 гг. [10]. Государственная программа Олонхо продолжает действовать до 2025 года. Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 года № 956 была принята Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012–2016 гг.» [11].

Новизна темы определяется конкретным рассмотрением современного состояния национальной культуры на примере деятельности учреждений культуры в Томпонском, Оймьяконском, Усть-Майском районах республики. Эти районы по составу населения являются многонациональными. В Томпонском районе проживают русские (50,8%), якуты (29,8%), эвены (4,3%), украинцы (2,2%), татары (0,8%), чукчи (0,5%), эвенки (0,5%) и другие национальности (12,1%). В улусе созданы и активно действуют диаспоры национальностей. В Оймьяконском рай-

оне основное население составляют русские (57%) и якуты (23%). Данный показатель составляет 80% от всего населения улуса. Учитывая многосоставность населения, в улусе ведется плановая работа с национальными общинами. Так, в 2012 году созданы 6 нац.общин — бурятская, башкиро-татарская, казахская, русская, ингушская, корейско-китайская [12]. Общины принимают активное участие в культурной деятельности улуса. В Усть-Майском районе живут русские (64,2%), якуты (7,1%), эвены (0,2%), эвенки (9,3%), и другие национальности (19,2%).

На сегодня в Томпонском районе 14 населённых пунктов, 9 муниципальных образований, 2 городских и 7 сельских поселений. Из них в 4 поселениях проживают якуты (Баягантайский, Мегино-Алданский, Сасыльский, Ынгинский наслега), 1 поселение, где проживают эвены (Томпонский национальный наслег, с. Тополиное). В сфере культуры действуют 10 Домов культуры, 3 музея и Детских школ искусств — 3. В улусе в 1996 году действовали 16 библиотек, позднее в связи с формированием единой системы создан сетевой режим. В 2016 году работала 1 централизованная библиотека с 11 филиалами, которые являются одними из центров по организации культурной деятельности на местах [13]. Число штатных работников культуры Томпонского района остается почти стабильным. Так, в 1995 году работали 52 чел., в 2016 году работает 41 штатных работников. За 20 лет работы численность работников сокращено на 11 штатных единиц. На 2017 год в Томпонском районе количество населённых пунктов составляет 13 единиц, в каждом из которых имеется культурно-досуговое учреждение. Инфраструктура отрасли культуры объединяет — 20 учреждений культуры в сельских поселениях. В районе культурно-досуговых формирований разной направленности (вокальные, хореографические, декоративно-прикладные и т.д.) с количеством участников более 1000 человек. По состоянию на 01 января 2016 года количество сетевых единиц — учреждений культуры, действующих на территории района составляло 20 единиц, в том числе культурно-досуговых учреждений — 12, библиотек — 1, МБУ «ТМЦБ» с 12 филиалами. Детские школы искусства-3 с филиалами, музей — 3.

В Оймьяконском улусе в состав района входят 7 муниципальных образований: два городских и пять сельских поселений. Поселения объединяют 9 населённых пунктов. Из них 5 поселений являются местами компактного проживания якутов (сельское поселение Борогонский 1-й наслег (село Оймьякон, село Берег-Юрдя, село Хара-Тумул), Борогонский 2-й наслег (село Томтор), Терютский наслег (село Терют), В районе имеется 2 поселения с компактным проживанием эвенов — сельские поселения: Сордоннохский наслег (село Орто-Балаган) и Ючюгейский наслег (село Ючюгей), В сфере культуры действуют 7 Домов культуры, 8 библиотек, кино-видео-

центр, 2 краеведческих музея. В улусе работает 3 народных коллектива, 2 музыкальные школы, десятки самодеятельных коллективов [12].

В Усть-Майском районе вместе с Управлением культуры и духовного развития функционирует «Информационно-методический центр культурного наследия и социально-культурной деятельности». В районе работают 8 Центров досуга (Культурный центр народного творчества и общения» в п. Усть-Мая, Центр досуга и общения в наслеге Петропавловск, Центр досуга и семьи в н. Троицк, Дом творчества «Радуга» в п. Эльдикан, Культурный центр «Вдохновение» в п. Солнечный, Культурный центр «Эрэл» в с. Усть-Миль). В улусе действуют 2 этнокультурных эвенкийских центра («Геван» в н. Эжанц, этнокультурный центр народного творчества «Чэчэбиль» в п. Кюпцы), музеев — 2 (Усть-Майский краеведческий музей», п. Усть-Мая, литературный музей им. Д. Н. Апросимова в п. Кюпцы) и 2 Детские музыкальные школы с 2 филиалами. Функционирует Усть-Майская межпоселенческая централизованная библиотечная система с 10 филиалами и Детским отделением.

В постсоветский период в районах наблюдается поиск новых форм и методов работы на примере деятельности органов государственной власти. Так, в Томпонском районе произошли структурные и кадровые изменения. В 2008–2011 гг. начальником Управления культуры была Л. А. Степанова. Но в этот период в районной структуре власти вводится еще одна структура управления — Управление социально-культурной сферы (начальник — О. В. Павлова). С 2011 года по 2015 гг. в районе ликвидируется структура — Управление культуры и вся деятельность по культуре улуса возлагается на Управление социально-культурной сферы (начальник — О. В. Павлова). С 2015 года восстанавливается прежняя структура — Управление культуры, начальником Управления по настоящее время работает А. С. Скрябина.

Несмотря на целенаправленную деятельность Управления культуры улусов по подготовке кадров, по данным последних лет в улусе мало специалистов с высшим образованием. Если в 1995 году в Томпонском районе работали 7 специалистов (13,46%) с высшим образованием из 52 работников, то в 2016 году, работает всего 2 чел. В основном, кадры улусов держатся на специалистах со средним специальным образованием (выпускники Колледжа культуры и искусства, Якутского музыкального училища им. М. Н. Жиркова). В Оймяконском районе наблюдается постоянный состав работников культуры на местах. Так, Татьяна Владимировна Бурцева работает директором СДК с. Томтор с 1998 года. Она в 2015 году стала обладателем почетного звания «Лучший работник культуры Республики Саха (Якутия)», в 2016 году ей при-

своено звание «Лучший директор сельского Дома культуры Российской Федерации» [12].

Основными направлениями деятельности по сохранению национальной культуры коренных народов, проживающих на территории районов можно считать возрождение языка и культуры представителей коренных народов республики — саха (якутов), эвенов, эвенков и деятельность по передаче культурного наследия подрастающему поколению.

По направлению возрождения языка и культуры представителей коренных народов республики — саха (якутов), эвенов, эвенков всего в 3 районах были приняты 7 улусных целевых программ. Так, в Томпонском районе приняты 4 целевые программы. В районе была реализована комплексная программа по возрождению эвенского языка и культуры (1992–1995 гг.), которая была направлена и заложила фундаментальные основы по возрождению языка, традиционного уклада жизни и культуры эвенов из с. Тополиное. Принята Целевая программа «Культура Томпонского района (2002–2005 гг.)». В улусе с 1995 года ведется плановая работа по возрождению и сохранению традиционной культуры. Так, проводится плановая работа по организации и проведению национальных праздников: якутского Ысыах и эвенского Хэбдьэх. С 1992 по 1999 г. работала улусная комплексная программа по сохранению семейных традиций. В 1999 году принята улусная комплексная программа «Дети Томпо». В последнее время в Оймяконском улусе были приняты 3 целевые программы: улусная целевая программа, посвященная 80-летию улуса (2011 г.), «Содействие в развитии культуры в поселениях (2011–2015 гг.)», «Развитие культуры и духовности в Оймяконском улусе (2012–2016 гг.)». В Усть-Янском районе реализована Программа «Развитие культуры Усть-Майского улуса (района) на 2002–2005 гг.».

По передаче культурного наследия подрастающему поколению в районах ведется целенаправленная работа еще с советских времен. Так, в 1983 году в Томпонском улусе создан молодежный эвенский фольклорно-танцевальный ансамбль «Маранга» под руководством Ф. П. Филипповой, который в 1995 году получил звание «Народный» и активно работает до сих пор. Ансамбль был создан по инициативе директора совхоза «Томпонский», Героя Социалистического труда В. М. Кладкина с целью сохранения, развития и пропаганды фольклора и танцевального искусства эвенов. Ансамбль стал Лауреатом многих Международных, Всесоюзных, Всероссийских и республиканских конкурсов [14, С. 201]. С 1995 года начинает свою деятельность Театр молодежной моды «Сахаайа» из с. Кэскил (рук. Т. Д. Борогушина). По работе с молодежью в 1999 году была принята улусная программа молодежной политики. В последние годы наблю-

дается активизация молодежного движения. Молодые исполнители традиционных жанров якутского фольклора в 2017 году впервые в истории района стали лауреатами, номинантами республиканского Ысыаха Олонхо в г. Вилюйск и молодежного Ысыаха в г. Мирном. Традиция деятельности по организации детского творчества в улусе заложена еще с советских времен управления. В 1983 году был создан якутский детский фольклорный ансамбль «Эллээйик» из Баягинского наслега, руководители — Е. А. Горохова, Н. В. Кузьмина, затем А. В. Лукинова. Ансамбль впоследствии стал Народным детским ансамблем и до сих пор является одним из ведущих детских ансамблей республики. В 1985 году создан эвенский детский фольклорный ансамбль «Солинга» из с. Тополиное под руководством Татьяны Петровны Дмитриевой, который стал лауреатом Международных, Всесоюзных, российских фольклорных конкурсов, фестивалей. Ансамбль в те времена объездил весь Советский Союз, принимал участие в концертах за рубежом. Ансамбль стабильно работает до сих пор, в последнее время руководителем работает одна из первых выпускников самого ансамбля Я. В. Слепцова. С 1987 года проводится традиционный конкурс «Звездочки Томпо». Стабильно работают детские школы искусств, кружки разных направлений. С 2016 года МР «Томпонский район» является учредителем муниципального бюджетного учреждения культуры «Томпонская межпоселенческая центральная библиотека» (далее МБУК «Томпонская МЦБ»), в которую входит центральная библиотека, детская библиотека, детская библиотека, 1 городской филиал в МО «Поселок Джебарики-Хая» и 11 сельских филиалов, открытых в населенных пунктах района. Охват библиотечным обслуживанием по состоянию на 2017 год составляет 46,8% читающего населения. Контрольные показатели МБУК ТМЦБ на 1 декабря 2016 г. следующие: охвачено читателей — 6.306 чел., книговыдача составила 178.796 единиц. Отчеты за весь анализируемый период (1986–2016 гг.) были представлены заведующей библиотекой М. А. Голиковой [12].

Таким образом, анализ деятельности учреждений культуры Томпонского, Оймяконского и Усть-Майского районов показал, что в районах уделяется достаточно внимания сохранению, развитию и возрождению национальной культуры коренных народов Севера. По этому направлению деятельности в районах накоплен большой положительный опыт. Наблюдается стабильный характер и целенаправленность культурной деятельности по сохранению, развитию и пропаганде национальной культуры саха (якутов), эвенов и эвенков. В 3 районах работают народные фольклорно-танцевальные коллективы «Маранга», «Солинга» в Томпонском, Чээчэбил», «Икээчик» в Усть-Майском улусах. Через ансамблевую форму приобщения к национальной культуре прошли несколько поколений. Во всех 3 улусах приняты и реализовываются Целевые программы по сохранению, развитию культуры, практикуется Грантовая поддержка. Наблюдается системность кадровой политики в учреждениях культуры, в них нет большой текучести кадров. Практикуются традиционные формы и методы работы, одновременно идет поиск новых форм. В Томпонском районе работа ведется по определенным целевым программам. В Оймяконском улусе центром духовной и культурной жизни якутов является с. Томтор, где СДК имеет статус улусного Дома культуры. Интересным видом деятельности по привлечению разных слоев населения является театральное искусство на селе. В районе действуют 2 Народных театра (Томторский народный театр, Народный театр ДК «Металлург»). В улусе ведется целенаправленная работа по формированию имиджевой политики (Международный фестиваль «Полюс Холода»). С давних времен в Усть-Майском районе была развита кинематография, позднее введены новые формы информатизации (телестудия «Спектр»). Большую помощь в культурной деятельности улусов оказали республиканские целевые программы: Целевая государственная программа по возрождению традиционной культуры (1992–1994 гг.), «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012–2016 гг.».

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнева Е.В., Коробчук Д. В. Влияние национальной культуры на управленческий менталитет // «РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА» № 1 (3) 2017. С. 71–73.
2. Закон Республики Саха (Якутия) от 20 июня 1996 года № -3 № 119-1 «О музейном фонде и музеях Республики Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804911911> (дата обращения: 17.12.2017).
3. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) № 118 от 23 марта 1994 года «Об особо ценных объектах национального культурного достояния Республики Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473500951> (дата обращения: 17.12.2017).
4. Закон Республики Саха (Якутия) № 175-1 от 22 мая 1997 года «О кинематографии». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802015289> (дата обращения: 17.12.2017).
5. Закон Республики Саха (Якутия) № 887-III принят от 15 марта 2007 года «О Государственной целевой программе по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса Олонхо на 2007–2015 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802096821> (дата обращения: 17.12.2017).
6. Закон Республики Саха (Якутия) № 1441-3 № 437-V от 26 марта 2015 года «О реализации отдельных полномочий в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в Республике Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428508333> (дата обращения: 17.12.2017).

7. Закон Республики Саха (Якутия) № 1335-IV от 24 июня 2013 года «О культуре» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/08/15/akutiya-zakon1335-reg-dok.html> (дата обращения: 17.12.2017).
8. Распоряжение Главы Республики Саха (Якутия) от 25 января 2016 г. № 46-РГ «Концепция культурной политики в Республике Саха (Якутия) до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://vschoolmus.ru/wp-content/uploads/2016/01/46-РГ-О-Концепции-культурной-политики-в-Республике-Саха-Якутия-до-2030-года.pdf> (дата обращения: 17.12.2017).
9. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 26 декабря 2009 года № 1776 «О республиканской целевой программе «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса олонхо» на 2009–2011 годы и ее основных направлениях до 2015 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473502513> (дата обращения: 17.12.2017).
10. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 19 июня 2014 года № 2729 «Об объявлении второго десятилетия олонхо в Республике Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412381060> (дата обращения: 17.12.2017).
11. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 года № 956 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Создание условий для духовно-культурного развития народов якутии на 2012–2019 годы»». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460213678> (дата обращения: 17.12.2017).
12. Полевые материалы Комплексной экспедиции ученых СВФУ с 20.10 по 30.10.2017 г.
13. Отчеты Управления культуры Томпонского района за 1995–2016 гг. Ф. 12. Д. 160. Л. 1–46.
14. Томпонский улус (район): история, культура, фольклор. — Якутск: Бичик, 2007. 368 с.

© Ефимова Людмила Степановна, Афанасьев Ньургун Вячеславович (n.v.afanasev@mai.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

ВЛИЯНИЕ СПУТНИКОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ИРАНСКОЙ СЕМЬИ

Хадем Лейла Максус Хоссейни

Аспирант, Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
kafpp@inno.mgimo.ru

THE IMPACT OF SATELLITE TV ON CHANGES IN IRANIAN FAMILY

Khadem Leyla Makhsus Hosseiny

Summary. The paper aims at demonstrating transformations in the structure and life style of the Iranian family at the time of transition from traditional to modern form under the influence of communication media. Unlike similar researches that concentrate only on the impact of the media, it also establishes a mutual interaction of female agents and family structure applying structuration theory of A. Giddens. Their dialectical relationship is presented, exploring the rules and resources of both traditional and modern structures. Female agents' practices are practically studied in their lifestyles. Women reflect and modify their actions once the structure provides them resources like communicative media. The change in their actions is evident in their new lifestyle. Changes in the agents' actions regenerates a family structure that challenges gender roles and establishes cohabitations, a declining birth rate, increased number of divorce and employed women.

Ключевые слова: structure, agent, satellite television, Iranian woman, resources, traditions, gender.

Аннотация. Целью статьи является демонстрация трансформаций в структуре и образе жизни иранской семьи при переходе от традиционной к современной форме под влиянием средств массовой коммуникации. В отличие от аналогичных исследований, акцентирующих только воздействие СМК, в настоящей работе, в рамках теории структуризации Э. Гидденса, устанавливается взаимосвязь между женщинами как агентами структуры и семейной структурой с исследованием правил и ресурсов современных структур и их трансформации под влиянием СМК. Практически изучаются действия агентов в рамках их образа жизни. Результаты исследования показывают, что когда структура предоставляет женщинам ресурсы в виде СМК, они изменяют свои действия, что ведет к новому стилю жизни. Изменения в действиях агентов генерируют структуру семьи, которая изменяет традиционные гендерные правила и влечет за собой рост внебрачных связей, снижение рождаемости, увеличение числа разводов и работающих женщин.

Ключевые слова: структура, агент, спутниковое телевидение, иранская женщина, ресурсы, традиции, гендер.

Введение

Данная статья посвящена изучению трансформации иранской семьи в современном обществе. Актуальность вопроса связана с насущностью проблемы отхода иранской семьи от своих традиций. Новизна исследования заключается в том, что оно не только раскрывает особенности современной иранской семьи, но также демонстрирует процесс трансформации семьи и влияние на нее средств массовой коммуникации, в первую очередь, спутникового телевидения. Хотя влияние телевидения на иранские семьи было предметом многих исследований, в настоящей работе рассматривается связь между женщинами как агентами семейной структуры и самой структурой через воздействие спутникового телевидения. Средства массовой коммуникации (СМК) рассматриваются в качестве материального ресурса семейной структуры, которая формирует агента. Агенты рассматриваются как осведомленные субъекты, влияющие на действия и трансформирующие их, а их действия, в свою очередь, влияют на трансформацию структуры. Традиционную семью характеризуют правила гендерных стереотипов и признание материнства под властью патриархата, а действия агентов соответствуют правилам и ресурсам структуры.

Агенты в современной семье, которые активно пользуются информационными средствами, не ценят религиозные нормы и священные идеалы преданности семье. Эти агенты, унижающие идеал материнства, стремятся добиться социального успеха.

Структура современной семьи: правила и ресурсы

В структуре современной семьи агенты подвержены влиянию СМК, таких как интернет и спутниковое телевидение, которые предоставляют агентам этой структуры неограниченную информацию. Женщины как осведомленные человеческие субъекты могут пересматривать нормы и ценности структуры с целью их изменения. Следовательно, рефлексивные агенты генерируют новую семейную структуру. По мнению Э. Гидденса, «рефлексивность современной социальной жизни заключается в том, что социальные практики постоянно проверяются и реформируются в контексте поступающей информации об этих самых практиках, таким образом постоянно изменяя их характер» [Giddens, 1990, 38]. В статье рассматривается рефлексивность иранских женщин и их семейной структуры в отношении информации, которую они получают из телевизионных передач спутниковых каналов.

Женские агенты изменяют правила структуры исходя из информации, которую они получают из СМК. Доминирующими правилами в традиционной структуре являются правила гендерных различий. Знать правила для агентов означает быть осведомленными и принимать меры. Иранские женщины контекстуально наполнены молчаливыми знаниями о правилах гендерных различий, которые практикуются в рамках традиционной семейной структуры. Сегодня женщины, благодаря информационным ресурсам, узнают и воспроизводят культуру, которая ценит независимых женщин, свободных от правил, предписываемых гендерными стереотипами.

В сериалах, транслируемых на спутниковых каналах, подрываются идеалы и характерные особенности женственности. Изображаемые в них женщины более не являются зависимыми и покорными матерями и женами, посвящающими свою жизнь семье. Главных персонажей в этих сериалах играют независимые активные женщины, ценящие социальный успех и свободные от семейных обязательств. В одном из популярных среди иранских семей сериалов «Любовь и наказание», главный персонаж отличается успешностью в социальной жизни и недоверием к браку и семейной жизни. Как правило, образ счастливой традиционной семьи в этих сериалах либо отсутствует, либо особо не выделяется. Примечательна идея перехода от традиционности к современности среди женских персонажей. Образ доброй матери, представляющий ценность в иранской национальной и исламской культуре, отсутствует или замещен образом женщины, которая, пренебрегая семьей, следует за своей любовью, что в исламской культуре воспринимается как неверность. Тайная любовь замужней женщины, которая жестко отвергается в исламе, поддерживается в самых популярных телесериалах и изображается как естественное и нормальное явление. Согласно статистическим данным, опубликованным на онлайн-сайте «mantageazad», в 74% этих телесериалов в той или иной форме одобряется или пропагандируется неверность, что противоречит нормам исламской культуры, признающей священными семейные ценности и преданность семье. Вышеупомянутое исследование показывает, что только в 10 телесериалах, транслировавшихся в 2014 года на канале «GEM TV», было продемонстрировано 22 случая развода. В этих телесериалах, изображающих поддержание любовных отношений с двумя или более партнерами как нормальное социальное поведение, как правило, абсолютно игнорируется положительный образ молодой женщины, соблюдающей ценности материнства, вытекающие из исламской культуры.

В то время как иранские женщины сегодня переживают необратимый процесс перехода к современности, спутниковые каналы служат материальными ресурсами для стимулирования данного процесса. Транслируе-

мые новые культурные нормы пренебрегает принятыми в иранском обществе гендерными правилами. Традиционно любовь и брак были отношениями, заключаемыми навечно, а сегодня, напротив, пары испытывают то, что Э. Гидденс называет «конфлюэнтной любовью», основанной на спонтанно возникших «чистых отношениях», которые основаны на взаимном согласии партнеров и поддерживаются партнерами на период получения от них удовлетворения [Giddens, 1992, 63; Hull et al, 2010]. По данным Центра по правам человека в Иране (5 февраля 2016 года), сегодня число иранских пар, живущих вместе вне брака, стремительно растет. Как правило, женщины соглашаются на внебрачное сожитие в знак протеста против традиций патриархата и для того, чтобы избежать выполнения традиционных для женщины семейных обязанностей, которые, по мнению молодых женщин, препятствуют их самореализации [Ramezani, 2015]. Эта тенденция, которое молодое поколение называет «белым браком», официальными чиновниками называется «черным браком», который строго запрещен законом.

Еще один пример деградации института семьи — это растущий уровень разводов. По данным Центра демографической статистики и информации за, число разводов за последние 18 лет значительно увеличилось: в 2011 году в стране было зарегистрировано 142841 случаев развода. Следствием внебрачного сожития и разводов является снижение рождаемости. По мнению М. Джокара, одну из основных причин падения рождаемости следует искать в противопоставлении беспечной, социально успешной жизни бездетных пар традиционному материнству, представляемому как тяжелое бремя [Jokar, 2014]. Со ссылкой на Иранский центр статистики, он заявляет, что Иран, с приростом населения в 2% в течение 1986–2011 годов, оказался на первом месте среди стран с падающими темпами роста населения. Еще одной важной причиной такого снижения является рост уровня образования среди женщин. Составляя 60% от числа преподавателей и студентов иранских университетов, современные образованные женщины отличаются от своих матерей и бабушек рациональностью, меньшим почитанием религиозных канонов и изменениями мировоззренческого характера: они не торопятся выходить замуж и рожать детей, таким образом, снижая фертильность семейной структуры [Ijabi, 2014, 121; Gauntlett, 2002, 97]. Во взаимодействии со структурой женщины изменяют свои действия и восприятие, что приводит к созданию новой структуры семьи.

Образ жизни современной семьи

Современные иранские семьи пользуются информационными ресурсами, такими как интернет и спутниковое телевидение. Спутниковые телевизионные каналы существуют в Иране с 1991 года. Несмотря на ряд

серьезных мер по ограничению СМК с 12 февраля 1995 года, их аудитория с тех пор значительно расширилась [Nooralian, 2014]. Согласно данным газеты «Иран» (2016 г.), аудитория этих каналов включает более 5700 000 иранских семей. Сегодня в Иране существует более 2000 телеканалов, среди которых 110 вещают на персидском языке [Shahab, 2012]. Объектом влияния этих каналов, финансируемых западными странами, являются иранские семьи, особенно иранские матери. Расширение каналов спутникового ТВ в Иране означает активное распространение западных культурных норм и ценностей среди национальной аудитории. Как результат, происходят необратимые изменения в образе жизни семьи. В связи с этим, крайне важным является осмысление влияния спутниковых телеканалов на трансформацию иранской семьи. Рассмотрим влияние этих каналов на образ жизни семьи на основе анализа трех важных аспектов стиля жизни: образа тела, досуга и одежды.

Образ жизни является неким характерным явлением современного (посттрадиционного) мира: человек или группа (семья) выбирает одну модель социального поведения из нескольких существующих — самостоятельно и без общественного влияния [Giddens, 1991, 81]. Спутниковое телевидение и все доступные на сегодняшний день информационные средства предоставляют аудитории различные альтернативные выборы. Выбор образа жизни является неотъемлемой составляющей повседневной «рутины» поведения, питания, выбора одежды [Giddens, 1991, 81]. Спутниковые телеканалы показывают жизнь с многочисленными вариантами выбора и оказывают влияние на выбор аудиторией той или иной модели. Под впечатлением контента молодые женщины предпринимают действия, которые выходят за границы заранее заданного образа жизни. Эти действия агентов способствуют возникновению новой структуры семьи.

Образ тела

Образ тела связан с чувствами и представлениями человека относительно его или ее тела и внешности, при этом положительное отношение к собственному телу доставляет человеку чувство удовлетворения [George, 2010, 10]. Однако обычно существует объективная разница между реальным телосложением индивида и воображаемым идеалом [Thompson, 1990, 2]. Недовольство своим телом, как правило, связано с нормами, определяемыми социокультурными стандартами. СМК являются наиболее сильными факторами, влияющими на образ тела.

Поскольку в западной культуре идеал женской красоты связан со стройной фигурой, женская аудитория кабельных телеканалов в Иране, поглощенная активно рекламируемыми стандартами женской красоты, стремится достичь таких же параметров тела. В последние

годы, под воздействием СМК, стремительно растет популярность всевозможных диет для похудения и программ здорового образа жизни [Mahdipoor, 2013, 25–44]. При этом достижение стройной фигуры не является конечной целью — под влиянием спутниковых телеканалов женщины ищут различные способы достижения всех возможных аспектов этой воображаемой красоты, стремясь изменить лицо, тело и свой внешний вид в целом. В последние годы в Иране широко распространенным стало использование косметики, проведение косметических операций, липосакция, ортодонтия, применение контактных линз и, в целом, изменение естественного тела. По данным *Euromonitor*, Иран по объему использования косметики занимает седьмое место в мире. Быстрый рост косметической хирургии, в семь раз больше, чем в Европе, является еще одним доказательством, свидетельствующим об изменении образа жизни женщин. Согласно одному из исследований о соотношении между внешностью и социальными культурными процессами, телезрители спутниковых каналов больше зрителей национальных телеканалов страдают от психологического недовольства своей внешностью [Ahmadi и др., 2015, 29–50]. Вместе с тем, абсолютно обратную тенденцию можно наблюдать среди женской аудитории национального телевидения. Это доказывает прямое влияние современных СМК на поведение женщин.

Одежда

Мода на одежду и различные стили макияжа, в основном, распространяются через СМК. Современная мода одежды среди молодежи в Иране зеркально отражает стиль одежды из телевизионных передач и телесериалов. Рост популярности в Иране платьев и головных уборов героев таких телесериалов как «Фатма Гюль», «Великолепный век» и «Body of Desire» говорят об определяющей роли информационных средств в развитии моды в стране.

Хиджаб (головной платок) — один из важнейших элементов женской одежды в религиозный и культурной идентичности Ирана. Тенденция к ношению хиджаба среди пользователей спутникового телевидения заметно снижается. Например, в телесериалах «Body of Desire» и «Do not mess With an Angel» женские персонажи имеют вызывающий внешний вид и вульгарный макияж. Не случайно А. Хоссейни и М. Ярголи утверждают: «Сериалы направлены на то, чтобы убедить женщин одеваться соблазнительно, с целью очаровывать мужчин» [Hosseiny, Yargoli, 2012, 133–154].

Спутниковые каналы — это материальные ресурсы, позволяющие женщинам получать доступ к новейшей моде и выбирать повседневную одежду. Однако женщины не только перенимают западную культуру, но и начинают

все больше размышлять об ограничениях и принуждениях, вытекающих из религиозной и культурной идентичности (ношение хиджаба). Желая изменить эти правила либо отказаться от них, они прибегают к коммуникационным средствам. Хотя использование таких сайтов, как Facebook в Иране запрещено, они широко используются общественностью. В мае 2014 года социальная сеть Facebook была использована для организации протеста против ношения хиджаба: под фотографией девушки-подростка без хиджаба сотни тысяч женщин делились своими историями и рассказами либо фотографиями без головного платка. Оригинальная фотография получила 770000 лайков, большинство из которых было поставлено жителями Ирана. Хотя данная акция не имела значительного результата, это была попытка оспорить существующие традиционные правила и создать новую структуру.

Досуг

По мнению Б. Дилма, современная концепция досуга принадлежит современному обществу: в индустриальном обществе разделение времени на работу и досуг имеет важное значение [Dilma, 2013, 109–125]. Существует широкий спектр занятий, которыми люди занимаются на досуге, такие как просмотр телепередач, садоводство, приготовление пищи, посещение магазинов, общественных заведений, культурных мероприятий и т.д. Расцениваются ли эти мероприятия как развлечение и отдых, или как обязательство зависит не от особенностей этих видов деятельности, а, главным образом, от восприятия людей.

Исследования показали, что иранские женщины значительную часть своего досуга посвящают просмотру программ спутникового телевидения [Nooralyan et al., 2014]. Эффект от данного занятия заметно отражается на других аспектах их жизни. Об этом, в частности, свидетельствует большое количество женщин в торговых центрах. Под воздействием рекламной индустрии они ведут потребительский образ жизни. И это не случайно: все рекламные тексты продвигают идею «шопинга» в качестве приятного досуга [Goodwin et al., 2008, 266]. В итоге шопинг становится психологической потребностью для потребителя, и люди отправляются в торговые центры не для того, чтобы купить необходимые товары, а для удовлетворения потребности совершать покупки [Busche, 2008]. Впечатленные образами героев телевизионных передач и рекламных роликов, представители молодого поколения, особенно женщины, демонстрируют страсть к образу жизни, в центре которого стоит потребительский дух шопинга ради удовольствия.

В последнее время среди иранок наблюдается растущая тенденция к посещению спортзалов, спортивных площадок и парков: для достижения идеального образа тела они активно занимаются физической культурой.

В одном из исследований о спорте среди женщин М. Дараби обнаружил, что основной причиной тенденции к занятию спортом среди иранок является их неудовлетворенность собственным телом и желание потерять вес [Darabi, 2009]. Исследователь также утверждает, что в этом смысле культурные традиции являются главными сдерживающими факторами: поскольку традиционные женщины редко страдают от психологической неудовлетворенности своим телом, они менее склонны заниматься физическими тренировками.

Таким образом, образ жизни в современных семьях формируется под влиянием СМК, которые внушают агентам преимущество новой структуры семьи, в которой не действуют законы патриархата и отсутствуют гендерные обязательства. Под воздействием этих средств агенты структуры трансформируются. В рамках новой структуры формируется новая система ценностей для женщин.

Заключение

Средства массовой коммуникации играют существенную роль в формировании современной структуры семьи в Иране. Как только структура обеспечивает агентов материальным ресурсом в виде спутниковых телеканалов, осведомленные агенты, в данном случае женская аудитория, получая информацию, обретают рефлексивность. В результате, они отказываются от прежних форм поведения и заменяют их новыми практиками. Границы гендерных различий, определяемые нормами традиций и обычаев, постепенно размываются, вера женщин в священные ценности супружества и материнства подрывается, а сами они выходят за пределы дозволенных границ взаимодействия. Увеличение числа занятых женщин в сфере высшего образования говорит о том, что они больше не соблюдают predetermined гендерные правила. Образ жизни, который ведут женщины, отражает их формы поведения, сформированные структурой. Он показывает, что в выборе одежды, в занятиях на досуге, и в уходе за телом современные женщины Ирана следуют нормам западной культуры, которые формируются современной структурой. Преобразованные агенты, в свою очередь, через диалектические отношения между агентами и структурой, видоизменяют традиционную структуру семьи. В рамках современной структуры традиционные семейные ценности больше не ценятся. Как результат, это приводит к уменьшению числа бракосочетаний, спаду рождаемости, росту числа разводов и незаконных сожительства. Ядро современной семьи в Иране составляют социально активные и независимые женщины, ведущие западный образ жизни.

Для дальнейших исследований открытым остается вопрос о сосуществовании традиционных и современных семейных структур в современном обществе в Иране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ahmadi, E. et al. (2015). Sociological Manifestation of Body Management and its relation to Social and Cultural Features among Women Living in Tabriz. *Journal of Pajouheshname Zanan* (1). P 29–50.
2. Busch, M. (2008). Adam Smith and Consumerism's Role in Happiness: Modern society Re-examined. *Major Themes in Economics*, 65–77.
3. Darabi, M. (2009). A Study of Influential Factors for Women's Tendency to Sports. *Sports Science*, 24, 77–88.
4. Dilma B. M. (2013). Leisure and Social Transformation: From modern times to postmodernity. *Lusophone. Lusophone Journal of Cultural Studies*, 1(2), 109–125.
5. Gauntlett, D. (2002). *Media, Gender and Identity: An Introduction*. London. Routledge Publication.
6. George, H. (2010). The Effects of Media Exposure on Body Dissatisfaction and Cognitive Bias in Adolescent Girls and Boys. UK. The University of Leeds.
7. Giddens, A. (1990). *The Consequences of Modernity*. Stanford, Stanford University Press
8. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self Identity: self and society in the late modern age*. Stanford, California. Stanford University Press.
9. Giddens, A. (1992). *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford, California. Stanford University Press.
10. Goodwin, N., Nelson, J., Ackerman, F., Weisskopf, T. (2008). *Microeconomics in Context*. New York. Routledge.
11. Hosseiny, A., Yargoli, M. (2012). Lifestyle in Satellite TV Series: semiotic analysis of Farsi 1 and PMC. . *Media Journal*, 3, 133–145.
12. Hull, K. E., Meier, A., Ortyl, T. (2010). The Changing Landscape of Love and Marriage, *American Sociological Association*, 9 (2), 32–37.
13. Ijabi, J. (2014). *Social Pathology and Transformations of Iran*. H and S publication.
14. Jokar, M. (2014). Modernity, Change in Lifestyle and Declining Birth Rate. *Islamic Journal of Women and Family*, 2 (2), 39–69.
15. Mahdipoor, F. (2013). Manifestation of Influential Impacts of Persian Satellite TVs on Iranian Women. *Study of Satellite and New Communicative media*, 2 (5), 25–44.
16. Nooralian, Y., Shamkhanian, A., Rashidi, M., Vazini, N. (2014). Negative Impacts of Satellite TVs on Iranian Families. *Hamadan Police Journal*, 1 (3), 123–162.
17. Ramezani, R. (2015, February 16). Women Are the Main Sacrifices of White Marriage. *Resalt Newspaper*. Retrived from URL: <http://www.resalat-news.com/Fa/?code=197223>
18. Shahab, F. (2012). Typology of Persian TV Channels. *Quarterly of Study of Satellite TVs and New Communicative media*.
19. Thompson., J.K. (1990) *Body Image Disturbance*. New York, Pergamon Press.

© Хадем Лейла Максус Хоссейни (kafpp@inno.mgimo.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт международных отношений

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГУМАНИТАРНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ

ANALYSIS OF THE INTERRELATIONS OF AXIOLOGICAL FACTORS AND OCCUPATIONAL HEALTH OF HUMANITIES COLLEGES' TEACHERS

A. Kildishev

Summary. The article focuses on the description of the interrelations of the axiological factors and occupational health of St. Petersburg humanities colleges' teachers. The main interrelations of occupational health are educed: psychological age, psychological health, overall performance of burnout, nervous exhaustion and axiological factors of personality: goals of activity, operating results, locus of control «Я», locus of control «Life», meaningful life, responsibility.

Keywords: psychological age, psychological health, overall performance of burnout, nervous exhaustion, goals of activity, operating results, locus of control «Я», locus of control «Life», meaningful life, responsibility.

Кильдишев Артём Вячеславович

Аспирант, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
artjom1987@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию взаимосвязей ценностно-смысловых факторов и профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей Санкт-Петербурга. Выявлены основные взаимосвязи профессионального здоровья: психологический возраст, психологическое здоровье, психологический возраст, интегральный показатель выгорания, эмоциональное истощение и ценностно — смысловых факторов личности: цели деятельности, результат деятельности, локус-контроля «Я», локус — контроля «Жизнь», осмысленность жизни, ответственность.

Ключевые слова: психологический возраст, психологическое здоровье, психологический возраст, интегральный показатель выгорания, эмоциональное истощение, цели деятельности, результат деятельности, локус-контроля «Я», локус — контроля «Жизнь», осмысленность жизни, ответственность.

С нашей точки зрения, является показательным изучение особенностей профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей, поскольку именно в этой достаточно агрессивной среде наблюдается повышенный риск возникновения профессиональных заболеваний, что в условиях непрерывности процесса обучения, развития и внедрения новых обучающих технологий, связано с физической и эмоциональной перегруженностью педагогов [2,6].

Действительно, большинство педагогов гуманитарных колледжей в конце учебного года наблюдают наличие эмоциональной усталости и психической опустошенности, психологического дискомфорта, физических перегрузок, а также испытывают чувства эмоциональной истощенности, социально-профессионального одиночества и ощущение нереализованных возможностей.

Все это, безусловно, влияет на качество и эффективность педагогического процесса, а также на способности педагога надлежащим образом обучить воспитуемых, формируя их как творческих, самостоятельных и уверенных личностей. Однако особенности профессии педагога в контексте колледжей гуманитарной направленности делают достаточным наличие у учителя всего нескольких симптомов нарушения профессионального

здоровья с тем, чтобы стать катализатором деструктивных процессов в образовательном процессе и привести к полному выгоранию педагогов.

С нашей точки зрения, именно изучение профессионального здоровья педагогов в гуманитарных колледжах в контексте влияния ценностно-смысловых ориентаций позволит разработать ряд предупреждающих мер и рекомендаций, способных внести весомый вклад и повысить качество обучения не только в гуманитарной среде, но и в отечественной системе образования в целом. Все вышеизложенное и обуславливает актуальность настоящего исследования [1, 4].

Задачей нашего исследования является выявление корреляционных связей между ценностно-смысловыми факторами и особенностями профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей.

В связи с этим, в рамках выполнения данной задачи мы использовали метод корреляционного анализа Пирсона, что позволило нам выявить целый ряд дополнительных зависимостей.

В таблице 1 наглядно показаны данные полученные после обработки этих результатов в рамках использованного озвученного выше метода.

Таблица 1. Анализ взаимосвязей ценностно-смысловых факторов и профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей

Профессиональное здоровье	Ценностно — смысловые факторы						
	Цели	Результат	Локус-контроля Я	Локус-контроля Жизнь	Осмысленность жизни	Неприм. к недост.	Ответственность
Профессиональная идентичность	0,150*	0,196**	0,162*	0,063	0,107	0,058	0,079
Психологический возраст	0,423***	0,375***	0,424***	0,234***	0,227***	0,153*	0,164*
Интегральный показатель выгорания	0,180**	0,075	0,049	0,234***	0,003	0,010	0,009
Эмоциональное истощение	0,186**	0,064	0,424***	0,000	0,187**	0,020	0,025

Примечание: * — достаточный уровень значимости (0,05); ** — средний уровень значимости (0,01); *** — сильный уровень значимости (0,001).

Таким образом, сильный уровень значимости корреляционных связей был выявлен по таким показателям как:

1. «Психологический возраст» и «Цели в жизни» (0,423***), то есть те преподаватели, которые четко ставят для себя цели в жизни, планы которых имеют реальную опору в настоящем и подкрепляются личной ответственностью за их реализацию, имеют больший психологический возраст, по сравнению с теми, кто не имеет целей в жизни. Соответственно, если преподаватель не имеет целей в жизни, у него психологический возраст ниже, по сравнению с целеустремлёнными преподавателями гуманитарного колледжа. Как правило, у преподавателей, не имеющих жизненных целей, психологический возраст значительно ниже физиологического возраста. В практической деятельности преподавателям, не имеющим жизненных целей, часто сложно выполнять трудовые функции, им сложно расставлять приоритеты, как правило, такие преподаватели не успевают справляться с объемом работы или выполняют трудовые функции не качественно, что отрицательно влияет на их уровень профессионального здоровья.

2. «Психологический возраст» и «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» (0,375***), означает, что чем больше психологический возраст, тем выше результативность жизни или удовлетворенность самореализацией преподавателей гуманитарных колледжей. Чем выше результативность жизни или удовлетворенность самореализацией, тем выше уровень профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей, так как удовлетворённость самореализацией напрямую влияет

на отношение преподавателя к профессиональной деятельности.

3. «Психологический возраст» и «Локус контроля — Я (Я – хозяин жизни)» (0,424***), выявлена прямая зависимость психологического возраста и локус контроля — Я. Чем больше психологический возраст, тем увереннее представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле [3]. Сильная личность обладающей достаточной свободой выбора, профессионально увереннее, а значит уровень профессионального здоровья такого преподавателя выше, так как психологическая уверенность в себе и своей профессиональной деятельности, напрямую связана с профессиональным здоровьем личности преподавателя.

4. «Психологический возраст» и «Локус контроля — жизнь или управляемость жизни» (0,234***), то есть у преподавателей, которым дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, больший психологический возраст, по сравнению с преподавателями, которые считают, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

5. «Психологический возраст» и «общий показатель осмысленности жизни» (0,227***), то есть, чем выше общий показатель осмысленности жизни у преподавателей гуманитарного колледжа, тем больше психологический возраст преподавателей, и тем выше у них уровень профессионального здоровья.

6. «Интегральный показатель выгорания» и «Локус контроля — жизнь или управляемость жизни» (0,234***), то есть, выявлен высокий интегральный показатель профессионального выгорания у преподавателей, которым дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

7. «Эмоциональное истощение» и «Локус контроля — Я (Я – хозяин жизни)» (0,424***), чем выше эмоциональное истощение личности преподавателя гуманитарного колледжа, тем увереннее представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле.

Средний уровень значимости выявлен по следующим показателям:

1. «Интегральный показатель выгорания» и «Цели в жизни» (0,180**), в процессе экспериментального исследования выявлено, что интегральный показатель выгорания личности преподавателя выше, в случае, если планы человека не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

2. «Эмоциональное истощение» и «Цели в жизни» (0,186**), эмоциональное истощение личности преподавателя выше, в случае, если планы человека не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

3. «Профессиональная идентичность» и «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» (0,196**) чем выше профессиональная идентичность преподавателя гуманитарного колледжа, тем выше результативность жизни или удовлетворенность самореализацией преподавателей гуманитарных колледжей. Чем выше результативность жизни или удовлетворенность самореализацией, тем выше уровень профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей, так как удовлетворенность самореализацией напрямую влияет на отношение преподавателя к профессиональной деятельности.

4. «Эмоциональное истощение» и «Общий показатель осмысленности жизни» (0,187**), высокий уровень эмоционального истощения выявлен у преподавателей, у которых высокий общий показатель осмысленности жизни. Чем больше преподаватель думает о своей жизни, тем больше эмоционально истощается, что в следствии негативно влияет на профессиональное здоровье преподавателя [7].

Достаточный уровень значимости выявлен по следующим показателям:

1. «Профессиональная идентичность» и «Цели в жизни» (0,150*), в ходе нашего исследования выявлено, что высокий уровень профессиональной идентичности, у целеустремленных преподавателей, которые знают, что хотят от жизни и профессиональной деятельности, в частности. И у таких преподавателей уровень профессионального здоровья выше [11].

2. «Профессиональная идентичность» и «Локус контроля — Я (Я – хозяин жизни)» (0,162*), профессиональная идентичность выше, у преподавателей, которые имеют представление о себе, как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле. У таких преподавателей уровень профессионального здоровья выше.

3. «Психологический возраст» и «Нетерпимость к недостаткам» (0,153*), в процессе исследования, выявлено, что нетерпимость к недостаткам, увеличивает психологический возраст. То есть, чем меньше у преподавателя терпения к недостаткам своим и окружающих, в том числе, обучающихся, тем больше психологический возраст, и тем ниже уровень профессионального здоровья.

4. «Психологический возраст» и «Ответственность» (0,164*), чем больше психологический возраст преподавателя колледжа, тем выше уровень ответственности, и, как правило, выше уровень профессионального здоровья [7].

Таким образом, после выявления дополнительных взаимосвязей, представляющих в рамках настоящего исследования практический интерес, считаем целесообразным сделать краткие выводы по эмпирической части работы.

В рамках настоящего исследования мы изучили взаимосвязь ценностно — смысловых факторов и профессионального здоровья преподавателей гуманитарных колледжей, сильный уровень значимости корреляционных связей (метод корреляционного анализа Пирсона) был выявлен по таким показателям как: «Психологический возраст» и «Цели в жизни» (0,423***), «Психологический возраст» и «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» (0,375***), «Психологический возраст» и «Локус контроля — Я (Я – хозяин жизни)» (0,424***), «Психологический возраст» и «Локус контроля — жизнь или управляемость жизни» (0,234***), «Психологический возраст» и «общий показатель осмысленности жизни» (0,227***) и другие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Березовская, Р. А. Психология профессионального здоровья за рубежом: современное состояние и перспективы развития. Психологические исследования. Т. 5, № 26. Электронный ресурс. URL: <http://www.twirpx.com/file/1372274/>.
2. Воловикова, М. И. Тематическая сессия ИП РАН «Психологическое здоровье: постановка проблемы и пути ее решения». Психологический журнал, 2013. Т. 34, № 5, С. 123–128.
3. Гришина, Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Сер. «Мастера психологии», 2015. — 544 с.
4. Дикая, Л. Г. Социальная психология труда на новом этапе развития: методологические основания и эмпирические исследования. Психологический журнал, Т. 33, № 2, 2014. С. 5–23.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессий. М.: Академический проект, 2014.
6. Зеличенко, А. И. Психология духовности. М.: Издательство Трансперсонального Института, 2016. — 400 с.
7. Кильдишев, А. В. Ценностно — смысловые аспекты профессионального здоровья личности.: Ялта, 2017. — 473.
8. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения. — М.: Академия, 2014—304 с.
9. Крылов, А. А. Психология 2-е изд. — М.: Проспект, 2015. — 750 с.
10. Леонтьев, Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности. Журнал Известия Южного федерального университета, 2005, Том 51, № 7. С. 16–21.
11. Манеров, В. Х. Духовность человека как ценность и предмет христианской психологии. // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций. СПб., 2014, С. 274–282.

© Кильдишев Артём Вячеславович (artjom1987@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

УСПЕХ СОЦИАЛИЗАЦИИ — В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ ЛИЧНОСТИ

THE SUCCESS OF SOCIALIZATION — IN THE HISTORICAL TIME OF THE INDIVIDUAL

**Ya. Neumeier
E. Merkulov**

Summary. The modern world demanded the ability not only to successfully apply professional knowledge, but also the successful socialization of man as a whole. Socialization cannot take place not only without a deep knowledge of the conditions of modern society by personality, but also without the high internal potencies of its individuality. Studies conducted to find a withdrawal of the neuropsychic tensions of adult learners at the DPO course led to unexpected facts that hinder their successful learning and successful socialization.

Keywords: Neuropsychic stress, training, professional social adaptation, existential, acmeological.

Ноймайер Яна Александровна

Директор, ООО «Институт Практической
Психологии» в г. Калининграде.

Janamail@mail.ru

Меркулов Евгений Эдуардович

Лаборант, ООО «Институт практической
психологии» г. Калининграда

Аннотация. Современный мир потребовал умения не только успешного применения профессиональных знаний, но и успешной социализации человека в целом. Социализация не может состояться не только без глубокого познания условий современного социума личностью, но и без высоких внутренних потенций его индивидуальности. Исследования, проводимые по поиску снятия нервно-психических напряжений взрослых, обучающихся на курсе ДПО, привели к неожиданным фактам, препятствующим их успешному обучению и успешной социализации.

Ключевые слова: Нервно-психическое напряжение, обучение, профессионально-социальная адаптация, экзистенциальный, акмеологический.

Обучение взрослых — естественный процесс повышения квалификации и переобучения в другую отрасль рабочего пути. Однако, не все так просто в переобучении взрослых. Часто, преградой обретения новых навыков становится невидимый фактор — внутренние составляющие психики человека. В отношении между психологической теорией и психологической практикой наблюдается одна особенность, которая уже не раз констатировалась многими авторами в применении к сложным психическим образованиям, и которая состоит в корреляционной особенности: отношение одного целого к другому целому коррелируется в отношении между частями этих целых. С позиции психологии, применительно к процессу развития психики человека, если посмотреть на это со стороны естественных законов, корреляцию можно рассмотреть, как соотношение чувственно-эмоционального состояния раннего возраста, в его соотношении с чувственно-эмоциональным состоянием взрослого возраста как одно целое. Расхождения во взглядах ученых академической и междисциплинарной практики обусловлены неоднозначностью и сложностью рассматриваемых явлений. С позиции академического подхода, социализация рассматривается как «...процесс становления личности, как общественного существа, в ходе которого складываются многообразные связи личности с обществом, усваиваются ориентации, ценности, нормы, происходит развитие личностных свойств, приобретает социальный опыт, накопленный человечеством за весь период развития...». Социальный мир принимает и понимает

личность, но для него всегда в тени индивидуальность. И социально-академическая психология делает ставку на личность, только на часть человека.

Однако, с позиции практической психологии, с позиции естественно текущих событий жизни, на социализацию личности следует посмотреть и с другой стороны — со стороны эксклюзивности индивидуальных особенностей человека. А они — «terra incognita», особенно с позиции академического подхода. Ни один социальный вопрос невозможно рассматривать, если нет объекта рассмотрения. Самым важным объектом в социальном пространстве является личность. Но, личность, это следствие индивидуальности умноженной на среду обитания этой самой личности, которая есть выходец еще и из мира внутренних конструктов психики, мышления, смысловых содержаний, сложившегося мировоззрения. А они — продукт, сформированный, как первоисточник штампов, смыслов, импринтов, потребностей, запущенных в раннем детстве, в сенситивном возрасте, и, которые никогда не меняются, как транслирует та же академическая психология. Тут у практической и академической психологии есть своеобразный «консенсус». Ребенок рождается с набором своих задатков, перерастает в личность, обучается, входит в социальный мир. Став взрослым, обретает (или не обретает) успешные навыки вживания в мир социума, профессии, коммуникаций и понимания жизни. Часто, уже взрослый человек понимает, что совершил ошибку и приобрел не ту профессию, избрал не то жизненное направление.

Тогда, растет его нервное напряжение в целом, появляются фрустрации, погружающие в умственные и телесные депрессии, и выводят человека из уровня адекватной социализации. Поскольку человек социализируется через профессию, то она для него важная область жизни. И обучение взрослых, настраивающих свой путь социализации, социально важное дело.

Ни одно обучение взрослых не будет качественным, если давать знания на «пустое место» или на «словесную мешанину», или на депрессивный фон личности. Новые знания не улягутся без верных смысловых значений и адекватных понятий предыдущего опыта. И тут, первоочередной задачей ДПО является приведение нервно-психического состояния личности в адекватное, уравновешенное состояние относительно запросов социума и его личных потребностей и возможностей. Если взрослая личность «споткнулась» о преграды по причине неверных выборов, то сделаны они были по его внутренним убеждениям или по шаблону, перенятому у других личностей, или «как все». Тогда, и искать причину неверного выбора следует в его внутренних ресурсах, в ресурсах, сочиненных личностью к данному возрасту. Личность формируется не сама по себе, а с подачи запущенных человекообразующих психических факторов, которые ему помогали сформировать: семья, окружение, их опыт и их мировоззрение. Недаром в психологии есть прекрасная фраза «все мы родом из детства». Ребенок становится личностью, но детские шаблоны реагирования, восприятия, отклика все равно преобладают над личностью.

Поэтому, для воспитания наиболее устойчивых моделей социально-профессиональной стабилизации при обучении взрослых, просто необходимо исследование личности в ее целостности: векторно — «детский опыт — взрослый опыт». В данном ракурсе личность рассматривается как факт, подвергшийся обучению, а возраст научения (раннее семейное воспитание — научение, импринты) — как инструмент, запустивший формирование психических функций личности первоначально. Эти «первородности» сенситивного воспитания (клише, штампы, шаблоны реагирования) никогда не меняются. Они только могут быть как-то адаптированы, облагорожены или завуалированы. Но, они настолько первичны и приняты человеком как естественный факт для адаптации в социальном мире, что так или иначе, они выдадут свои реакции, особенно в стрессовых состояниях, в моменты фрустраций, когда личность теряет контроль над чувственно-эмоциональными реакциями или неожиданными обстоятельствами.

Поскольку взаимодействия с внешним миром у всех разные, то и адаптация к социальным условиям тоже у всех разная. А вот обучение «всех разных» идет по од-

ной академической программе и с одним подходом. Чаще всего — транслируемым знаниям в пространство аудитории, без обратного отклика на качество усвоенной информации. Любой ответ ученика на экзамене, тоже не показатель качества усвоенных знаний. Это показатель его подстройки и адаптации к процессу обучения (манипуляция обстоятельствами). Особенно ярко последствия этого академического процесса приходится наблюдать при обучении взрослых, когда их «адапто-манипуляция» не только уже состоялась, но и не принесла успеха и профессиональной стабильности.

Такое обучение особенно не допустимо при повторном получении профессии или при повышении квалификации на ДПО. Что можно перекалцинировать, если за отправную точку процесса перекалцикации брать «багаж старых стилей обучения вместе с массой девиаций и фрустраций психического мира слушателя? Это противоречие и привело нас к исследованию причин слабой социализации и профессиональной растерянности людей, имеющих высшее образование. Нами был запущен курс обучения по программе ДПО, направленный на психологические специализации: практическая психология, психоанализ, медиация, управление персоналом. Пришла мысль, что тут надо что-то менять. И нами была избрана модель обучения взрослых (ДПО) психологическим дисциплинам с введением в курс обучения экзистенциально-акмеологического подхода и изменением стиля преподавания, с академического на научно-метафорный. Эта программа не только реставрировала психические составляющие раннего детства (индивидуальности), но и векторно меняла состояние личности в сторону успешной адаптации и профессиональной успешности.

При исследовании динамик обучения взрослых, для реконструкции нервно-психических напряжений, снятия фрустративного фона, нами была использована авторская программа «Адаптация» док.пс.наук, проф. Ноймайер Я.А. направленная на исправление нервно-психических напряжений взрослых через процесс обучения, сложившихся при различных семейно-социальных напряжениях. Этот подход раскрыл достаточно сильное влияние семейно-бытовых, социально-профессиональных напряжений на обучения взрослых при профессиональной переподготовке и смене профессии. Однако, процесс социализации и профессиональной пригодности был заторможен не только этими причинами. Как мы и предполагали, высветилась та самая скрытая причина — исторические динамики развития личности в ранние годы жизни, в возрасте научения. Этот период жизни человека, практически всегда, остается в тени не только образовательного процесса, как социального явления, но и самой личности.

Время и возраст прикрывают деструктивные модели «психики детства» от социального мира моралью, наработанной этикой, воспитанием, манипуляциями, ролевыми проявлениями, а также навыками наиболее безопасного, защитного реагирования, избранного уже взрослой личностью. Такими навыками могут быть не только творчество, приобретенные профессиональные умения, но и деструктивные модели реагирования в виде выгод, манипуляций, страхов, фрустраций. Можно сказать, так: человек прячет свою «психику детства» в своей индивидуальности под масками, ролями, выгодами и манипуляциями личности. А личность, как раз и является искусственно, часто стихийно, сформированным лицом всей динамической машины человека в социальном мире.

С одной стороны, быть личностью — это правильно, с другой стороны, во время нервных срывов или сильных внутренних напряжений психики, личность, обремененная фрустрациями и нервными напряжениями, не в состоянии скрыть свои маски и роли. Она также не в состоянии совершить верный выбор, применить верные слова и коммуникации, выборы и поступки. И — начинается процесс десоциализации. Ранее приобретенные модели реагирования, благородные или деструктивные, все равно прорываются наружу. И, если такие нервные срывы по стилю деструкций происходят часто, личность запоминает такие реакции как защитный шаблон поведения, и переводит их на автоматическое состояние «быть на срыве». Такой стиль поведения настолько «въедается» в динамику реагирования, что человек начинает его принимать как норму, как естество. Но, это только для него, другим его «естество» не нужно. В молодом возрасте такие «проделки психики» сводятся на юный возраст, максимализм и неопытность. А вот во взрослом возрасте, это уже становится ярко выраженными и характерными чертами личности, часто выдавая, или детско-инфантильный стиль коммуникаций, или стиль, граничащий с патологиями нервно-психических напряжений. Человека накрывает» фрустративный фон состояний всех жизненных потенций, и дорога в десоциализацию открыта. Тогда-то и заходит речь о психологических отклонениях и деструкциях поведения. А если быть еще более точными, то, тогда мы видим нервно-психические напряжения, фрустрации, отклоняющееся поведение, которые мешают благодатной социально-профессиональной адаптации личности в целом. В профессиональной среде такие люди становятся обременением или подрывают микроклимат предприятия, и от них стараются поскорее избавиться. Да и ничего прогрессивного и креативного, такой человек выдать не может. Тогда он просто становится потребителем денежных средств предприятия. Да и в семейных вопросах нервно-психические напряжения порождают массу драм и конфликтов. А когда тыл — семья, стали фронтом

переживаний, ни о какой профпригодности речи быть не может. Тогда личность впадает в состояние фрустрации (разрыва и безвыходности), и весь его внутренний мир приобретает туман непонимания, раздражения, злости и потерянности. И такого человека, взрослого или расстроенного юнца, можно чему-то научить? Его сначала надо привести в состояние адекватности. Практически каждый человек в то, или иное время, находился в вынужденных фрустративных состояниях, состояниях растерянности, непонимания, усталости, срыва привычных шаблонов жизни, глубокой обиды, потере важных компонентов его жизни. Это именно состояния и из них есть выход, только сами люди этого видеть не могут. Временная фрустрация — это именно временное состояние и из него есть выход. Но, когда фрустрация переходит в разряд депрессии, это уже глубокое заболевание нервной системы, требующее долгой работы по восстановлению многих параметров жизни.

А начинаются социальные фрустрации, страхи, протесты от неудовлетворенности внешними обстоятельствами, хотя тут следовало бы смотреть «в корень», в истоки индивидуальности. Не стойкая, слабая индивидуальность, подвергшаяся давлению внешней среды, семейных драм, страхов социального порядка, неожиданных обстоятельств, не может их ни понять, ни найти из них адекватного выхода. Процесс исследования обучающихся на курсе ДПО, как раз и показал — таких людей очень много. Однако, контингент, прошедший через курс обучения по программе «Адаптация», которая сопровождала обучению показал: глупых и неуспешных на существует. Есть люди, механики психики которых расстроены так давно, что человек об этом ни знать, ни помнить уже не может. Историческое время скрыло драму его сегодняшних социально-профессиональных недугов. А настроиться без реставрации внутренних ресурсов уже не получится. Их ресурсы просто надо реанимировать, восстанавливать, заново обучать.

Именно с этого и начинается тот процесс выведения из социальной-инфантильности, фрустраций и прочих психологических недугов — обращение к истокам личности, к детским годам жизни и развития, когда вскрываются самые первые человекообразующие динамики психики. Общество видит личность, строит для нее планы, равняет на личность экономику, производство, семейность. А что за личность? Слабый инфантильный ребенок? Мир управления сейчас просто в ступоре от того, что найти хорошего работника-мастера или управленца — проблема номер один. Все верно, мастера и классные управленцы вырастают из сильных индивидуально-стей. А что мы сделали с индивидуальностью, если у нас отсутствует институт семейной педагогики, где эта самая индивидуальность получает путевку в психический мир? «Что» мы обучаем, если мы даем знания важным профес-

сиям врачей, психологов, юристов, управленцев искаженной личности, а не надежной, стойкой психической системе?

Рассмотрим вопрос социализации и ее успеха еще с одной стороны — как способность человека приспособляться к различным требованиям среды без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой через профессию. При этом подразумевается процессуально-творческая сторона явления адаптации в отличие от приспособления (иждивенческая позиция), с формированием у личности определенных профессиональных качеств. Это далеко не секрет, что очень многие, получив высшее образование, по профессии, или не работают, или работают в надрыве, или приспособлении к заработной плате.

Отслеживая пути социализации людей, следует рассматривать индивида в процессе социализации, как единицу, обладающей самосознанием, как личности, как сформированной социальной единицы, способной влиять на общий процесс социализации, культуры, развития общества. Не умение социализироваться только одной человеческой единицы, не умение определить свою роль в социальной среде, ведет к социальным осложнениям всего общества. Поэтому вопрос успешной социализации актуален в любом обществе и в любое время. Объективно общество представляет собой сложную, исторически сложившуюся и изменяющуюся систему совместной жизнедеятельности и взаимодействия людей с определенной ролью каждого субъекта общества. В целом, социализация — это процесс, который позволяет личности занять свое место в обществе и ведет к жизни в качестве полноценного члена социального мира. Это еще и вопрос государственной важности — сформировать здоровое социальное общество, которое, как нам известно, состоит именно из социальных единиц людей и является достоянием государства.

Миру людей давно пора понять — человек «есть» не одной частью — личностью. Он моносистема: прошлое (детство и врожденные данные), настоящее (динамика развития), будущее (то, что строится сегодня из материалов прошлого и настоящего). И, каждый наш сегодняшний день — это «прошлое» для «завтра». Так кто же населяет наше социальное общество? Целый человек или личности, искусственно созданные роли, в которые мы играем? И, кто-то играет классический театр творца, руководителя, гражданина, матери или отца, а кто-то играет роль «кого-то» в надуманном сценарии. Не потому ли социальное общество больно слабостью социальных адаптаций, отсутствием надежного профессионального класса, не потому ли исчезли мастера своего дела, что общество забыло про индивидуальность — первородный компонент человека?

Как же быть? И, не в плохой ли игре наших «ролевых сценариев» кроются все наши проблемы отношений, профессии, успешности? Много вопросов задает социальный мир. Но, ответов на эти вопросы ищут очень немногие. Вспомним — «...ищите, и обрящите...». Каждый человек — это объект в социальном мире, нравится ему это или нет. Он винтик одной большой машины и его деятельность в этой «машине» очень важна. Не для этого ли люди придумали и психологию? Только психология интересна очень немногим в силу того, что это «правда о себе», а ее знать очень многие просто не хотят. Да и больно вдруг осознать, что в 40 лет ты обладаешь инфантильными смыслами, понятиями, состояниями.

К сожалению, но многим нравится жить в «неведении самого себя». Тогда, кому мы строим дома, кого возим по путешествиям и полоничествам? Себя, или ее — личность? Немного саркастический взгляд, но, зато прямой и честный, когда надо называть вещи своими именами. Это единственная дорога к счастью, успеху и пониманию социального мира, а, следовательно, и устройство в нем.

Именно взрослые люди чаще всего теряются и впадают в фрустрацию от невозможности что-то изменить в своей жизни. И им не хватает внутренней силы духа, которая не была сформирована в возрасте его детства. Это не несчастье, это просто обстоятельство, которое можно изменить. Как показали наши исследования, исходя из сущности процесса социально-профессиональной адаптации личности через обучение взрослых на курсе ДПО, мы полагаем, что, выведение человека из фрустраций и нервно-психических напряжений, не только возможно, но и необходимо.

Творческая активность, как составная часть индивидуально-эксклюзивной адаптации к среде, неразрывно связана с понятием «успешная адаптация». При профессиональном раскрытии личности, она транслирует в социально-профессиональный мир свое творчество по профилю своей профессии. Если же личность творчески себя не проявляет, она становится не только не востребованной профессионально, но и беспомощной социально. А первые проекции творчества включаются, опять же, в возрасте научения на базе семейного воспитания и умелого раскрытия дарований ребенка. Так что, качество социализации коренится в историческом времени личности — в ее возрасте научения. Это возраст, в котором власть над формированием психической организации ребенка, транслирует семья. А институт семьи, как запускной механизм формирования нервно-психических состояний ребенка, у нас пока не существует. Семье можно помогать много и долго с позиции государственных субсидий, но никакие субсидии не смогут сформировать психически здоровое поле ребенка. Это делают только родители, причем на уровне

своего генофонда и своего мировоззрения. В том числе и относительно своей собственной социализации. И, в импринтинговом возрасте, ребенок все это впитает.

В исследовании нам удалось интегрировать эти две стороны и проанализировать реальные возможности взрослой личности в успешной социализации. Однако любые изменения личности, являются динамиками подстройки под социальный мир тех составляющих психики, с которыми человек вошел в социальный мир из детского возраста. Ведь ни время, ни люди, ни наука не в состоянии отсечь то, с чем ребенок вошел в социальный мир. Но, строятся они все через призму контекста индивидуально сформированных конструктов психики и тут можно вполне обоснованно сказать «личностью не рождаются, личностью становятся», а потому, человека следует рассматривать от истоков формирования личности — от рождения. Поэтому, исследование обучения взрослых нами строилось именно с позиции гипотезы: выявление психических фрустраций раннего возраста и их реконструкция — залог успешного обучения и профессионального становления взрослой личности. И, исследования эту гипотезу много раз подтвердили. К тому же, профессиональное самоопределение является фактором успешной социализации. Что и подтвердили исследования, проводимые нами по программе «Адаптация» на базе обучения взрослых (курс ДПО) по специализациям: психоанализ, практическая психология, медиация, управление персонлом.

При подготовке специалистов психологической отрасли, снова ярким звеном высветилась проблема формирования психических динамик раннего возраста. Психика ребенка первородна, она имеет свои задатки, программу развития, судьбу. Но, не всегда эти важные компоненты угадываются родителями и не все дети счастливы тем, что их программу жизни обеспечили благодатным развитием.

В стадии стихийного (как все) развития на детскую впечатлительность накладываются стереотипы поведения старших, группы, общества. Запечатлеваются этнические характеристики поведения группы, что становится культурным наследием ребенка. Культура определяет тип формирования мировоззрения. Мировоззрение требует формирования определенной этики реагирования, согласно законам культуры. Основой формирования мировоззрения являются знания и убеждения. Мировоззрение управляет человеком из уровней подсознания в котором локализуются установки, убеждения, импринты раннего возраста. Однако впечатлительность, как система переживаемых восприятий — формируется даже не в периоде младенческих импринтов, а в пренатальном развитии плода. На впечатлительно-имприн-

тинговой стадии идет формирование чувственных запечатлений и восприятий, которые в стадии обучения идут уже на осознаваемом ребенком уровне, и формируются окружением в установки, убеждения. Они, подкрепляемые воспитанием, внушением семьи, школы, педагогами, СМИ впоследствии становятся мировоззрением личности.

Пренатальное научение — первородный процесс формирования опыта человека на чувственно-эмоциональном уровне, который протекает посредством передачи информации от матери к плоду (ребенку). Состояние интеллекта ребенка, как основной плацдарм его приспособительных систем к социальной адаптации, зависит от проявления его врожденных способностей к восприятию, ощущению и пониманию, которые формируются в детстве. Процесс понимания — это не поддающийся наблюдению и измерению процесс формирования тех образов и форм, которые человек потом отражает речью или поступком. Ощущения — чисто субъективный механизм эмоционального переживания, которое заряжает силой интереса, или отторжением, или пассивностью полученную информацию.

Восприятие, воображение — способность отбора и потребления информации. Это далеко не все составляющие психики, но даже они ярко проявляют факт того, что психические процессы чисто индивидуальные, и к внешнему миру имеют субъективно-опосредованное отношение. Это подтверждает факт того, что возрастные формирования психических процессов периода научения, не только лежат в историческом времени индивида, но они временем же и сокрыты от естественного наблюдения.

Одно исключительно важное соображение было выдвинуто Л.С. Выготским, хорошо ориентирующимся в истории данной проблемы: «память внимание и мышление ребенка развилось до такого уровня, что ребенок может обучаться грамоте и арифметике, то его память, внимание и мышление изменятся в той мере, в какой мы его обучим их упражнять, то есть изменятся в результате упражнения, но ничего не изменится в ходе их развития творческого мышления и развития». Как видим, о важности влияния возраста научения на взрослую личность, психология занималась еще в прошлом веке.

Существует принципиальное различие между тем, что понимается под «научением» и «обучением». Когда используется термин «обучение», то подразумевается приобретение компетенции для осуществления каких-либо форм поведения, деятельности. Обучение — это перенос индивидуального опыта из одних, уже бывших ситуаций в новые, за счет чего достигается индивидуальное приспособление живых организмов к среде обитания.

Научение представляет собой динамику первоначально вскрывающихся психологических процессов, обеспечивающих формирование новых приспособительных реакций протекающих в строго лимитированном возрастном периоде — раннем детстве, в сенситивном возрасте. Важно понимать, что, во-первых, научение включает в себя развитие и формирование. Во-вторых, оно основано на принципе функционирования нейрогуморальной деятельности. И в-третьих — подвержено влиянию среды.

Делая заключение по важности вопроса социализации в целом, следует отметить — исследования взрослых, проходящих переподготовку, показали:

- ◆ успешную адаптацию к профессионально социальной успешности, стабильности через реставрацию их психических напряжений, смысловых понятий, мировоззренческих убеждений в своей беспомощности.

Опыт наблюдений за обучением взрослых, направленный на курс образовательно-социальной реабилитации показал:

- ◆ необходимо вести курс переобучения взрослых обращая внимание на их психические напряжения, фрустрации и минимизировать их;
- ◆ вопросы профессиональной социализации следует рассматривать с исторической базы личности.

Психические функции человека вскрываются до 4 лет, а потом в силу вступает другой фактор — «поведенческий потенциал», который формируется из условий социальных требований и возможностей развивающейся личности. Однако, опять же — с позиции задатков, сформированных в раннем детстве от первичных человекообразующих факторов. И, воспитание детей в раннем возрасте, особенно в семье — это вопрос создания психически, профессионально и социально здорового общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1980.
2. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
3. Горошидзе Г. А. Установка и адаптация личности в творческом труде: Дис. ... канд. психол. наук. Тбилиси, 1982. 165с.
4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976.
5. Ермоленко Н. А. Социальная адаптация молодых советских рабочих в социалистическом производственном коллективе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 1975. 24с.
6. Забродин Ю. М. Введение в общую теорию сенсорной чувствительности (Адаптивные особенности сенсорных процессов в задачах исследования порогов чувствительности) // Психофизические исследования / Под ред. Б. Ф. Ломова, Ю. М. Забродина. М., 1977. С. 31–125.
7. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М., 1984.
8. Козиев В. Н. Психологический анализ профессионального самосознания учителя: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1980. 18 с.
9. Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология управления. М., 1978.
10. Милославова И. А. Понятие и структура социальной адаптации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1974. 24 с.
11. Надирашвили Ш. А. Особенности закономерностей действия установки на различных уровнях психической активности человека // Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976. С. 237–249.
12. Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д, 1998.
13. Лукашевич Н. П. Производственная адаптация молодых рабочих в условиях перестройки: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1989. 342 с.
14. Просецкий П. А. Активная творческая адаптация студентов нового приема к условиям высшей школы // Психологические проблемы формирования социально активной личности учителя. М., 1982. С. 3–17.
15. Профессиональная и социально-психологическая адаптация студентов и молодых специалистов. М., 1976.
16. Павлов И. П. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л., 1951. Т. 3, кн. 2. С. 243–244.
17. Постовалова Г.И. О факторах, определяющих адаптационную способность человека // Психологические и социально-психологические особенности адаптации студентов. Ереван, 1973. С.18–19.
18. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.
19. Рацова Л. М. Социальная адаптация личности в коллективе: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 1973. 22 с.
20. Свиридов Н. А. Социальная адаптация личности в трудовом коллективе // Социологические исследования. 1980. № 3. С. 47–48.
21. Скубий М. И. Социальные проблемы адаптации сельских учителей: Дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1975. 198 с.
22. Шафажинская Н. Е. Психологический анализ саморегуляции личности в процессе социально-психологической адаптации студентов педвуза: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1982. 191 с.
23. Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д, 1998.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СПЕКТРЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE SPECTRUM SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT, AIMED AT DEVELOPING A HOLISTIC PERSONALITY IN ADOLESCENTS

N. Prozorova

Summary. The article presents the interpretation of the content of spiritual and moral values in the context of the relationship between the concepts of «spirituality» and «morality». The definition and social psychological characteristics of the educational environment enriched with spiritual and moral values are formulated. The place of spiritual and moral values in the range of socio-psychological conditions of the educational environment aimed at the formation of a holistic personality of adolescents.

Keywords: spiritual and moral values, enriched educational environment, social and psychological conditions, a holistic personality, adolescents.

Прозорова Наталья Викторовна

Аспирант, ФГБУ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург,
89111286014@mail.ru

Аннотация. В статье приведены трактовки содержания духовно-нравственных ценностей в контексте взаимосвязи понятий «духовность» и «нравственность». Сформулировано определение и выделены социально-психологические характеристики образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями. Определено место духовно-нравственных ценностей в спектре социально-психологических условий образовательной среды, направленной на формирование целостной личности подростков.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, обогащенная образовательная среда, социально-психологические условия, целостная личность, подростки.

Приоритетной задачей отечественного образования детей и подростков согласно Стратегии развития и воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (от 29.05.2015 г. № 996-р) является формирование высоко нравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности. Воспитание детей рассматривается как стратегический общенациональный приоритет (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (от 31.12.2015 г. № 683)).

Однако практика показывает, что в центре педагогических усилий в образовательных организациях по-прежнему, в первую очередь, учебные результаты учащихся, подготовка к ЕГЭ, погоня за высокими баллами и рейтингами. Устремления подростков преимущественно направлены на достижение личного успеха. Ценности добродетели: совесть, смирение, терпение, жертвенность и др., рассматриваются как неактуальные, архаичные, относящиеся к культурному наследию.

Социально-психологические исследования последних десятилетий подтверждают, что в настоящее время

при многообразии ценностных выборов подрастающего поколения, роста интереса к смысложизненным исканиям и деятельностным проявлениям, наблюдается противоречивость и неопределенность ценностных ориентаций подростков (И. А. Соина, 2011; А. С. Буреломова, 2013, и др.). Ценности современных подростков формируются в нестабильной в ценностно-нормативном отношении социальной ситуации. Утрачены или недостаточно восстановлены механизмы передачи ценностей от старших поколений младшим (Д. И. Фельдштейн, 2005; А. С. Буреломова, 2013, и др.). Между тем, подростки, как будущие полноценные члены общества, нуждаются в развитии социально значимых базовых качеств, которые помогут им адаптироваться в социальной среде и накопить созидательный жизненный опыт.

Назрела потребность изучения социально-психологических характеристик продуктивных вариантов образовательной среды, обогащенной духовно-нравственным содержанием. Рассмотрение влияния образовательной среды на нравственные ориентации детей и подростков позволит выявить эффективные подходы к формированию целостной личности. В данном кон-

тексте становится актуальным обращение к опыту исследований, направленных на изучение и современное описание целостного учения о человеке (Т. А. Флоренская, 2001; Б. В. Нечипоров, 1994; В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, 1995, 2013; В. П. Зинченко, 2000; Е. К. Веселова, 2002; М. Я. Дворецкая, 2004; Л. Ф. Шеховцова, 2004, и др.).

Целью статьи является определение содержания и места духовно-нравственных ценностей в спектре социально-психологических условий образовательной среды, направленной на формирование целостной личности подростков.

Мы рассматриваем феномен «духовно-нравственные ценности», с одной стороны, как понятие, используемое для обозначения явлений, свойств, идей, норм, ориентиров, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих как эталон должного, с другой — как направленность и отношение человека к внешнему миру, внутренний регулятор поведения, позиций и поступков.

Опираясь на изученную научную литературу, приведем различные трактовки содержания духовно-нравственных ценностей в контексте взаимосвязи понятий духовности и нравственности.

В. П. Зинченко определяет духовность как «поиск, практическую деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразование, необходимое для достижения истины, для самоопределения» [2, с. 149]. Л. П. Буева связывает данное понятие с процессом «выстраивания определенной иерархии ценностей, целей и смыслов» [4, с. 28]. В трактовке В. Д. Шадрикова духовность — это «ведущая действующая сила становления человечности, механизм осознания себя и своих отношений с другими людьми, и посредством этого — осознание добра и зла, осознание выгоды и отказ от нее во имя блага другого» [10, с. 271]. По определению Н. В. Марьясовой, духовность — «важное личностное образование, незаменимый фактор, определяющий процесс становления личности, сущностное свойство человека, выполняющее такие функции как ориентировочная, направляющая, смыслообразующая» [8, с. 15]. В. И. Слободчиков отмечает диалогическую природу духовности: «Духовная жизнь человека всегда обращена к другому, к обществу, к люду человеческому» [9, с. 81].

Нравственные ценности, по определению Л. Н. Антиловой, есть «интегральные образования нравственно-го сознания, включающие в себя нравственные нормы, оценки, понятия, принципы, идеалы, тесно связанные с мотивами и потребностями индивида, и обеспечиваю-

щие направленность его сознания на достижение высших нравственных целей, выполняющие функции оценивания, регулирования поведения человека на основе добра и зла» [1].

Многие ученые рассматривают духовные и нравственные ценности в совокупности. Духовные ценности личности выступают в качестве идеала нравственной жизни. По мнению Т. И. Петраковой, духовность выражает вертикальный вектор развития личности, а нравственность — горизонтальный, реализуемый в поведении (Петракова, 2016). Слободчиков и Исаев называют нравственность «одним из измерений духовности человека». [9]. Е. К. Веселова отмечает глубокую связь нравственной регуляции поведения с процессом бытия, с образом жизни человека [5].

Понятие «духовно-нравственные ценности» Б. С. Братусь трактует как «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни, обеспеченные «золотым запасом» соответствующего личностного смысла, аффективного, эмоционально-переживаемого отношения к жизни» [3, с. 89]. М. А. Дьячкова рассматривает духовно-нравственные ценности в контексте культуры как «устойчивые, переходящие из одного поколения к другому, имеющие вневременной характер и мироохранительные по своему существу, неразрывно связанные с духовной культурой общества, народа, выраженные в идеях» [7, с. 88].

Теоретический анализ различных подходов позволил нам условно разделить духовно-нравственные ценности подростков на две группы:

- ◆ духовные ценности, содержащие высокую идею — представление о высшем образце, «благом и должном»; относящиеся к внутреннему миру: совесть, любовь и жертвенность, трудолюбие и милосердие, честность и скромность, всё то, что составляет духовное богатство личности;
- ◆ нравственные ценности, имеющие большее отношение к внешнему миру и связанные с социальным сознанием и действиями в обществе, с культурой личной и общечеловеческой, нравственные чувства, принципы, нормы, идеалы.

Для определения места духовно-нравственных ценностей в спектре социально-психологических условий образовательной среды, направленной на формирование целостной личности подростков, нами были изучены результаты и выводы исследований образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями (К. Левин, К. Роджерс, В. В. Рубцов, Панов, В. И. Слободчиков, Т. В. Менг, И. М. Улановская, И. Н. Шапкина, Е. А. Морозова, И. Н. Емельянова, А. Н. Тубельский, М. В. Захарченко, А. Г. Думчева и др.).

Под образовательной средой, обогащенной духовно-нравственными ценностями, мы понимаем среду,

- ◆ наделенную возможностями для удовлетворения иерархического комплекса потребностей личности и преобразования этих потребностей в жизненные ценности (В. И. Панов, 2006);
- ◆ способную насыщать подростков глубинными смыслами духовно-нравственного содержания и создавать условия для их интериоризации (Е. А. Морозова, 2012);
- ◆ являющуюся источником активной субъектной позиции подростков и одним из главных условий их личностного развития и саморазвития (В. И. Панов, 2006).

Согласно данному подходу под обогащенной образовательной средой понимается комплекс социально-психологических условий и влияний, которые создают возможность как для интериоризации еще не принятых ценностей, так и для укоренения и преломления во внутренние нравственные доминанты (взгляды, позиции, идеалы) и устойчивые формы поведения ценностей, уже усвоенных, в соответствии с особенностями возрастной социализации подростков.

Духовно-нравственное содержание обогащенной образовательной среды определяется сопряжением светского и духовного посредством обогащения традиционных дисциплин («Литература», «История», «Обществознание» и т.д.); введения специальных предметов и предметных областей в общем образовании («ОРКСЭ», «ОДНКНР»), внеурочной деятельности и дополнительном образовании; включения ценностно-значимой информации, в воспитательные проекты, мероприятия, социальные практики, информационные контенты, организацию знаково-символической предметной среды; активной созидательной деятельности в условиях детских общественных организаций и конструктивно-ценностного общения учащихся, педагогов, родителей.

Выделим социально-психологические характеристики образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями.

1. Духовно-нравственное содержание образовательной среды обуславливают устойчивость и динамика общественно-одобряемой системы ценностей, идеалов, образцов поведения, которые лежат в основе связанности подростка с другими людьми. Ценностно-значимая информация, сопряженная с глубинными смыслами, создает высокую степень духовно-нравственного насыщения. Эти глубинные смыслы задаются традициями, отвечающими на смысловой запрос подростка в логике взросления, и являются основанием и опорой становле-

ния свободной и ответственной личности (М. В. Захарченко, А. Г. Думчева, 2011).

2. В проблематике взаимодействия образовательной среды и личности подростка духовно-нравственные ценности понимаются как связующее звено между средой и личностью. Данные ценности проявляются в потребности и способности подростков познавать, принимать и созидать мир, желании реализовать себя в деятельности, наполненной высоким смыслом и имеющей созидательный характер. В обогащенной образовательной среде подросток становится субъектом действий, получая возможности обретения собственного социального опыта созидательной деятельности, «добрых поступков», проявления эталонных качеств: доброты, отзывчивости, честности, трудолюбия, прощения, дружелюбия, бескорыстия и пр.

3. Обогащенная образовательная среда выступает способом преобразования внешних отношений во внутреннюю структуру личности, оказывая влияние на внутриличностные процессы и сообщая подростку вектора личностного проживания: поиск смысла жизни, идеала, разрешение экзистенциальных дихотомий, следование нормам (И. А. Баева, 2002).

4. Пребывая в обогащенной образовательной среде, подросток, с одной стороны, выступает «продуктом» влияния, обуславливающего его выбор ценностей, связей и отношений, с другой стороны, самостоятельно и избирательно относится к условиям среды, и, в свою очередь, влияет на их изменения (И. А. Соина, 2011). Участвуя в трансляции духовно-нравственных ценностей, подросток изменяет и образовательную среду, и свою личность, превращая собственное развитие в становление активного и сознательного субъекта человеческой истории (И. А. Баева, 2002).

5. Обогащенная образовательная среда содержательно вбирает в себя феномены, передаваемые в языке существительными с приставкой «со»: сотрудничество, сопереживание, сотворчество, согласие, созерцание, созидание, являющиеся одновременно переменными образа жизни (В. И. Слободчиков, Т. А. Флоренская и др.). Н. П. Паттурина вводит понятия «событие», характеризующее полноценный и многоплановый контакт человека с миром и с самим собой, способствующий его развитию и совершенствованию. (Н. П. Паттурина, 2002).

6. В обогащенной образовательной среде между субъектами взаимодействия выстраиваются определенные связи и отношения, доминирует совместное проектирование, сотрудничество, взаимопомощь, и поддержка. Социальные институты «внутри школы» (классные коллективы, детско-юношеские общественные организации,

органы ученического самоуправления, учебно-деятельностные, творческие, спортивные, коммуникативные, поисково-исследовательские сообщества (клубы, кружки, мастерские, секции и др.) влияют на формирование и развитие личности подростка и обеспечивают так называемый «уклад школьной жизни» — установившийся порядок, задающий атмосферу, стиль, дух жизни школы (А.Н. Тубельский, 2005; Т.А. Берсенева, 2007).

7. Социально-психологической характеристикой обогащенной образовательной среды является зрелая,

духовно-нравственная личность педагога, способная к рефлексии и отчетливой самоидентификации, выступающая в качестве катализатора, способного запустить процесс смыслообразования у подростков (Е.А. Морозова, 2012).

8. Духовно-нравственные ценности подростка выступают оценочным фактором образовательной среды, определяя ее место в пространстве личностного самоопределения подростка в соответствии с его индивидуальными качествами и возрастными особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антилогова Л. Н. Нравственное сознание и его структура. Сибирская психология сегодня: Сб. науч. ст. — Кемерово, 2002. — 58 с.
2. Большой психологический словарь. Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — Санкт-Петербург: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. — 672 с. С. 149.
3. Братусь Б. С. Смысловая вертикаль сознания личности. Вопросы философии. — Москва, 1999. № 1. — 81–89 с. С. 89
4. Буева Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры. Вопросы философии. — Москва, 2005. № 2. С. 28.
5. Веселова Е. К. Личность в виртуальном мире и нравственная регуляция поведения. Гаудеамус. — Москва, 2014. — 9–14 с. С. 11.
6. Дворецкая М. Я. Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан средневековья. Автореф. дис. ... док. психол. наук. — Москва, 2006.
7. Дьячкова М. А. Общечеловеческие ценности как основа нравственного воспитания. Философия права и права человека: сборник научных статей. — Екатеринбург, 2015. — 85–88 с. С. 88.
8. Марьясова Н. В. Духовность в контексте психологического анализа. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Хабаровск: 2004. — 20с. С. 15.
9. Слободчиков В.И., Исаев Е. И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. — Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013. — 93 с. С. 81.
10. Шадриков В. Д. Происхождение человечности. — Москва: Логос, 2001. — 295 с. С. 291.

© Прозорова Наталья Викторовна (89111286014@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РЕКЛАМЕ КАК ИНСТРУМЕНТ МОТИВАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЯ

ARCHETYPICAL IMAGES IN ADVERTISING AS A USER MOTIVATION TOOL

**E. Strizhova
I. Androsova**

Summary. the article deals with the use of archetypal images in advertising as a marketing strategy that makes advertising more effective as an act of communication between the producer and consumer of the goods and is also a motivational incentive for buying certain products; demonstrates and explores the possibility of creating a successful brand based on the use of the theory of archetypes.

Keywords: archetype, brand, advertising, consumer, shadow, jester, person, hero, marketer, product, slogan, symbol, image, association.

Стрижова Екатерина Валентиновна

*Старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, г. Москва
ekstrizhova@yandex.ru*

Андросова Ирина Геннадьевна

*К.полит.н., доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова Россия, г. Москва
irenandros@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается применение в рекламе архетипических образов в качестве маркетинговой стратегии, позволяющей сделать рекламное сообщение более эффективным в качестве акта коммуникации между производителем и потребителем товара, а также является мотивационным стимулом, побуждающим к покупке определенной продукции; показывается и исследуется возможность создания успешного бренда на базе использования теории архетипов.

Ключевые слова: архетип, бренд, реклама, потребитель, тень, шут, персона, герой, маркетолог, товар, слоган, символ, образ, ассоциация.

Современная реклама использует символы для того, чтобы через его посредство апеллировать к «образу, запечатленному в глубинах психики, пробуждая ощущение осознания и осмысления чего-то знакомого и значимого». Этот образ носит название архетипа. Поэтому на сегодня исследование архетипов приобретают практическое значение в рекламной деятельности связанной с созданием, воспроизведением, распространением, внедрением и преобразованием образов коллективного бессознательного.

Реклама является давним и хорошо проверенным способом коммуникации между производителем товаров и потребителем. Не секрет, что стандартные и применяемые годами, а то и десятилетиями формы рекламы в современном информационном мире уже не могут так, как раньше, привлекать потенциальных покупателей к продукции различных компаний. Это побуждает производителей товаров и услуг искать все новые подходы для привлечения внимания к своей продукции. Поэтому маркетологи все чаще задаются вопросом, каким образом можно наделять товар или услугу такими характеристиками и индивидуальными особенностями, которые позволят потребителям считать товар или услугу уникальным, увеличат объем продаж и сохраняют его популярность и привлекательность на протяжении многих лет.

Давно установлено, что принятие решения о покупке того или иного товара или услуги часто происходит к покупателю на подсознательном уровне. Потребитель

реагирует на хорошо узнаваемые образы, которые вызывают у него ассоциации с личным опытом. Ученые установили, что именно образы являются гораздо более эффективным средством, чем слова, при обращении к чувствам и эмоциям, поскольку мы не всегда можем сформулировать или распознать архетипические переживания через язык.

Язык является средством выражения осознанной и логической мысли, в то время как изображение напрямую апеллирует к скрытым страхам людей, затрагивает самые глубинные эмоции, которых люди боятся и не хотят проявлять.

Именно по этой причине визуальный облик сообщения очень важен. Изображения являются прямым связующим звеном для подсознания между продуктом и архетипом.

Поэтому еще во второй половине XX века маркетологи начали искать и в дальнейшем успешно использовать новые психологические приемы влияния на аудиторию, в частности они применили теорию архетипов. Термин Архетип впервые внес в психологию основоположник аналитической психологии, швейцарский психиатр Карл Густав Юнг. Теория архетипов К. Г. Юнга на сегодня претерпела существенные изменения, продиктованные реальностью, в которой мы живем. Приобретая новые модификации, теория широко используется мировыми брендами. [2]

Прежде чем рассуждать об использовании архетипов в рекламе, поговорим о том, что же такое архетип. Термин архетип в переводе с греческого означал первообраз. Аналитическая психология рассматривает его как элемент коллективного бессознательного. Однако Юнг модифицировал значение термина. Согласно Юнгу архетипы — это начальные схемы разных образов, производящиеся на бессознательном уровне и активизирующие воображение человека.[6] В дальнейшем это отражается в мифах, снах, верованиях, человеческих фантазиях, а также в искусстве. Согласно К.Г. Юнгу архетипы являются врожденными психическими структурами на генетическом уровне, которые были сформированы в первобытный период познания мира человеком как вневременные схемы возникновения мыслей и эмоций. [7] Юнг высказал гипотезу о том, что коллективное бессознательное состоит из мощных первичных психических образов или архетипов, которые он назвал «первичными моделями». Архетипы — это врожденные идеи, воспоминания и эмоции, заложенные на генетическом уровне, которые заставляют людей воспринимать события, переживать их и реагировать на них определенным образом. Это некие факторы, под влиянием которых люди проявляют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие. Врожденной является именно тенденция реагировать эмоционально, когнитивно и поведенчески на конкретные ситуации. Например, при неожиданной встрече с незнакомцем, представляющем собой угрозу или в конфликте с близким человеком.

Далее приводятся основные архетипы, выделенные Юнгом. Но при этом не стоит забывать, что, согласно Юнгу архетипов существует столь же много, как и типичных ситуаций в жизни.

- ◆ Аниме / Анимус — представляет собой соответственно женскую сторону личности мужчины и мужскую сторону личности женщины. Юнг исходил из того, что в каждом организме есть мужские и женские гормоны. Этот архетип, как считал Юнг, эволюционировал на протяжении многих веков в коллективном бессознательном как результат опыта взаимодействия с противоположным полом. Многие мужчины, до некоторой степени, «феминизировались» в результате многолетней совместной жизни с женщинами, а для женщин является верным обратное. Юнг настаивал на том, что анима и анимус, как и все другие архетипы, должны быть выражены гармонично, не нарушая общего баланса, чтобы не тормозилось развитие личности в направлении самореализации. Иными словами, мужчина должен выражать свои феминные качества наряду с маскулинными, а женщина должна проявлять

свои маскулинные качества, так же, как и феминные. Символы: женщина, Дева Мария, мужчина, Дон Жуан.

- ◆ Персона проявляется в социальной роли человека, это необходимая часть человеческой психики, которая дает ему возможность устанавливать контакты с людьми и ориентироваться в социуме. Персона обозначает множество ролей, которые мы проигрываем в соответствии с социальными требованиями. В понимании Юнга, персона служит цели производить впечатление на других или утаивать от других свою истинную сущность. Символом служит маска.
- ◆ Тень — это темная, отрицательная, животная сторона индивида. Это то, что человек всю жизнь пытается подавить. Именно в архетипе Тень скрываются все агрессивные, половые импульсы, аморальные страсти, мысли, которые просто неприемлемы в любом обществе. И несмотря на все это автор был уверен, что данный архетип имеет также и плюсы. Как утверждал исследователь, именно Тень — источник жизненных сил, это творческое начало и спонтанность в жизни каждого индивида. А исходя из данной концепции главная функция Эго — это корректирование необходимых направлений энергии этого архетипа и усмирение пагубных сторон до необходимого уровня. Все это позволит индивиду жить в гармонии в обществе и в то же время подавлять свои импульсы, проявляя их в творческой жизни. Символы: Гитлер, Сатана.
- ◆ Самость — воплощение целостности и гармонии. Этот архетип был центральным в концепции Юнга. Когда человек достигает интеграции всех своих душевных аспектов, то к нему приходит гармония, чувство целостности и единства. Сам Юнг предполагал, что эволюция самого себя — это наиважнейшая цель в жизни каждого. Символом самости является Мандала и ее разновидности: абстрактный круг, нимб святого, окно-розетка.
- ◆ Мудрец — это персонификация жизненной мудрости и зрелости, символом служит фигура Пророка.
- ◆ Ребенок по Юнгу — это «предсознательный аспект детства коллективной души», это коллективный опыт, складывавшийся веками. Этому архетипу присущи таланты, стремление спасти мир и отчасти легкомыслие. Архетип Ребенка — это символ надежды и веры в преодоление несправедливости.
- ◆ Создатель или Творец. Основным стремлением Творца является создать нечто вечное, не зависящее от времени, что-то, что прославит его имя на века. При этом Творец является реалистом. Им движет стремление к выражению своей идеи

в материальной форме. Творец создает творение исходя из своих внутренних образов и являет миру вполне конкретный осязаемый, инновационный продукт. Творец получает истинное наслаждение от процесса творчества.

- ◆ Архетип Героя отождествляется с человеческим Эго. С этим архетипом связано необыкновенное (как правило божественное) происхождение. Герой выполняет опасные задания, погружается в иной мир. Он отважен и смел. Герой готов идти на верную смерть. Когда он спускается в подземное царство, он знакомится с собственным бессознательным. Эта сложная задача ставится для того, чтобы преодолеть себя и повзрослеть. Согласно Юнгу в этом и заключается самый важный и значимый подвиг архетипа Героя.
- ◆ Трикстер как архетип коллективного бессознательного представляет образы демонически-комических персонажей, совершающих противоправные действия и не желающих подчиняться общепризнанным правилам поведения. Юнг рассматривал Трикстера как архетип, воплощающий антисоциальные, инфантильные и неприемлемые аспекты нашего «Я».
- ◆ Простодушный или Ребенок стремится к тому, чтобы жизнь не была тяжелой. Это спонтанный, доверчивый ребенок, который в той или иной степени присутствует в каждом из нас. Он боится быть покинутым и ищет безопасности. Его сильными чертами являются доверие и оптимизм. Основная опасность таится в том, что Простодушный рискует оставаться слепым, не видеть очевидных недостатков и оказаться в сильной зависимости от других.

Итак, наши личные качества и поведение отражают динамику архетипических принципов, и мы воплощаем эти характерные архетипические темы в своей повседневной жизни. Важной особенностью архетипов является то, что они не привязаны к человеческому мозгу, но действуют с запредельных сфер и влияют как непосредственно на психику отдельного человека, так и на события, происходящие в мире.

Использование в рекламе образов, соответствующих архетипам бессознательных структур психики человека, позволяет маркетологам обратиться к коллективному опыту потенциальных потребителей, обеспечить эффективную интеграцию рекламных коммуникаций с их личным опытом. Наполнение продукции архетипов содержанием позволяет создавать для потребителей не только рациональную, но и психоэмоциональную привлекательность продукции, привлекать к выбору товара все органы чувств.

Кроме того, понятие архетип дает маркетологам возможность проанализировать механизм формирования человеческой ментальности, а значит, инструмент повышения эффективности рекламы. Практическое применение этой теории основано на том, что архетипы обеспечивают недостающее звено между мотивацией клиента и продажей товара. В условиях колоссального роста объема информации, обрушивающейся на потребителя, архетипическая, уникальная индивидуальность продукта (услуги) прямо обращается к образу, запечатленному в глубинах психики, пробуждая ощущение осознания и осмысления чего-то знакомого и значимого. Таким образом, для лучшего привлечения и удержания потребителя требуется лучшее понимание механизмов его мотивации. Юнг утверждал, что архетипы наследуются человечеством и являются коллективным бессознательным.

Давайте посмотрим, как теория об архетипах находит свое практическое применение в области продаж и проследим на примерах рекламы, каким образом бренды воплощают архетипические образы великого Карла Густава Юнга в маркетинге.

Многие бренды продвигают свою продукцию, нещадно эксплуатируя архетип Героя. Этот образ культивируют бренды, внедряющие инновационные продукты. Такие бренды позиционируют себя пионерами в своей области. Часто мы можем проследить этот архетип в рекламе компаний Nike или Adidas. В рекламе этих брендов отчетливо проявляется образ Героя, с которым покупатели на подсознательном уровне ассоциируют себя, приобретая тот или иной товар их производства. Архетипы используются в рекламе, в частности, для того, чтобы наиболее сильным образом воздействовать на зрителя, поскольку, как уже было сказано, архетипы неизменно вызывают сильную эмоциональную реакцию у любого человека. Надо сказать, что метод хорошо работает при сбалансированном сочетании архетипического образа и цели при создании рекламного сообщения. Для этой цели используют изображение, смысл и звук. Зачастую при создании рекламного послания применяют несколько архетипов одновременно. Наиболее часто используются архетипы Героя (Олимпийские игры), Ребенка (реклама детского питания и товаров для детей).

Еще одним примером использования архетипов служит всемирный бренд «Нэсквик». В рекламе этого продукта мы видим образ пушистого любимца детей, героя и победителя кролика Квики. Образ героя (кролика) удачно выбран дизайнерами, поскольку детям нравится яркий, веселый и добродушный кролик.

Рекламный лозунг бренда звучит как «Воздушные шоколадные шарики Нэсквик, теперь в них еще больше

шоколада и витаминов!» Кролик беспокоится о здоровье детей, что вызывает доверие родителей. Помимо Героя дизайнеры воплотили в этом образе еще два архетипа: Заботливый и Простодушный. Позже архетип Героя — кролика распространился не только на детские завтраки, но и на кондитерскую продукцию.

Еще один архетип, используемый в рекламе, это архетип Персона. В этом случае эксплуатируется желание индивида чувствовать себя «в своей тарелке», быть социально значимым, быть принятым, адаптированным в обществе, коммуницировать с себе подобными. На этом построен сюжет множества рекламных роликов и плакатов. Например «В этом сезоне дубленки принято покупать только в «Снежной королеве», «L'Oreal — ведь я этого достойна!» или «Renault — машина для этой жизни!». Потребителю рекламы предлагается тот или иной товар как максимально быстрый и легкий способ приобрести лучшую маску, преобразить свой имидж.

Маркетологи используют также и отрицательные персонажи в продвижении продукции. В этом случае на помощь приходит «архетип Тени» — все неприятное, мрачное, темное, все то, от чего человек стремится избавиться. Психологически человек так устроен, что он не видит Тень внутри себя, а ищет врага на стороне. В виде врагов маркетологи представляют кариес, перхоть, лишний вес, мокрые детские пеленки и микробов на кухне или в ванной. Тень может также материализоваться в виде «отвратительной личности». Например, вор, угоняющий машину, бизнесмен, не заплативший налоги, брат из ролика Wella-дизайн («Младших братьев не выбирают...»). По замыслу маркетологов выиграть бой с Тенью можно легко и непринужденно: рекламируемый товар поможет победить Тень в мгновение ока. Этот посыл закрепляется, как правило, в финальной фразе рекламного ролика («Вот так я избавилась от лишнего веса, тараканов, микробов и т.д.!»). Архетип «Тень» — это оставшаяся за порогом сознания та бессознательная часть личности, которая является нашим демоном. В рекламе место Тени занимают кариозные монстры или бактерии, вызывающих неприятный запах. Примером может послужить реклама дезодоранта «Rexona».

Человеку свойственно стремление к гармонии. На этом естественном желании и играют маркетологи, применяя архетип «Самости» в рекламе. Это та внешность, которую индивид хотел бы иметь: красивые волосы, ресницы, цвет лица: «Все без ума от тебя... А ты от Maybelline», «L'Oreal. Ведь Вы этого достойны», тушь для ресниц Bourjois Pump up the Volume

«Объем ресниц — мое явное преимущество! Тушь, придающая пышность моим ресницам», Блестящая губная помада Bourjois Rouge Pop Chic «Мои губы — блестящее про-

изведение искусства!». Таких примеров рекламы можно привести множество. Одновременно с образом Самости реклама «Maybelline» использует также и архетип «Маски», то есть то, каким человека видят окружающие.

Мужской образ в рекламе — это независимость, сила, стабильность, уверенность, мощь. А также рациональность, активность и авторитарность. Именно с такими чертами ассоциируется харизматичный ковбой в рекламе «Malboro», журнал Mens Fitness со слоганом «Побеждает лучший!» или реклама автомобиля Toyota под лозунгом «Управляй мечтой!» является одной из лучших для привлечения амбициозных представителей мужской аудитории. [3]

Архетип «Мать» имеет бесконечное число выражений и представляет собой вечную и бессмертную бессознательную стихию. Кроме родоначальницы, это может быть образ женщины-богини, далекая родная страна или город, готовые защитить и дать приют в случае опасности. «Вы найдете Мать, даже лишившись 90% информации о внешнем мире», — говорят пользователям создатели ролика Pandora. Маркетологи связывают конкретный продукт с проявлениями материнской любви и заботы. Поэтому маркетологи активно используют образ для рекламы товаров для детей.

С образом матери связан также архетип первородного греха. Эту тему очень удачно воплотили создатели свадебных платьев компании Love Bridal в своей рекламе: невеста в роскошном, сияющем свадебном платье, выходящая из темноты и идущая по темному подиуму, призвана вызывать подсознательные ассоциации с глубиной первородной стихии, откуда человек выходит и куда возвращается в конце жизни.

Реклама продуктов быстрого приготовления «Дарья» транслирует модель патриархальных отношений в семье с главенствующим положением мужчины: женщина готовит царю пельмени («Я услужить вам рада») по старинному рецепту.

Еще одним вариантом использования архетипа матери служит реклама кофе «Rusafe» («Сделано с любовью»), в которой сын радуется приходу матери и они вместе пьют кофе.

В рекламе телекоммуникационной компании Tele 2 удачно используется несколько архетипов одновременно. Слоганы «Надоело переплачивать», «Жить честно, без хитрости и переплат» Tele2 нацелен на рациональных потребителей, которые стремятся к самореализации и выступают против неразумных трат, что выражают архетипы Искателя и Мудреца. В то же время архетип Простодушного (рай на земле) апеллирует к потребите-

лям, которые желают удобства и комфорта в жизни и общении. Архетип Шута добавляет в коммуникацию простоту и веселость. [1]

Маркетологи компании Louis Vuitton выбрали для рекламы своей продукции выбрали стратегию индивидуализма и постоянного самопознания, совершенствования себя на пути к Богу и чистому знанию. Такой путь сопровождается постоянными, мучительными сомнениями, стремлением к духовному поиску, размышлениями о мире и своем месте в нем, желанием быть яркой личностью и идти собственной дорогой. Эти стратегии представляют архетипы Искателя и Мудреца в рекламном ролике с Анджелиной Джоли в главной роли. Погруженная в свои мысли, героиня прогуливается в полном одиночестве по лесам Камбоджи.

Архетип Маг воплощает мечты в реальность. Зная, как функционирует наш мир, Маг способен менять реальность и совершать невозможное. К этому образу уже долгое время обращаются производители пластиковых карт Master Card. Вы можете приобрести все, что захотите, ис-

пользуя всего лишь маленький кусочек пластмассы. Вы получаете магический опыт благодаря этой кредитной карте. Девиз компании: «Есть вещи, которые не купишь за деньги. Для всего остального существует MasterCard».

Приведем еще один интересный пример использования архетипа Волшебник. Один из самых успешных брендов современности Apple выбрал своим логотипом надкушенное яблоко, которое является символом запретного плода, манящего и искушающего.

Итак, архетипы воплощают унаследованные коллективные инстинкты, программы поведения, реализуемые нами в течение жизни. Внешние события, унаследованные модели поведения дают толчок этим программам в нашем подсознания, заставляя нас реагировать соответствующим образом и додумывать, привносить дополнительные эмоции, смыслы и содержания. Когда мы видим известные бренды, у нас включаются программы, стимулирующие конкретную модель поведения, что делает нашу психику восприимчивой к определенной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аакер Д. А. Создание сильных брендов / Д Аакер. — М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. — 340 с.
2. Коптев С.А., Кларк Н. и др. Человечный маркетинг / С. А. Коптев, Н. Кларк и др. — М.: Медиадом, 2003. — 184 с.
3. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипа / М. Марк, К. Пирсон. — СПб.: Питер, 2005. — 336 с.
4. Пендикова И. Г. Архетип и символ в рекламе: учеб. пособие / И. Г. Пендикова, Л. С. Ракитина; под ред. Л. М. Дмитриевой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 303 с.
5. Хеджес П. Анализ характера, или типология по Майерс-Бриггс / П. Хеджес — М.: Эксмо, 2003. — 320 с.
6. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг — М.: Ренессанс, 1991. — 150 с.
7. Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Юнг — М.: Харвест, 2004. — 496 с.

© Стрижова Екатерина Валентиновна (ekstrizhova@yandex.ru), Андросова Ирина Геннадьевна (irenandros@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

АУТОГЕННАЯ ТРЕНИРОВКА КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР В ОБУЧЕНИИ МЕТОДАМ И СПОСОБАМ РАЗРЕШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Терехова Людмила Викторовна

Национальный институт имени Екатерины Великой
7238650@bk.ru

AUTOGENOUS TRAINING AS A MOTIVATING FACTOR IN TEACHING METHODS AND METHODS OF SOLVING PSYCHOLOGICAL PROBLEMS

L. Terekhova

Summary. The results of the study of the effectiveness of the author's methodology of autogenous training to motivate the client to learn ways to solve their psychological problems in the process of working with a psychologist. As a result of the development of methods of autogenous training identified: 1) methodological basis; 2) instructions for the Respondent; 3) its effectiveness as a means of motivating customers to learn how to solve psychological problems and their application; 4) the optimal number of sessions; 5) limitations to the use of the technique.

Keywords: autogenous training, muscle relaxation and meditation, psychological «tool» as a way to resolve psychological difficulties, introduction of autogenous training to motivate the client to master the psychological «tool».

Аннотация. Представлены результаты исследования эффективности авторской методики аутогенной тренировки для мотивации клиента к освоению способов разрешения своих психологических проблем в процессе работы с психологом. В результате разработки методики аутогенной тренировки определены: 1) методологическая основа; 2) инструкция для респондента; 3) ее эффективность как средства мотивации клиентов к обучению способам разрешения психологических проблем и их применения; 4) оптимальное число занятий; 5) ограничения к применению методики.

Ключевые слова: аутогенная тренировка, мышечная релаксация и медитация, психологический «инструмент» как способ разрешения психологических затруднений, введение аутогенной тренировки для мотивирования клиента к освоению психологического «инструмента».

Современная практическая психология накопила огромный багаж методик по работе с людьми, направленных на коррекцию и развитие психологических качеств личности. Существует множество подходов, показавших и доказавших свою эффективность в психологической практике: психотерапия, когнитивная и поведенческая терапия, гештальт терапия и производные от них конкретизированные методики, разработанные на базе методологических принципов и основ указанных научных школ. Среди таких методик стали активно применяться рационально-эмоционально поведенческая терапия, обучение саногенному мышлению, развитие эмоционального интеллекта, транзактный анализ, идеомоторная тренировка и другие. (Роджерс К. Р., 2015). Каждый из этих подходов так или иначе включает в себя двухсторонний процесс обучения, где происходит передача знаний умений и навыков учителем (специалистом) и освоение этих знаний умений и навыков учеником (человеком, имеющим психологические проблемы) (Ильясов И. И., 1986). Это связано с тем, что задача практических психологов во многом заключается в том, чтобы снабдить человека, имеющего затруднения психологического характера таким психологическим «инструментом», который бы он мог применять самостоятельно

при разрешении психологических проблем в различных жизненных ситуациях. Под психологическим «инструментом» понимается такой комплекс знаний, умений и навыков, применение которого помогает улучшить психологическое состояние человека. Такой психологический «инструмент» есть в каждой психологической научной школе и находится «на стороне» специалиста, представляющего эту школу. В связи с этим человек, испытывающий психологические затруднения, сталкивается с открытием того, что обращение к психологу (или обращение психолога к нему) требует от него определенных усилий для освоения этого «инструмента», похожих на те, которые он затрачивал при освоении знаний, умений, навыков и компетенций в других сферах жизни (образование, хобби, спорт и др.).

Поэтому встает серьезный вопрос, *связанный с мотивацией клиента на обучение в рамках работы с психологом*, в результате которого человек сможет разрешить накопившиеся проблемы и самостоятельно справляться с психологическими затруднениями в новых жизненных обстоятельствах. Такая мотивация со стороны лица, нуждающегося в психологической помощи, необходима для получения терапевтического эф-

фекта (Р. Кочунас, 1999). В то же время, многие известные ученые, практикующие психотерапевты и консультанты описывали как сталкиваются с нежеланием со стороны клиентов затрачивать дополнительные усилия на то, что может, по их мнению, не принести ожидаемого результата. Еще З. Фрейд не раз описывал свой негативный опыт, связанный с отказом клиентов от продолжения терапии, которые ссылались на отсутствие улучшений и не видят смысла в дальнейших встречах (З. Фрейд, 2009). Р. МакМаллин описывает в своей работе неоднократный уход клиентов из когнитивной терапии, несмотря на наличие серьезных психологических проблем, в связи со сложностью осваиваемых методик когнитивного переструктурирования, которые необходимо применять самостоятельно и давать отчет о том, как разрешаются затруднительные ситуации с помощью освоенного приема (Р. МакМаллин, 2001).

При этом, личная многолетняя практика позволила выдвинуть предположение о том, что на повышение мотивации клиента к обучению в процессе работы с психологом положительно влияет быстро достигаемое состояние релаксации и спокойствия. Речь идет о том, что психолог создает условия, при которых человек, нуждающийся в психологической помощи, погружается в состояние полного расслабления еще задолго до окончания основного этапа работы и испытывает ощущение облегчения. Это позволяет почувствовать заранее тот эффект и результат, к которому может привести долгосрочное обучение психологическому «инструменту» которым, с одной стороны, владеет психолог и, который, с другой стороны, должен освоить человек, имеющий психологические затруднения (например, умения и навыки саногенного мышления). Кроме того, была выдвинута гипотеза о том, что применение освоенного психологического «инструмента» становится более эффективным, когда человек владеет методикой достижения краткосрочного расслабления и успокоения, а так же тренирует этот навык для самостоятельного применения. Это связано с тем, что осуществлять сложную схему размышлений (непривычную для клиента) или выполнение определенных инструкций для анализа и разрешения сложившейся ситуации значительно проще в спокойном состоянии, нежели в возбужденном.

Для решения этой задачи подходит метод *аутогенной тренировки*. Она позволяет с помощью соответствующих вербальных инструкций расслабить внутренние и внешние мышцы тела, успокоить дыхание и сердцебиение, в результате чего, снять эмоциональное напряжение, связанное с переживанием негативных эмоций (И. Г. Шульц, 1985).

Активное изучение аутогенная тренировка получила еще в начале 20 века в сфере медицины с целью поиска

путей снятия и купирования соматических симптомов при обучении сосредоточению на участках своего тела. Во второй половине 20-го века эти исследования получили продолжение в работах Абаева Н. В., Налимова В. В., Дрогалиной Ж. А., Ротенберга В. С., Аршавского В. В., West M. A и др. В сфере психологии аутогенная тренировка изучалась для нахождения средств снятия эмоционального напряжения (Храмелашвили В. В., Лебедев В. Б., Эверли Дж., Розенфельд Р.). При этом, как метод она разрабатывается в двух основных направлениях: мышечная релаксация (Кузнецова А. С., Леонова А. Б., Bernstein D. A., Borkovec T. S., Poppen K., Jacobson E.) и медитация (Зиггерс М., Bars D., Beuson N., Evenly J. S.).

Сегодня аутогенная тренировка активно применяется в восстановительной медицине в качестве немедикаментозного лечения для коррекции хронических соматических заболеваний, болезней связанных с нарушением сердечно-сосудистой системы, астмы, перенапряжения челюстно-лицевых мышц и другое (Н. А. Трдатян, Г. В. Иванова, Н. А. Фролова, А. В. Пекониди, Е. А. Булычева, А. А. Штелле). В спорте аутогенная тренировка популярна для подготовки молодых спортсменов и спортсменов со стажем в сочетании с идеомоторными тренировками (Ю. В. Яковых). В психиатрии аутотренинг применяется для коррекции тревожных и депрессивных расстройств и неврозов (Manzoni G. M. et al., 2008), в психологии для работы с нарушениями психологической адаптации, неуверенностью в себе, эмоциональной подавленностью и др. (И. Г. Шульц, 1985; Ананьев В. А., 2007).

Однако, существование множества модификаций аутогенной тренировки сталкивает с проблемой выбора наиболее эффективной и исключения неэффективной методики именно для мотивирования клиента на дальнейшую работу с психологом, которая предполагает процесс обучения. Проблема связана с тем, что за той или иной инструкцией не всегда стоит хороший проработанный методический уровень, позволяющий получить максимально хороший эффект от представленной аутогенной тренировки (Kanji N. et al., 2006; Huntley A. et al., 2002; Manzoni G. M. et al., 2008) для достижения максимального расслабления и успокоения как мотивирующего состояния к дальнейшей работе с психологом. В то же время положительный результат аутогенной тренировки на первых встречах является важным этапом, мотивирующим на длительное и непростое обучение психологическому «инструменту», подходящему для разрешения психологических затруднений.

В связи с этим, становится целесообразным и актуальным разработка методики аутогенной тренировки для мотивирования клиента к обучению психологическому «инструменту» в процессе работы с психологом. В осно-

ве такой методики должен лежать *комплексный подход*, где в едином сочетании используются приемы концентрации на всех группах мышц тела (внешних и внутренних), дыхании и сердцебиении. Этот подход лег в основу разработки методики в связи с тем, что представленные методически проработанные инструкции обычно сосредоточены на регуляции дыхания и расслаблении отдельных участков тела и не включают вербальные инструкции на расслабление всех крупных групп мышц. Однако, в связи с тем, что, физиологический ответ на эмоциональный стресс может концентрироваться в различных участках тела и при этом не осознаваться, комплексный подход к разработке методики поможет выявить участок тела, где сосредоточено напряжение.

В результате апробации, доработки и корректировки методики аутогенной тренировки была разработана инструкция, которая дает хороший результат на стадии мотивации клиента к работе с психологом и самостоятельного применения освоенного психологического «инструмента» в различных жизненных ситуациях по окончании обучения (Таблицы 1, 2, 4).

Теоретико-методологическую основу авторской методики составили методологические принципы и положения о единстве сознания и деятельности, процессов обучения и развития, внутренней и внешней деятельности (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев); теоретические положения И. Г. Шульца (основоположника аутогенной тренировки) о тесной связи тонуса мышц тела, ритма и глубины дыхания, частоты сердцебиения со степенью эмоционального напряжения, переживаемого человеком, о том, что импульсы поступающие в мозг от мышц и суставов закрепляют связь эмоциональных состояний и степени напряжения определенных групп мышц, а также о том, что определенные вербальные инструкции формируют и закрепляют соответствующие субъективные ощущения в теле человека.

В основу разработки методики также легли концепция психологии саморегуляции функциональных состояний А. С. Кузнецовой и А. Б. Леоновой (Леонова А. Б., Кузнецова А. С., 2007); положения о медитации М. Зиггера (Зиггерс М., 2015); технология дыхательной практики «4–7–8» Э. Вэйла (Вэйл Э., 1999).

Итак, представим саму **инструкцию** авторской методики аутогенной тренировки для мотивации клиента на работу с психологом. (Некоторые двигательные акты рекомендуется выполнять отдельно во внешней деятельности перед освоением всего комплекса упражнений (например, пункты II, III п.п. 1,5,6) Это обеспечит их последующее более образное мысленное воспроизведение, получение более точного ощущения напряжения и релаксации мышечных групп, и будет способствовать

повышению эффективности релаксирующего воздействия аутогенной тренировки)

I. Устраивайтесь удобно, облокотившись на спинку кресла. Постарайтесь держать спину ровно и расслабленно.

II. Приступим к дыхательному упражнению. Вдохнем через нос. Вдох длится 4 счета (1 счет примерно равен 1 секунде), затем задержим дыхание на 7 счетов и выдохнем через слегка приоткрытый рот на 8 счетов. Повторим это упражнение ещё 5 раз.

Почувствуем, что дыхание стало медленнее и легче, а тело начало расслабляться.

III. Переходим к упражнениям для расслабления тела. Все они выполняются мысленно. Будем выполнять их, воспроизводя по памяти ощущения от сокращения мышц и до последующего их расслабления.

1) Переведем внимание на ноги. Представьте, что Вы отрываете пятки от пола, ставя ноги на носочки. Почувствуйте, как напрягается свод стопы, щиколотки и икроножные мышцы. Задержите напряжение на пару секунд, а на выдохе расслабьте ноги, опустив пятки обратно на пол. Повторяйте это упражнение до полного расслабления нижней части ног.

2) Теперь представьте, что Вы вытянули ноги прямо перед собой. Ноги выпрямлены, носки оттянуты, напрягаются все мышцы ног, бедер и низа живота. На выдохе мысленно опустите ноги и почувствуйте расслабление и легкость. Повторяйте это упражнение до ощущения расслабления в ягодицах, бедрах, икрах и стопах.

3) Переведем внимание на дыхание. Обратим внимание на то, что дыхание стало немного медленнее и спокойнее. Понаблюдаем за ним как бы со стороны.

4) Теперь окиньте внутренним взором свои руки: плечи, локти, запястья и кисти. Представьте себе, что Вы крепко сжали руки в кулаки. Задержали напряжение и расслабили руки. Почувствуйте, как расслабляются кисти рук. Появляется ощущение лёгкого покалывания в кистях и быстро сменяется чувством легкости. Тепло разливается по ладонкам и стекает к кончикам пальцев рук. Повторяем это упражнение до полного расслабления кистей рук.

5) Поднимем внимание к плечам. Представьте себе, как Вы пытаетесь дотянуться плечами до мо-

чек ушей, втягивая голову в плечи. Почувствуйте, напряжение мышц шеи и плеч. На выдохе расслабьте плечи. Почувствуйте, как расслабляются мышцы шеи и плеч. Повторяйте это упражнение до полного расслабления этих групп мышц.

6) Переведём внимание на руки. Мысленно соедините руки в замок за спиной. Выгните спину, потянитесь грудью вперёд, а руками назад. Почувствуйте, как напрягаются мышцы рук и спины, как прогибается вперед грудная клетка. Задержитесь на пару секунд, напрягая мышцы ещё сильнее, а теперь опустите руки.

Почувствуйте, как расслабляются все мышцы рук и спины. Как волна расслабления стекает по спине от плеч к пояснице, и по рукам от плеч к кистям рук. Почувствуйте, как уходят зажимы и появляется легкость. Повторяйте это упражнение до полного расслабления в руках и спине.

7) Теперь поднимемся вниманием к горлу. Мысленно на выдохе произносим глубокий гортанный звук «А». Почувствуйте, как вибрация этого звука расслабляет гортань и корень языка. И внутреннее проговаривание исчезает. Продолжаем ощущать звук «А» до полного расслабления горла, района щитовидной железы и нижней челюсти.

8) Обратим внутренний взор на область затылка. Мысленно наклоните голову назад. Почувствуйте, как растягиваются мышцы шеи спереди и напрягаются сзади. Мысленно верните голову в привычное положение. Почувствуйте, как расслабляются шея и затылочная зона. Как мышцы становятся мягкими и тёплыми. Повторяем это упражнение до полного расслабления шеи.

9) Теперь снова обратим внимание на дыхание. Почувствуем, что дыхание стало ещё спокойнее, а выдох стал чуть длиннее вдоха. После выдоха появилась пауза. Наблюдаем примерно полминуты или минуту пока это приятно.

10) Теперь расслабим мышцы лица. Мысленно сквозь закрытые веки остановите взгляд на одной точке далеко на горизонте. Разожмите зубы и расслабьте челюсти. А теперь представьте, как Вы широко улыбнулись. Как вы напрягаете щеки, щурите глаза, морщите нос, растягиваете губы и сжимаете зубы. Почувствуйте это напряжение на лице. И после — сбросьте его. Почувствуйте, как расслабляются мышцы лица. Как разглаживается лоб и щеки. Как расслабляются лоб, глаза, губы и челюсти. И лицо отдыхает. Веки опущены, взор направлен внутрь, рот слегка приоткрыт, нижняя

челюсть расслаблена. Повторяйте это упражнение до ощущения полного расслабления лица.

11) Переведём внимание на живот. Понаблюдаем за его движением во время дыхания. Наблюдаем как бы со стороны. И после мысленно и расслаблено на выдохе произносим слог «Хо», растягивая звук «о». Чувствуем вибрацию этого слога в центре живота, которая разливается по всем органам.

От вибрации появляется приятное тепло и расслабление. Повторяем это упражнение до ощущения полного расслабления в животе.

12) Поднимемся внутренним взглядом в грудь и почувствуем ее движение во время дыхания. Теперь представляем себе, как на выдохе мы произносим слог «Ка», с акцентом на букву «К» (как бы немного кашляющий). И ощущаем как от вибрации этого слога расслабляются все мышцы груди и дыхательных органов.

13) Переведём внутренний взгляд выше в голову. Теперь мысленно произносим слог «Ом», растягивая букву «М», чувствуем, как в голове вибрируем звук «М». Вибрация растворяет все напряжения в области головы, и мысли уплывают далеко-далеко, их совершенно не слышно. Мы чувствуем, как лоб соприкасается с воздухом и появляется приятная прохлада. Повторяем упражнение до тех пор, пока это приятно.

14) Теперь посмотрим внутренним взором на свое легкое, расслабленное тело. Все тело, от кончиков пальцев до макушки, наполнено теплом и покоем. Появляется ощущение, что оно лежит в тёплой воде. Вода омывает ступни и пальцы ног, сами ноги, спину, руки и голову. Вы легки и невесомы.

15) Находимся в этом состоянии до тех пор, пока для Вас это естественно. Затем медленно, чтобы сохранить это чувство, открываем глаза.

Почувствуете, что Вы отдохнули. Подумайте о том, на что похоже данное состояние. Пусть этот образ будет легким и приятным.

Для проверки предположения об эффективности авторской методики аутогенной тренировки в качестве способа мотивации клиента к освоению методов разрешения своих психологических проблем в процессе работы с психологом, было сформировано две группы респондентов — контрольная и экспериментальная. Общим группам предлагалось пройти курс обучения самонегенному мышлению по методике Ю.М. Орлова (20 занятий по 1,5 часа) Теоретико-методологическая основа

Таблица 1. Показатели уровня прохождения обучающего курса в контрольной и экспериментальной группах (полнота прохождения курса от 0 до 20 занятий).

	Контрольная группа (67 чел.)	Экспериментальная группа (78 чел.)	Значения углового преобразования Фишера (φ*эмп.)
Низкий уровень (0–8 занятий)	21 чел. 31%	7 чел. 9%	3.47 (p≤0,01)
Средний уровень (9–15 занятий)	16 чел. 23%	10 чел. 13%	1.74 (p≤0,05)
Высокий уровень (16–20 занятий)	31 чел. 46%	61 чел. 78%	4.04 (p≤0,01)

Таблица 2. Показатели выполнения домашних заданий в контрольной и экспериментальной группах.

	Контрольная группа (67 чел.)	Экспериментальная группа (78 чел.)	Значения углового преобразования Фишера (φ*эмп.)
Низкий уровень (треть заданий)	22 чел. 33%	7 чел. 9%	3.67 (p≤0,01)
Средний уровень (половина заданий)	27 чел. 40%	22 чел. 28%	1.54 (p≥0,5)
Высокий уровень (все задания)	18 чел. 27%	49 чел. 63%	4.44 (p≤0,01)

данного психологического «инструмента» происходит из такой научной школы как когнитивная психология, т.к. саногенное мышление определяется как техника размышления, которая позволяет *контролировать негативные эмоции* путем изменения хода мыслей и оценки ситуации (Орлов Ю. М., 1991).

В экспериментальную группу (78 человек: 27 мужчин и 51 женщина от 23 до 56 лет) в процессе обучения основному психологическому «инструменту» (саногенному мышлению) была введена авторская аутогенная тренировка в сочетании с методиками аутогенной нейтрализации (W. Luthe, 1969), аутогенной десенсибилизации (В. С. Лобзин, М. М. Решетников, 1986) и снижения интенсивности негативных эмоций, для возможности отстраненного размышления о самой «идее» данной эмоции и нейтрализации отрицательных переживаний (А. Бергсон 1911, У. Джеймс). В результате введения такого комплекса воздействий, участники экспериментальной группы применяли предложенную схему размышлений для разрешения проблемной ситуации в спокойном расслабленном состоянии, достигнув желаемого состояния уже в процессе занятий, тем самым, получив подтверждение эффективности «психологического инструмента» которому предстоит обучиться.

Респонденты же контрольной группы сразу приступили к освоению саногенного мышления, без введения комплекса аутогенных техник и методик (67 человек: 34 мужчины и 33 женщины от 22 до 51 года).

Параметрами эффективности аутогенной тренировки как способа мотивации клиентов к обучению психологическому «инструменту», подходящему для разрешения психологических проблем, выступили следующие показатели:

- 1) Добровольное прохождение полного курса обучения — до конца (прошли от 1 до 8 — низкий уровень; прошли от 9 до 15 занятий — средний уровень; прошли от 16 до 20 занятий — высокий уровень);
- 2) Выполнение домашнего задания (выполнена треть заданий; половина заданий; все задания);
- 3) Уровень освоения навыков и умений саногенного мышления, демонстрируемый на встрече с психологом (низкий, высокий, средний). Определяется из оценки того, насколько эффективно респондент применяет навыки и умения саногенного мышления размышляя о проблемных ситуациях на встрече с психологом (Зарембо Н. А., 2012).
- 4) Уровень самостоятельного применения навыков и умений саногенного мышления в различных ситуациях (низкий, средний, высокий). Определяется из оценки самоотчетов респондентов о том, насколько эффективно применялись навыки и умения саногенного мышления для самостоятельного разрешения своих проблем.

Все респонденты (141 человек) на момент начала обучения имели одинаковые показатели по указанным параметрам — низкий уровень освоения и, вследствие, применения навыков и умений саногенного мышления,

Таблица 3. Показатели освоения психологического «инструмента» в контрольной и экспериментальной группах для респондентов, прошедших весь курс обучения.

	Контрольная группа (31 чел.)	Экспериментальная группа (61 чел.)	Значения углового преобразования Фишера (ϕ^* эмп.)
Низкий уровень	2 чел. 6%	1 чел. 2%	1.19 ($p \geq 0,5$)
Средний уровень	6 чел. 19%	18 чел. 29%	1.07 ($p \geq 0,5$)
Высокий уровень	23 чел. 75%	42 чел. 69%	0.54 ($p \geq 0,5$)

Таблица 4. Показатели самостоятельного применения психологического «инструмента» в контрольной и экспериментальной группах для респондентов, прошедших весь курс обучения.

	Контрольная группа (31 чел.)	Экспериментальная группа (61 чел.)	Значения углового преобразования Фишера (ϕ^* эмп.)
Низкий уровень	5 чел. 16%	3 чел. 6%	1.72 ($p \leq 0,05$)
Средний уровень	18 чел. 59%	28 чел. 41%	1.11 ($p \geq 0,5$)
Высокий уровень	8 чел. 25%	32 чел. 53%	2.52 ($p \leq 0,01$)

ноль пройденных занятий и выполненных домашних заданий. Среди психологических проблем, с которыми обратились респонденты были следующие: фобии, панические атаки, депрессии, нарушение пищевого поведения, соматические реакции на проблемы психологического характера (аллергия, снижение/повышение давления, кожные проблемы). Среди респондентов обеих групп указанные проблемы имели равное распределение.

По окончании исследования были получены следующие результаты.

1) Только половина респондентов контрольной группы (46%) закончила курс обучения и прошла от 16 до 20 занятий, в то время как в экспериментальной группе полный курс прошли 78% респондентов. Треть респондентов контрольной группы, которым не предлагалась авторская аутогенная тренировка для достижения состояния расслабления как мотивирующего фактора, оставили прохождение курса на самом начальном этапе (31%). Применение математического метода углового преобразования Фишера (ϕ^*) позволило установить, что респонденты, в группу которых вводилась аутогенная тренировка достоверно чаще прошли курс освоения психологического «инструмента» до конца в процессе работы с психологом (78% — эксперим. гр. и 46% — контр. гр., ϕ^* эмп 3,47, $p \leq 0,01$; Таблица 1), и достоверно реже оставили его на начальном этапе обучения (9% — эксперим. гр. и 31% — контр. гр., ϕ^* эмп 4,04, $p \leq 0,01$; Таблица 1).

2) При оценке выполнений домашних заданий были применены следующие расчеты: за 100% выполненных заданий для каждого респондента бралось то количество — которое он успел получить до того, как окончил/оставил курс обучения (в начале, в середине или в конце). Таким образом, выявилось, что среди респондентов контрольной группы только 27% выполняли все домашние задания, в то время как в экспериментальной группе таких респондентов было 63%. Таким образом введение аутогенной тренировки на начальном этапе обучения достоверно чаще мотивирует клиентов не только к посещению полного курса обучения, но и на, то чтобы больше стараться в процессе освоения психологического «инструмента», подходящего для разрешения психологических затруднений (ϕ^* эмп 4,44, $p \leq 0,01$; Таблица 2).

3) Среди респондентов прошедших курс обучения до конца в контрольной и экспериментальной группах не обнаружилось достоверных различий в уровне освоения навыков и умений саногенного мышления (психологического «инструмента», которому респонденты обучались в течение курса): высокий уровень продемонстрировало 75% респондентов контрольной группы и 69% — экспериментальной (ϕ^* эмп 0,54, $p \geq 0,5$; Таблица 3). В то же время, среди респондентов оставивших курс в начале обучения в обеих группах не обнаружилось респондентов, с хорошим уровнем (средним и высоким) владения саногенного мышления. Таким образом, эти данные позволяют заключить, что уровень освоения предложенного психологического «инструмента» зависит от полноты пройденного курса обучения, на кото-

рый, в свою очередь, мотивирует введение аутогенной тренировки в процессе обучения (Таблица 1).

4) Установлено, что эффективное самостоятельное применение навыков и умений саногенного мышления в различных ситуациях среди респондентов прошедших полный курс обучения достоверно чаще встречается в экспериментальной группе по сравнению с контрольной (53% — эксперим. гр. и 25% — контр. гр., χ^2 эмп 2,52, $p \leq 0,01$; Таблица 4).

Из самоотчетов респондентов удалось выявить, что размышлять о затруднительной фрустрирующей ситуации становится значительно проще при достижении спокойного состояния на физиологическом уровне с помощью аутогенной тренировки. Таким образом, самостоятельное применение психологического «инструмента» осуществляется более продуктивно в сочетании с аутогенной тренировкой.

В результате апробации методики, было выявлено, что *семь занятий* является оптимальным числом за-

нятий для обучения авторской аутогенной тренировке. Она может вводиться в начале встреч.

Среди *ограничений* применения авторской методики аутогенной тренировки можно выделить: 1) самостоятельное использование без предварительного обучения со специалистом (пояснения специалиста на стадии обучения позволят избежать ошибок при самостоятельном применении); 2) симптомы относящиеся к практике психиатрии (применение аутогенной тренировки возможно исключительно в случае положительного решения лечащего врача и под его наблюдением); 3) тяжелые случаи депрессивных расстройств (обучение аутогенной тренировке должно проводиться только под наблюдением опытных специалистов).

Таким образом, разработанная методика аутогенной тренировки позволяет повысить мотивацию людей, на обучение психологическому «инструменту», подходящему для разрешения своих психологических проблем, а также эффективность самостоятельного применения этого «инструмента» по окончании обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев В. А. Практикум по психологии здоровья. СПб: Речь, 2007. 320 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Харвест, 1999. 1408 с.
3. Джеймс У. Психология. М.: Академический проект, 2011. 318 с.
4. Вейл Э. Народная и нетрадиционная медицина. М.: Издательство Трансперсонального Института, 1999. 352 с.
5. Зарембо Н. А. Измерение способности управления негативными эмоциями // Юридическая психология. 2012. № 2. С. 23–29.
6. Ильясов И. И. Структура процесса учения. М.: Издательство Московского государственного университета, 1986. 200 с.
7. Кочунас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 240 с.
8. Леонова А.Б., Кузнецова А. С. Психопрофилактика стрессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 123 с.
9. Леонова А.Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состояниями человека. М.: Смысл, 2007. 311 с.
10. Лобзин В. С., Решетников М. М. Аутогенная тренировка: (Справочное пособие для врачей). Л.: Медицина, 1986. 280 с.
11. МакМаллин Р. Практикум по когнитивной терапии. СПб.: Речь, 2001. 560 с.
12. Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
13. Роджерс К. Р. Современная психология: теория и практика. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 200 с.
14. Фрейд. З. Толкование сновидений. СПб.: Азбука-Классика», 2009. 512 с.
15. Шульц И. Г. Аутогенная тренировка / пер. с нем. Сергея Дземешкевича. М.: Медицина, 1985. 32 с.
16. Huntley A. White A. R., Ernst E. Relaxation therapies for asthma: a systematic review. // Thorax. — 2002. -Vol. 57. — № 2. — P. 127–131.
17. Kanji N., White A. R., Ernst E. Autogenic training for tension type headaches: a systematic review of controlled trials. // Complement Ther. Med. — 2006. -Vol. 14. -№ 2.-P. 144–150. Epub 2006 May 18.
18. Manzoni G.M., Pagnini F., Castelnuovo G., Molinari E. Relaxation training for anxiety: a ten-years systematic review with meta-analysis. // BMC Psychiatry. — 2008. -Vol. 2. -№ 8.-P. 41.

© Терехова Людмила Викторовна (irenandros@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ПСИХОЛОГОВ ТУВЫ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

RESEARCH AND EDUCATIONAL PROJECTS OF PSYCHOLOGISTS OF TUVA IN CONDITIONS OF USE OF NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

N. Tovuu

Summary. In article presents projects with explore ethnopsychological characteristics family ethnos Tuva and others. The study, conducted jointly with a group of scientists from Moscow in hard-to-reach kozhuunah (districts) of Tuva in the field of experimental psychology, devoted to the peculiarities of formation and leakage of cognitive processes in Tuva conditions of use of the new information and communication technologies in education and in everyday life.

Keywords: ethnos tuva, nature ethnopsychological phenomena, perception.

Товуу Наталия Оюновна

*Д.псих.н., ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук (ТувИКОПР СО РАН)
tikopr@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования этнопсихологических характеристик тувинского этноса, в том числе научно-полевых исследовательских проектов в труднодоступных кожуунах (районах) Тувы. Исследовались особенности формирования и протекания когнитивных процессов тувинцев в условиях использования новых информационных и коммуникационных технологий в обучении и в повседневном быту. Использование таких технологий на ранних этапах социализации, когда игра, учеба и общение с старшими и сверстниками играет ключевую роль, вызывает различные и разнонаправленные процессы, создающие этнокультурную специфику формирования когнитивно-коммуникативной сферы.

Ключевые слова: этнос, тыва, этнопсихология, информационные и коммуникационные технологии.

Введение

В любой период развития человечества передается мысль, выведенная из опыта, чтобы из него извлечь пользу. Нашему опыту более четверти века. Основа ее — экспериментальная работа по социальной психологии. Группы, клубы и объединения добровольцев в условиях социально-экономических и политических реформ в обществе явились центром **психологической помощи и поддержки населению**. Психологи, педагоги, и активисты, в лице пенсионеров, ветеранов войны и труда, члены их семей были первыми добровольцами-волонтерами и исследователями. По их инициативе создавались, такие группы, как «Доброволец», «Кому за 60», «Многодетная семья», «Народной дипломатии», школы кройки и шитья, тувинской национальной одежды, фотографа, балета, животновода и другие. Это были первые практические дела волонтеров, их клубов в годы реформ. Вели поисково-исследовательскую работу, выпускали газеты, выступали по телевидению и радио, делились жизненным опытом, обучали и консультировали людей. Время было переломным в истории, а для отдельных людей, годы потерь и утраты ценностей, изменения стереотипов, борьбы за сохранение и защи-

ту своих идеалов. Реформирование структур, разделяла население, появились богатые и нищие и т.п. Ветераны, помогая себе и другим, не падая духом, утверждали общечеловеческие ценности, передавали свой жизненный опыт молодежи, становясь центром общения, единения, поддержки, добровольной взаимопомощи. Организация, о которой идет речь, была зарегистрирована в Министерстве юстиции Республики Тыва под номером один 12 апреля 1991 года, как общественная благотворительная ассоциация «Семья — Ог-буле», а с 2012 года с учетом специфики работы, переименована в Общественное учреждение Республики Тыва Научный центр этнической психологии и социальных практик. Она уже имела зарегистрированную в Министерстве юстиции России символику в виде вверху юрты, жилища кочевых народов Азии.

Период с 1991 года был сложным в сознании людей, началом «перестройки», разрухи, нервное напряжение, они вынуждены менять многие свои стереотипы поведения и поступки из-за изменений в окружающей среде. Главное не было конкретных ориентиров в масштабе политических и экономических реформ в России, в частности Туве. Означало увеличение нагрузки на кон-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-01100а «Закономерности формирования и передачи перцептивного образа в процессе общения: кросс-культурный аспект»

трольно-регуляторную функцию сознания, напряженные для психики человека и, как следствие, отказ или сбой на уровне подсознания. В данный период и позже по данным статистики зарегистрирован значительный подъем уровня нервно-психических заболеваний, преступлений, суицидов и т.п.

В начале 21 века в города и села Тувы начали ускоренно проникать новые информационные и коммуникационные технологии, появились новые формы управления, типы отношений между людьми, ценностные ориентации. Пришли в упадок прежде развитые способы хозяйствования — такие, как крупные животноводческие и растениеводческие хозяйства. Следствием многих процессов стали, с одной стороны, отрыв молодежи от старшего поколения, осложненный негативными явлениями вплоть до «ухода в интернет», с другой — архаизация сознания части населения, уход к традиционным, частично забытым, верованиям, хозяйственным и социальным практикам. Намечились тенденции к недопониманию, противопоставлению и даже противостоянию между разными группами населения. Причем линии разделения часто проходят не только между поколениями, но и между представителями разных профессиональных групп, не только между городом и сельскими поселениями, но и между жителями горных, степных, т.е. разных районов, а также, нередко, между русскоговорящими тувинцами и тувинцами, общающимися преимущественно на родном языке. В качестве социального эксперимента мы решили идти двумя путями сразу: собирать информацию и исследовать возникающие проблемы и одновременно организовать социальную активность людей таким образом, чтобы не бороться с последствиями разнонаправленных тенденций в обществе, а создавать такие условия для совместной активности людей, которые позволили бы максимально использовать преимущества этих тенденций. Другими словами, позволили бы не доводить ситуацию до того предела, когда людям требуется серьезная психологическая помощь, а заниматься своего рода профилактикой и поддержкой с опорой на получаемую социальную, культурно- и этно-специфическую психологическую информацию.

При организации проектов мы обратились к характерному для тувинцев чувству коллективизма и назвали его «психологизацией» общества будущего. Сегодня, в Научном центре действуют прежние клубы, лаборатории, школы и создаются новые, более востребованные, такие как, «Эксперт», клубы травников и целителей «Золотой сбор», разрабатываются новые образовательные программы для населения. Результатом социального эксперимента, с 1991 по 1999 гг.: явилась в 2001 — защита докторской диссертации по социальной психологии. Исследование выявило, что смыслом жизни, ценно-

стью-целью тувинского этноса являются такие базовые категории, как забота о детях (семья), отношения (связи) с родственниками, чувства любви к родной природе и национальной культуре. Для достижения этих целей тувинцы в жизни гостеприимны, уважают старших, вежливы, искренны и терпеливы, а рационализм, пунктуальность и гибкость жизненной позиции для них в столь трудное время еще мало приемлемы. В ценностных ориентациях, ценности-цели остались прежними, а в ценностях — средствах все же выявились тенденции к рыночным отношениям [7]. Эти показатели в настоящее время выверялись в исследовательских проектах молодых ученых и студентов. За этот период изданы ряд монографий и сборников «Психологические характеристики семьи этноса тыва», «Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика», «Понятия, характеризующие психологию человека на языке народа тыва» «Психологический облик тувинского народа», «Социально-психологические исследования»; ежегодно проводятся Международные конгрессы по этнической психологии по проекту «Степная цивилизация» с изданием сборников «Юрта — традиционное жилище народов Азии», «Психология образования: личностный и профессиональный рост учителя», «Сознание человека: традиционно устойчивые модели жизни этноса и эволюция» [8], «Гостеприимная Тува: традиции и инновации» и др. Ежегодно проводятся встречи-форумы и конкурсы среди молодежи и школьников, например, на такие темы как «Ценностные ориентации тувинцев», «День уважения старших — 15 сентября», «Село мое — судьба моя». Волонтеры являются постоянными гостями в трудовых коллективах и образовательных учреждениях Кызыла и др. поселений республики, издают свои брошюры, делятся жизненным опытом, не переставая удивлять население своей целеустремленностью и любовью к жизни.

В 2006–2010 гг осуществлен перевод и апробирование в Туве учебного пособия «Психология» для 3–11 классов под ред. И.В. Дубровиной академика, Психологического института Российской академии образования (ПИ РАО) на родной (тувинский) язык [2]. Сегодня изданы эти учебные пособия для 3–4 классов начальной школы и 5,6 классов за счет спонсорских средств в количестве трех тысяч экземпляров на родном (тувинском) языке обучения для сельских детей, ими оснащены школьные библиотеки [4;5;6].

Современная ситуация характеризуется высоким динамизмом, быстро и резко меняющимися условиями жизни, интенсификацией информационного пространства. Открываются границы между культурами, налаживаются международные связи, растет гипермобильность населения, усиливается межэтническое взаимодействие, что способствует возрождению интереса к проблемати-

ке общенационального и этнического самосознания. Задачи, поставленные сегодня перед исследователями и практиками, определяют новые пути на основе практико-ориентированной психологии, которая рассматривает психологию как социо-гуманитарный базис взаимодействия в системе человек-общество [3]. Работая над проектом «Гостеприимная Тува» (2015–2019 гг.), автор проекта Н.О. Товуу, который направлен на развитие туризма в регионе, с августа 2014 года на конференции с международным участием ученых из Москвы, Монголии, Италии, Франции, Японии, где было принято обращение к населению, выпустили сборник статей. А в феврале 2015 года для его сопровождения и психологического просвещения населения зарегистрирована научно-образовательная газета «Гостеприимная Тува» [9]. Тираж ее более тысячи экземпляров. целью, которого является развитие и формирование у населения помогающих отношений в условиях использования новых информационных и коммуникативных технологий через движение «Помоги» — понимающие отношения, «способствующие развитию» здоровых личностных границ и интеллекта. Результаты исследований ученых, молодежи постоянно освещаются в вышеуказанной газете. Руководители клубов, школ и лабораторий ведут систематизированную работу по изучению психологии ценностей и межличностных отношений, традиционного вида трудовой деятельности тувинцев и других народов, проживающих в Туве и в соседних регионах при рыночной экономике.

К примеру, опубликованы в газете «Гостеприимная Тува» ряд статей участников научной экспедиции, побывавших на национальном празднике «Хей-Аът» в Ценгеле (Баян-Ульгийский аймак Монголии), а также о встрече членов научной экспедиции с известным писателем Чинагийном Галсаном (Калсаном), этническим тувинцем, единственным писателем из Азии, удостоенного международной литературной премии имени А. фон Шамиссо (Германия). Собран и издан сборник. Многие общественные инициативы и идеи психологов воплощаются в жизнь. После поездки и договоренностей представителей клуба «Народная дипломатия» в Казахстан, студенты ТувГУ проходили в стажировку в Евразийском национальном университете имени Льва Гумилева в Астане.

Психологические исследования, которые мы сейчас проводим совместно с группой ученых из Москвы, постоянно дают новое знание о тех изменениях, которые происходят в разных группах населения республики. Одно из таких исследований посвящено особенностям формирования и протекания когнитивных процессов в условиях использования новых информационных и коммуникативных технологий в обучении и в повседневном быту. Как было выявлено, использование

цифровой техники и технологий затрагивает глубокие пласты психики, изменяя не только формирование и функционирование речемыслительной сферы, но даже и процессы восприятия. С 2011 года ежегодные научно-полевые экспериментальные исследования с населением в труднодоступных уголках региона, как Тере-Холский, Тоджинский, Овурский, Монгун-Тайгинский и других дают психологам новые идеи и результаты. Помогают в осуществлении идей наши проекты, финансируемые грантами РНГФ и РФФИ [1]. Сейчас мы пробуем найти подходы к минимизации негативных влияний через культурные традиции и распространение психологической культуры. Помощь в исследованиях и образовательных проектах психологов в условиях использования современных технологий оказывают и переводные учебники по психологии на родном (тувинском) языке и аппаратно-программные комплексы экспериментальной психологии.

Сегодня, входящие в повседневную жизнь новые информационные и коммуникационные технологии мало ориентированы на конкретные сообщества: в лучшем случае они адаптированы к письменности двух-трех десятков наиболее распространенных видов, редко — собственно к языку и крайне редко — к культуре. Использование таких технологий на ранних этапах социализации, когда игра, учеба и общение с старшими и сверстниками играет ключевую роль, вызывает различные и разнонаправленные процессы, создающие этнокультурную специфику формирования когнитивно-коммуникативной сферы. Россия представляет собой уникальный объект для исследований в этой области как единая территория, в пределах которой сохраняются компактные этнокультурные образования. Примером такого региона является наша Республика Тыва.

В настоящее время в тувинских популяциях представлены как специфические характеристики, как этнокультурного типа современного общества, так и архаичные черты традиционного общества. С опорой на анализ литературных данных и опыт ранее выполненных в Туве научных работ определено, что исследование, направленное на выявление культурно- и этнозависимых особенностей становления коммуникативных навыков в совместной деятельности должно быть построено на привычном, укорененном в данном сообществе виде деятельности.

Одной из таких практик является украшение предметов обихода и одежды, поэтому для полевых условий была модифицирована компьютеризованная нами ранее методика диагностики коммуникативных навыков Г.А. Цукерман «Рукавичка». Нами был разработан компьютеризованный комплекс «Варежка, v. 2.0» и апробирован в отдаленном поселении Кунгуртуг Тере-Хол-

ского кожууна (района), что позволило моделировать ранний этап интродукции новых информационных и коммуникационных технологий и формирования когнитивно-коммуникативных навыков и умений в этих условиях. В 2017 году основные серии экспериментов проводились в школах г. Кызыла и отдаленных сельских поселениях Дус-Даг и Хандагайты. Полная выборка составила 360 школьников (220 городских и 140 сельских) от 11–13 и 14–16 лет. Сравнительный анализ коммуникативных навыков проводился по выборкам, включавшим по 40 пар (городских и сельских) школьников, анализ функций речевых высказываний — по всему корпусу текстов. Исследование проведено в два этапа. Оно показало разнонаправленные тенденции формирования реализации коммуникативных и графических умений школьников, проявившиеся в условиях интродукции новых коммуникационных и информационных технологий.

Выводы

Полученные результаты могут быть учтены при формировании учебных программ и программ переподготовки учителей, при подготовке рекомендаций по использованию психологического знания в образовании, а также в организации деятельности в разных группах населения для психологически безопасного туризма в регионе, предупреждать экологические загрязнения окружающей среды. Распространение психологического знания, полученного в исследованиях местного населения, является одним из аспектов нашей работы. Другим, не менее важным, процессом и результатом мы считаем формирование активных групп населения, занятых общей деятельностью на основе использования культурных и исторических традиций при постоянном мониторинге изменений, происходящих в обществе, и их социально-психологических следствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева К.И., Басюл И. А., Харитонов А. Н., Товуу Н. О. Аппаратно-программный комплекс для парных экспериментов в полевых условиях/ Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. Отв. ред. В. А. Барабанщиков. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 632–639.
2. Дубровина И. В. Учебный курс Психология для 3–11 классов. М. Учебное пособие для начальной школы III–IV классы, 5–11 классов / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 224 с., 240с, 208с . . .
3. Макропсихология современного российского общества/ Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — 352с. (Психология социальных явлений)
4. Психология: эге школанын III–IV класс ооредилге ному / редакторлаан Товуу Н. О. — 2-ги ундурулге. — Кызыл: Изд-во «Юрта мира», 2018. — 224 а. // переводное с «Психология: Учебное пособие для начальной школы III–IV классы / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 224 с.
5. Психология: эге школанын V класс ооредилге ному / редакторлаан Товуу Н. О. — Кызыл: Изд-во «Юрта мира», 2018. — 224 а. // переводное с «Психология: Учебное пособие для начальной школы V классы / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 240с
6. Психология: эге школанын VI класс ооредилге ному / редакторлаан Товуу Н. О. — 2-ги ундурулге. — Кызыл: Изд-во «Юрта мира», 2018. — 176 а. // переводное с «Психология: Учебное пособие для начальной школы III–IV классы / под ред. Дубровиной И. В. — 2-е изд., стер. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. — 208с.
7. Резников Е.Н., Товуу Н. О. Психологические характеристики народа тыва: теория и практика. — М.: ПЕРСЭ, 2002. — 223с.
8. «Степная цивилизация-2012»: Сознание человека: традиционно устойчивые модели жизни этноса и эволюция. Материалы Конгресса по этнической психологии: 3–7 июля 2012 г./ Под. ред. Н. О. Товуу, К. А. Сат. — Кызыл.; Изд-во ТувГУ.2012, — 207с.
9. Чупров Л. Ф. Психологическое просвещение в системе психопрофилактической работы практического психолога: Основы теории и методика [Электронный ресурс] // PEM: Psychology. Educology. Medicine [сайт]. 2013. № 1. sr; 75 с. URL: pem.esrae.ru/1–7 (дата обращения: 06.02.2018).

© Товуу Наталия Оюновна (tikopr@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРА И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МЕЧТЫ

STRUCTURE AND PHENOMENOLOGY OF DREAMS

O. Kiblik

Summary. The article considers the dream as a complex phenomenon. Such elements of the dream structure as actualization (revealing dreaming), potentialization (transition of a dream into a potential state), realization of a dream and a post-dream (a condition and actions of the individual after realization of a dream) are established. The phenomenology of the dream is viewed from different perspectives: from the point of view of the object of dreams (dream-events and dreams-ideals), from the point of view of the existence of an element of consciousness (conscious and unconscious), from the standpoint of the possibility of realization (unrealizable, dream-intentions, dreams-goals, dreams desire), in terms of the number of dreaming (individual and collective dreams).

Keywords: dream, dream philosophy, dream structure, phenomenology of dreams, types of dreams.

Киблик Олег Николаевич

Аспирант, Тюменский государственный университет
kiblick.ol@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена мечта как сложное явление. Установлены такие элементы структуры мечты, как актуализация (выявление мечтания), потенциализация (переход мечты в потенциальное состояние), осуществление мечты и постмечта (состояние и действия индивида после осуществления мечты). Феноменология мечты рассмотрена с разных позиций: с точки зрения объекта мечтаний (мечты-события и мечты-идеалы), с точки зрения наличия элемента сознательности (осознанные и неосознанные), с позиций возможности осуществления (несбыточные, мечты-намерения, мечты-цели, мечты-желания), с точки зрения количества мечтающих (индивидуальные и коллективные мечты).

Ключевые слова: мечта, философия мечты, структура мечты, феноменология мечты, виды мечты.

Мечта представляет собой «нечто, созданное воображением, мысленно представляемое» [11, с. 354]. Мечта является неотъемлемым признаком человека, принадлежностью его внутреннего мира, свойством, позволяющим индивиду быть свободным даже в условиях внешней несвободы. Осмыслить мечту как явление стремятся представители разных гуманитарных дисциплин: философии [9], культурологии [20], литературоведения [7] и т.д. С позиций философии важно разобраться в мечте как явлении, признаками которого являются желанность и недоступность; как в явлении сложном, различные трактовки которого обусловлены этой сложностью. Действительно, мечта обладает определённой структурой и типологией, к анализу которых исследователи подходят по-разному.

Цель статьи — рассмотреть структуру и феноменологию (типологию) мечты как сложного явления.

Для философов несомненно наличие в мечте двух взаимоисключающих и одновременно взаимодополняющих начал — пассивного и активного. Пассивное начало состоит в том, что мечта способна увести человека в мир грёз, заменить деятельность в реальном мире бесцельным мысленным блужданием. Мечта может быть столь прекрасной, что субъекту не захочется заниматься «скучными» обыденными занятиями. Пассивную составляющую мечты часто именуют грёзами. Данное понятие трактуется в толковом словаре как «что-либо желаемое,

создаваемое воображением, возникающее в воображении; мечты» [5], то есть само определение не позволяет выявить значительных отличий между понятиями мечты и грёзы, однако грёзы отличаются от мечтаний. Именно с пассивной составляющей мечты связаны её негативные трактовки как явления, уводящего человека от реальности в мир фантазий.

Большинством исследователей отмечается важность в структуре мечты активного начала. Н.В. Омельченко считает, что «человеку свойственно и, более того, крайне важно мечтать, поскольку уже сам факт и процесс мечтания приближает его к осуществлению своей мечты» [12, с. 7]. Т.Д. Стерледева характеризует мечту как активную ментальную деятельность «по реализации человеком своих желаний, стремлений, идеалов в специфическом ментальном виртуальном пространстве специфически ментальными способами» [16, с. 164]. То есть даже отсутствие у мечты конкретного, реального результата не позволяет, по мнению исследователя, называть этот процесс пассивным, так как идеальный результат также говорит о наличии активной и в целом позитивной деятельности, способствующей духовному развитию личности. К положительным сторонам мечты можно отнести «позитивный эмоциональный характер» [Там же], то, что мечта служит личности источником приятных эмоций, делает незаметным течение времени, позволяет человеку быстрее и легче пережить сложные жизненные моменты. По словам С.А. Сергеева, «в мечтах чело-

век видит мир таким, каким хочет, поэтому испытывает положительные эмоции» [15, с. 211]. При оценке мечты как негативного или позитивного явления значимым аргументом в пользу позитивности мечты являются «разнообразие и уникальность человеческих мечтаний», которые представляют собой «проявление незаконченности, бесконечности развития людей, открытости человека своему развитию» [17, с. 168]. То есть мечта, с одной стороны, выступает как признак развития и открытости человека, а с другой — как результат, следствие данных явлений.

Н.В. Омельченко говорит о существовании таких составляющих мечты, как способность демонстрировать потенциал мечтающей личности (мечты человека говорят о его характере и возможностях); развитие самой мечты, её становление, обретение ею чёткости и ясности; способность «креативно трансформировать» [12, с. 7] человека. Е.Н. Трубецкой, рассматривая русские народные сказки и их героев, заявлял: «Человека окрыляет та цель, к которой он испытывает таинственное влечение» [18, с. 450].

Т.Д. Стерледева считает, что «структуру мечты задаёт сам субъект, мечтатель» [16, с. 164], исходя из особенностей своего внутреннего мира, своей социальной организации и психики. В процессе мечтания Т.Д. Стерледева выделяет два элемента: актуализацию (выделение «определённых знаний и желаний субъекта с помощью каких-то событий» [Там же]) и потенциализацию (переход мечты в потенциальное состояние, в том числе изменение мечты после её достижения). Также Т.Д. Стерледева предлагает определять структуру мечты с точки зрения инженерной задачи, имеющей «вход» (возможности и желания человека), «выход» (результаты мечты) и «чёрный ящик» (механизм осуществления мечты) [Там же, с. 165]. О существовании в структуре мечты такого элемента, как протекание, развитие, говорит и А. Охочимский: «...Мечта это все же процесс. Она включает не только пункт назначения, но и весь путь» [13]. Как видим, исследователи нередко подходят к мечте как к активному началу, предполагающему определённую деятельность по осуществлению, а не являющемуся грёзой. В этом случае в структуре мечты необходимо выделить ещё один этап, который Т.Д. Стерледева предлагает называть «постмечтой» — состояния и действия человека после достижения мечты [16, с. 165]. Постмечта предполагает как позитивные явления психики (постановку новых задач), так и негативные (духовную опустошённость) в зависимости от склада личности индивида.

Феноменология мечты, то есть выделение типов мечтаний, зависит от тех целей, которые ставит перед собой исследователь, рассматривающий мечту.

Н.С. Розов, стремящийся установить философскую сущность мечты как явления, предлагает выделить такие типы мечтаний, как «мечты-события (воображаемые и желаемые явления, ситуации в будущем) и мечты-идеалы (желаемые образы объектов)» [14, с. 71]. Данная типология учитывает объект мечтаний, событие или образ, на которые нацелено воображение индивида.

Мечты можно разделить на осознанные (сознательные) и неосознанные (стихийные). По мнению А. Охочимского, «сознательное мечтание — это творческая умственная деятельность» [13], близкая по своей сути к целенаправленному мышлению. Осознанные мечты оказываются важными с позиций педагогики, которая стремится использовать мечту в процессе обучения и развития личности, сделать её инструментом воздействия на обучающегося, его воспитания. По мнению Ю.А. Егоровой, «осознанному мечтанию можно и нужно обучать» [4, с. 34], например, в ходе профессиональной подготовки студентов в вузе, так как осознанное мечтание становится базой для развития личности, потенциально способствует выработке целеполагания и выстраиванию жизненной стратегии.

В составе осознанных мечтаний выделяется профессиональная мечта как «создаваемая воображением устойчивая, эмоционально окрашенная, осознанная, выполняющая функции побуждения, формирования, смыслообразования, ценностного ориентирования, целеполагания и планирования идеальной модели желаемого, относительно удаленного профессионального будущего, а также образа себя как успешного участника этого будущего» [21, с. 37]. Профессиональная мечта способствует самоопределению личности, избранию ею собственного жизненного пути, помогает молодому человеку выявить свои склонности, которые в дальнейшем приведут к выбору образования и формированию представления о хорошей работе. Профессиональная мечта важна и для человека, уже имеющего определённую профессию, так как помогает ему совершенствоваться, становиться более профессиональным и, что не менее важно, более удовлетворённым своей профессиональной деятельностью [6, с. 528]. Надо отметить, что в педагогических исследованиях профессиональная мечта порой идентифицируется с профессиональными планами и намерениями [3].

Типология мечты выстраивается практически психологами. Например, А. Молярук предлагает выделять четыре типа мечты: несбыточные мечты, мечты-намерения, мечты-цели и простейшие мечты-желания [10]. Несбыточная мечта представляет собой что-то фантастическое и на первый взгляд невыполнимое. Однако даже в несбыточных мечтаниях может присутствовать компонент, который является потенциально

достижимым. Если несбыточную мечту осуществить хотя бы частично, она уже перестаёт быть полностью несбыточной и может перейти в другой тип, например, приблизиться к мечтам-намерениям. Н.С. Розов считает, что бесплодные, несбыточные мечтания выполняют определённые функции — «психологические для самих мечтателей» и «социальные, культурные, политические для окружающего их порядка» [14, с. 71]. Некоторые исследователи полагают, что только несбыточная мечта и может именоваться мечтой; если же у мечты появляются признаки возможного осуществления, то она перестаёт быть мечтой и переходит в разряд планов [13]. Среди несбыточных мечтаний, важных с социальной точки зрения, выделяются «недостижимые мечты-ориентиры, когда образ будущего определяет векторы стратегий» [14, с. 72]. Такие мечты (например, мечта о существовании идеального демократического справедливого государства в будущем) способствуют развитию мышления граждан, формированию у них гражданской позиции, выработке намерений по осуществлению мечты, пусть и недостижимой на данном этапе развития социума. Н.С. Розов предлагает дальнейшую структуризацию и выделение в составе несбыточных, недостижимых мечтаний таких типов, как мечты-утешители, мечты-оправдания, мечты-самооправдания, мечты-обещания, мечты-легитиматоры, мечты-регуляторы [Там же].

Мечта-намерение вполне осуществима, хотя и не предполагает обязательное достижение, может остаться в разряде грёз, если субъектом не будут приложены значительные усилия. Близкой к осуществлению является мечта-цель, хотя это, по сути, уже и не мечта, а чётко структурированный план достижения чего-либо. Простейшие мечты-желания требуют быстрого осознания и реализации, так как в этом случае они, во-первых, приблизят человека к осуществлению более значимых для него мечтаний, а во-вторых, поднимут его самооценку, укрепят веру в собственные возможности [10].

О делении мечтаний на фантастические («мечта-игра») и реалистические («мечта-план») пишет в психологическом исследовании Т.В. Юрьева. Естественно, для движения и развития личности, для совершения активного поступка более значима мечта-план — «активная, творческая мечта, отражающая действительность и превосходящая события» [21, с. 18].

Т.Д. Стерледева считает необходимым выявить в мечте такие важные характеристики (элементы), как полнота и интенсивность. С точки зрения полноты в мечте должны (могут) присутствовать такие компоненты, как мечта о самом себе, мечта о мире, обществе, мечта о влиянии на другого человека и о влиянии на мир [17, с. 168]. Интенсивность мечты зависит от «степени эмоци-

ональной насыщенности мечты, степени переживаний человека» [Там же, с. 169]. Об интенсивности мечты писал Н.А. Бердяев, выделявший в ней с этой точки зрения яркость, чёткость, устойчивость образов [2, с. 326]. Можно выделить несколько степеней интенсивности мечты — от наименее интенсивной до полностью захватывающей человека.

Мы предлагаем выделить также типы мечты с точки зрения количества мечтающих. Наиболее распространёнными являются индивидуальные (личные) мечты — мечты одного человека о чём-либо значимом именно для него, его личности, его духовного развития. Индивидуальность — основное качество мечты; мир, создаваемый в воображении, принадлежит одному человеку, значим для него и не предполагает желаний «делиться» сокровенным. Однако мечты бывают также коллективными (общими, совместными). В этом случае единой мечтой обладает целый коллектив (общность, народ). Э.Б. Куприянычева пишет о коллективной мечте студенческой молодёжи о сильной России, которая, подобно Илье Муромцу, способна проснуться, показать свою силу и стать воином-защитником [8, с. 237]. А.Л. Андреев упоминает о национальной мечте россиян — мечте о жизни «в разумно устроенном, справедливом обществе» [1, с. 37]. Национальные мечты, по мнению А.Л. Андреева, «являются необходимым источником социальных мотиваций и в этом плане существенно влияют на ход социально-исторических процессов» [Там же]. Не всеми исследователями мечта россиян о сильной России оценивается положительно. Д. Хапаева характеризует подобные коллективные мечтания как «рабские мечты об имперском величии» [19, с. 207]. По её мнению, популярные в современной России идеи возрождения имперского величия основаны на потенциальной утрате личностью свободы и говорят о таких компонентах складывающейся на данный момент системы ценностей, как «личная зависимость и рабство» [Там же]. В любом случае коллективная мечта является отражением мыслей и чувств подавляющего большинства коллектива, о котором идёт речь, позволяет судить о наиболее сильных ментальных и эмоциональных установках людей.

Ярким примером коллективной, национальной мечты является американская мечта. Однако понятие «американская мечта» может быть истолковано и как личное мечтание — мечта каждого конкретного американца достичь богатства и славы, применив свои способности, реализовав свои таланты в разумном, справедливом, дающем равные возможности обществе.

Феноменологию мечты нельзя назвать полностью разработанной, и она, несомненно, ещё ждёт своего исследования.

Итак, мечта представляет собой сложное явление, обладающее определённой структурой и типологией. Структура мечты включает актуализацию (выявление мечтания), потенциализацию (переход мечты в потенциальное состояние), процесс осуществления мечты и постмечту (состояние и действия индивида после осуществления мечты). Естественно, не все данные компоненты всегда присутствуют в структуре мечты. Феноменология мечты многоаспектна. В точки зрения объекта мечтаний выделяются мечты-события и мечты-идеалы, с точки зрения наличия элемента сознательности — осознанные (сознательные) мечты и неосознанные (стихийные). В число осознанных мечтаний входит профессиональ-

ная мечта, способствующая профессиональному самоопределению личности и успешному развитию в профессии. С позиций психологии выделяются несбыточные (фантастические, бесплодные) мечты, мечты-намерения, мечты-цели (мечты-планы) и элементарные мечты-желания. С точки зрения количества мечтающих можно выделить индивидуальные (личные) мечты и коллективные (общие, народные), служащие фактором объединения нации, элементом динамики развития государства (ряда государств). Примеры коллективной мечты — «американская мечта», «европейская мечта», «китайская мечта», а также «русская мечта» о сильном и справедливом государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А.Л. О чем мечтают в России? / А.Л. Андреев // *Философские науки*. — 2014. — № 6. — С. 37–48.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. — М.: Книга, 1991. — 446 с.
3. Дакирова, С.Т. Профессиональные мечты выпускников сельских школ и проблемы их воплощения в практику / С.Т. Дакирова // *Закономерности развития региональных агропродовольственных систем*. — 2017. — № 1. — С. 175–178.
4. Егорова, Ю.А. О необходимости обучения студента вуза осознанному мечтанию / Ю.А. Егорова // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. — 2016. — № 46. — С. 31–35.
5. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. — М.: Дрофа, 2000. — 1233 с. (онлайн версия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 15.03.2018).
6. Корниенко, Е.В. Профессиональная мечта как инструмент развития компонентов профессионального поведения сотрудников организации / Е.В. Корниенко, Т.В. Бюндюгова // *Современные проблемы науки и образования*. — 2015. — № 2–2. — С. 525–530.
7. Косяков, С.А. Мечтатель и его трансформации в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Воронеж, 2009. — 22 с.
8. Куприянычева, Э.Б. Мечты студентов как составляющая проектирования будущего страны / Э.Б. Куприянычева // *Онтология проектирования*. — 2016. — Т. 6. — № 2 (20). — С. 231–240.
9. Лосев, А.Ф. Бытие — имя — космос / А.Ф. Лосев; сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — 958 с.
10. Молярук, А. Как реализовать мечты о работе. 21.04.2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psymanblog.ru/samorazvitie/celi-i-mechty-kak-postavit-cel-mechty-i-zhelaniya-realizaciya-mechty/> (дата обращения: 15.03.2018).
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
12. Омельченко, Н.В. О значении мечты / Н.В. Омельченко // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. — 2006. — № 5. — С. 5–8.
13. Охоцимский, А. Философия мечты / А. Охоцимский. 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://lib.rnvoz.ru/bigzal/philosophy-of-dream> (дата обращения: 15.03.2018).
14. Розов, Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования / Н.С. Розов. — Новосибирск: Манускрипт, 2016. — 344 с.
15. Сергеев, С.А. Понятийная составляющая признаков структуры концепта мечты / С.А. Сергеев // *Политическая лингвистика*. — 2006. — № 17. — С. 207–214.
16. Стерледева, Т.Д. К вопросу о сущности и структуре мечты / Т.Д. Стерледева // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2011. — № 6–2. — С. 163–165.
17. Стерледева, Т.Д. Мечта как разновидность «мягкой» реальности / Т.Д. Стерледева // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2011. — № 4–1. — С. 166–169.
18. Трубецкой, Е.Н. Избранные произведения / Е.Н. Трубецкой. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 510 с.
19. Хапаева, Д. Рабские мечты об имперском величии / Д. Хапаева // *Новое литературное обозрение*. — 2017. — № 2 (144). — С. 207–236.
20. Чебанюк, Т.А. Мечтатель-энтузиаст как антропологический тип / Т.А. Чебанюк // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. — 2012. — Т. 2. — № 11. — С. 75–79.
21. Юрьева, Т.В. Влияние мечты как модели будущего на личностно-профессиональное развитие студента: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. — Тамбов, 2007. — 196 с.

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО СПОРТА

CORPOREALITY AS A VALUE COMPONENT OF CONTEMPORARY SPORTS

**A. Lukutin
A. Ostapenko
D. Semenov**

Summary. The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the phenomenon of corporeality in its axiological dimension. In the author's opinion, corporeality is the substrate of sports activity, on the basis of which the phenomenon itself is formed. The human body, of course, can be considered one of the constants of the philosophical tradition not only of Europe, but of the whole world. The interpretation of corporeality is the key and algorithm for understanding the specificity of culture on a particular segment of its historical development.

Keywords: corporeality, socio-philosophical analysis, axiological dimension, sport activity, philosophical tradition, culture.

Лукутин Анатолий Анатольевич

*К.п.н., доцент, Нижегородский государственный
лингвистический университет
lukutin66@mail.ru*

Остапенко Анатолий Иванович

*Доцент, Нижегородский государственный
лингвистический университет
ostapenko@lunn.ru*

Семенов Дмитрий Владимирович

*К.ф.н., доцент, Нижегородский государственный
лингвистический университет
ds7771@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу феномена телесности в ее аксиологическом измерении. По мнению автора, телесность составляет тот субстрат спортивной активности, на основе которого и формируется само явление. Человеческое тело, несомненно, можно считать одной из констант философской традиции не только Европы, но и всего мира. Истолкование телесности есть ключ и алгоритм к пониманию специфики культуры на том или ином отрезке ее исторического развития.

Ключевые слова: телесность, социально-философский анализ, аксиологическое измерение, спортивная активность, философская традиция, культура.

Одна из наиболее острых проблем социально-философского рассмотрения феномена спорта — это проблема оценки телесности в ее аксиологическом измерении, поскольку именно телесность составляет тот субстрат спортивной активности, на основе которого и формируется само явление. «Телесность — феноменологическая реальность, представляющая собой сочетание биопсихосоциальных аспектов телесного бытия субъекта в физическом мире. Концепт «телесность» отличается от понятия «образ тела», хотя однозначно развести их не представляется возможным, поскольку в ряде случаев представление об «образе тела» очень близко к понятию «телесности» [1, с. 180].

Человеческое тело, несомненно, можно считать одной из констант философской традиции не только Европы, но и всего мира. Истолкование телесности есть ключ и алгоритм к пониманию специфики культуры на том или ином отрезке ее исторического развития. Известно, что дихотомия тела и души — одна из самых ранних (если не самая ранняя) архетипическая по своей сути контрастность, которая проходит красной нитью через всю эволюцию человеческой культуры. Две эти универсалии составляют основу философского дискурса на протяжении последних двух с половиной тысяч лет.

В истории философской мысли существует значительная по своему многообразию палитра суждений относительно тела и телесного, что, впрочем, не отменяет важности постановки этого вопроса в контексте истолкования спортивной активности в современном социально-философском анализе. Проблема телесности дает нам не только возможность адекватно оценить онтологический статус человека в современном мире, постичь его эпистемологические возможности, но, прежде всего, поставить проблему соотношения биологического и социального в самом человеке. Данная проблема относится к разряду наиболее актуальных для верного истолкования спортивной активности.

Наконец, возникает необходимость поставить вопрос и о том, какова ценностная составляющая современного спорта. Насколько спортивная активность вообще способствует возвышению аксиологического статуса человека в современном мире, где экспансия искусственного во всех его формах и проявлениях становится злостью дня, а перспектива замещения естественного в самой человеческой природе не выглядит уже столь фантастической, как еще несколько десятилетий назад.

Но здесь мы и сталкиваемся с парадоксом, что именно «... аксиология телесности как направление иссле-

довательского анализа остается в современном человекознании своего рода «терра инкогнито». Анализ сложившейся здесь структуры, направлений, содержания исследований показывает почти полное «исчезновение» человека телесного из контекста этой научной сферы. Конечно, это не состояние «абсолютного нуля», однако фактом является то, что фрагментарные обращения отдельных исследователей к этому аспекту человекознания не привели пока к конституированию такого исследовательского направления, как социокультурный анализ человеческой телесности» [2, с. 59].

Вместе с тем, стоит признать, что в последнее десятилетие проблемы, связанные с телесностью, на протяжении длительного времени находятся в центре внимания самых разных научных областей и, прежде всего, естественнонаучных дисциплин, таких как антропология, анатомия, физиология, биомеханика, психология и т.д. Все они накопили колоссальный эмпирический и теоретический материал о теле, как биологическом феномене и природной основе человеческого существования. Не говоря уже о колоссальном практическом опыте, который был наработан в рамках развития медицинской науки на протяжении последних двухсот лет.

Вместе с тем, не менее очевидно, что без сугубо философского истолкования телесности мы никогда не сможем найти верные парадигматические характеристики последней, а это, в свою очередь, серьезно затруднит понимание тех аспектов человеческой культуры, как прошлого, так и настоящего, которые имеют соматический характер и связаны с проявлением телесного. Речь идет, конечно, прежде всего, о спорте.

О том, насколько высок ценностно-смысловой статус телесного, как оно воспринимается, осмысливается в контексте того или иного культурно-исторического комплекса, насколько в обществе присутствует установка на всемерное развитие человеческой телесности в соотношении с духовной составляющей человеческой природы, зависит напрямую адекватное истолкование облика цивилизации, в том числе и современной. Не случайно проблема телесного всегда была одной из самых острых в полемике философов и теологов, в частности, в западной традиции. Да и на Востоке она никогда не теряла своей актуальности, вплоть до сегодняшнего дня.

Пожалуй, не будет большим преувеличением, если мы скажем, что само определение того насколько комфортно пребывание человека в той или иной социальной реальности и, шире в мире в целом, зависит напрямую от того, насколько адекватно он чувствует себя в своем теле; а также насколько высок ценностно-смысловой статус человеческого тела и, наконец, насколько

широка полифония возможностей, предоставляемых обществом для развития человеческой телесности.

В этом смысле спортивная активность, как на Западе, так и на Востоке представляется одним из наиболее важных и существенных инструментов достижения целей, направленных на всемерное развитие и совершенствование человека именно как человека. И это происходит именно здесь в сфере имманентного, без попыток выдернуть его из мира реального. Подобное неоднократно случалось в контексте христианского Средневековья. Подвергнув индивида некоему избыточному духовному абгрейду, она (спортивная активность) утверждает его в принципиально иной реальности. Таким образом, место физической культуры и спорта в контексте той или иной социокультурной реальности прямо пропорционально установке на сохранение и развитие телесной составляющей человека в гармоничном единстве с духовным в нем.

В те периоды в развитии человеческой цивилизации, в частности, западной, в которых мы наблюдаем снижение коэффициента телесного и аксиологическую девальвацию последнего, мы не находим сколь-нибудь развитых форм социального бытия человека. Напротив, констатируем наличие вопиющих социальных противоречий, классового, сословного расслоения общества, подавления прав человека и гражданина и отсутствие сколь-нибудь выраженных условий для развития культуры в ее целостности и полноте. Пожалуй, эти периоды в истории Европы, которые отмечены деформацией духовного, избыточной оценкой духовного за счет телесного можно назвать наименее удачными в части, касающейся достижений в социально-экономическом, политическом и духовном развитии общества.

В современной гуманитарной науке существует множество мнений относительно интерпретации телесности и самого определения этого понятия. С нашей точки зрения, с учетом всех возможных подходов к этой проблеме, тем не менее, можно вычленить некий инвариант тех точек зрения, которые озвучены по проблеме телесного и телесности. И он сводится к тому, что под телесностью понимается та или иная степень культивированного тела; другими словами,— человеческого тела, подвергшегося воздействию культурной среды. Телесность — «... это новообразование тела, которая с первых этапов развития и становления человека обеспечивало выживание через адаптацию тела к природной, а затем к материальной искусственной (техногенной и социальной) среде, она, есть результат программы социализации, развернутой в историческом плане» [3, с. 36].

В научной литературе существует дифференциация телесности, делящаяся на внешние и внутренние ее со-

ставляющие. «Внешние проявления телесности: форма тела; украшения тела (татуировка, перья, костюмы и т.д.); экспрессивные движения тела, т.е. положения тела, жесты, выражения лица и т.д.; «техника тела» (социальное нормирование движений); «техника тела» (социальное нормирование движений); Телесная дистанция (проксемика). Внутренние проявления телесности: отношение к собственному телу (принятие-непринятие); физическая подготовленность и физические качества; состояние внутренних органов и систем; контроль за проявление биологических программ (инстинктов и потребностей)» [3, с. 37].

Различают также три аспекта телесного, а именно: природный, социальный, культурный. Под природным телом понимается биологическая его составляющая, которая подчиняется естественно-природным закономерностям функционирования живого организма. Под социальным — некий результат взаимодействия природного тела и внешней социальной среды. Данное взаимодействие носит тотальный характер и сводится к адаптации человеческого биологического тела к потребностям социума, частью которого является человек. Другими словами — к тем потребностям социального функционирования индивида, в рамках которого тело используется как инструмент для достижения различных целей в процессе целеполагания и целереализации. Под культурным телом подразумевается некий результат формирования и использования человеком своего телесного начала в аспекте культурного творчества. Очевидно, что этот компонент телесного вряд ли может быть четко отделен от социального аспекта.

С нашей точки зрения было бы правильнее говорить о социокультурных параметрах телесности, поскольку нерасторжимое единство собственно культурного и социального в человеке оказывается, очевидно, на всех этапах эволюции антропогенеза.

В части, касающейся физкультуры и спортивной активности, отсутствие сколь-нибудь четких критериев дифференциации между этими двумя аспектами телесности становится особенно очевидным. Все дело в том, что в спортивной деятельности человек предстает как в модусе своей социальности, так и в аспекте культурного творчества. Он реализует в рамках спортивной активности ту систему культурных координат, ценностно-смысловых параметров собственного бытия, которыми обусловлена та или иная страница человеческой истории, тот или иной этап развития общества.

Если исходить из понимания того, что физическая культура и спорт — это часть культурного пространства, занимающаяся регулированием активности человека и связана с развитием и использованием его телесно-двигательных способностей в соответствии с опре-

деленной ценностно-нормативной матрицей культуры, то становится очевидно, что в рамках спортивной активности тема телесности может быть представлена, как минимум, тремя значимыми аспектами.

Первый из них, так или иначе, регулирует человеческую деятельность в соответствии с определенными правилами выполнения тех или иных действий в рамках вида спорта, составов допустимых действий, способов спортивного противоборства и т.д. Второй связан с ценностной, аксиологической составляющей спортивной активности, критериями определения успешности таковой. И третий показывает оценку социальной значимости результатов спортивной деятельности, оценку этих результатов со стороны внешнего по отношению к спортсмену, сообщества; другими словами — оценку зрителей.

Очевидно, что критерии различения этих подходов по большому счету зависят от того, какой аспект телесного оказывается более значимым в оценке исследователя: собственно биологический или социальный. По существу, можно говорить о двух линиях интерпретации телесного во всем многообразии его проявлений, включая спортивную активность. Первая была предзадана работами английского натуралиста и путешественника Ч. Дарвина, вторая — трудами французского социолога Э. Дюркгейма¹.

С точки зрения социальной философии, пожалуй, интересна именно дюркгеймовская традиция. Одним из родоначальников социологического и социально-философского анализа телесности в русле концепции Э. Дюркгейма считают его племянника и ученика М. Мосса. В трудах «*Les techniques du corps*» (1934), Article originalement publié Journal de Psychologie, XXXII, ne, 3–4, (15 mars — 15 avril 1936), Communication présentée à la Société de Psychologie (le 17 mai 1934) им был поставлен вопрос о связи между телом человека, характером его бытия и социальным телом общества, намечены методологические принципы социокультурного изучения телесности человека.

С начала 70-х гг. XX в. и вплоть до сегодняшнего дня именно этот подход оказывается господствующим в гуманитарной литературе на тему телесности. Вместе с тем, несмотря на несомненные успехи социологического и социально-философского истолкования человеческой телесности стоит отметить и определенные пробелы, которые все еще существуют в науке в этой части на сегодняшний день. Чаще всего это объясняется спецификой европейского и шире западного стиля мышления, который можно

¹ Речь идет, прежде всего, о книге Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и труде Э. Дюркгейма «Правила социологического метода» (1895)

определить как метафизический склад ума. Дифференциация телесного и духовного, основы которой были заложены парменидовско-платоновской традицией античной метафизики, красной нитью проходит через ткань европейской (западной) культуры. Несмотря на усилия по реабилитации телесного, в том числе и с помощью спортивной активности, мы можем констатировать некие рудименты старой бинарной христианской структуры истолкования человека, в которой ценностно-смысловой статус телесного по-прежнему вторичен по отношению к разумной, духовной, сознательной его составляющей.

Результатом этого положения вещей является возникновение и развитие как минимум двух тенденций, которые препятствуют утверждению холистического истолкования человека. Первая тенденция состоит в девальвации «... ценностного смысла и значимости телесности человека, его соматической культуры, социального статуса и престижа физического имиджа личности; отсутствии или крайне слабой актуализированности ориентации различных социальных групп к «культивированию» (от слова «культура») своих телесных, двигательных качеств; своего рода «соматическом негативизме», проецирующим в сферу здоровья самоощущения человека, доверие к своему телу и т.д.

Вторая тенденция — это своего рода «соматизация» человека, возведение в абсолюте «мускульно-мышечных» достоинств. Лишь при очень поверхностном взгляде эта тенденция выступает как противоположная первой — уничижительно-пренебрежительному отношению к телесности. По сути своей и та, и другая позиции произрастают из единой основы — вынесения телесно-физических характеристик человека за рамки нормальной культурной социализации, из априорного исключения телесно-бытийного начала в человеке из системы социокультурных ценностей общества и личности» [4].

В итоге мы имеем целый комплекс социально-значимых проблем, в числе которых и сохранение здоровья и улучшение качества жизни человека, противоборство различного рода формам девиантного поведения, вызванных искажениями человеческой телесности. Наконец, отсутствие в социуме сколь-нибудь развитой системы этико-эстетических параметров телесности, культура поведения человеческого тела, что также имеет прямое отношение к актуальности спорта на современном этапе исторического развития человека.

Оценивая аксиологический аспект спортивной активности в рамках западной традиции при наличии богатейшего эмпирического материала и теоретических исследований, можно, пожалуй, наметить очертания некой, свойственной всей западной цивилизации, парадигмы. Ее элементами, с нашей точки зрения, являются

следующие важные моменты. Прежде всего, с момента преодоления античного холистического истолкования человека, основанного на идеале калокагатии, т.е. с того времени, когда в рамках античного культурно-исторического комплекса возник метафизический стиль мышления, что связано, прежде всего, с именами Парменида, Платона и Аристотеля, возникла оппозиция телесного и духовного. Она достигла своего апофеоза в рамках средневекового христианского дуализма.

С этого момента, вплоть до Новейшего времени, в истории европейской (западной) цивилизации можно говорить лишь о вариативности темы подчинения телесного духовному. На отдельных участках культурно-исторического процесса эта дихотомия сглаживалась и возникало ощущение того, что прежний, дометафизический античный холизм будет восстановлен в своих правах. Данная иллюзия возникала, прежде всего, в условиях атеизации и материализации европейского (западного) сознания в эпоху Нового времени, на волне преодоления христианского средневекового религиозно-духовного комплекса.

Но как показывает практика, даже несомненные успехи атеизма, в части касающейся спортивной активности, успехи в деле реконструкции целостного человека, которые мы наблюдаем, скажем, в рамках олимпийского движения, тем не менее, не отменяют то скрытый, то явный примат духовного в отношении телесного. В самом человеке, пальма первенства духовного, в общем, никем не оспаривается.

Реабилитация телесного — это именно реабилитация телесного. Она становится возможной лишь в условиях, когда а priori телесному назначен меньший по своему значению ценностно-смысловой и онтологический статус, когда телесное а priori оценивается как вторичное по отношению к духовному, выражающему суть человеческой природы.

От этой универсалии, рожденной метафизическим стилем мышления и христианским духовным опытом Европы и всего Запада, пожалуй, современное западное сознание не избавилось до сих пор. Поэтому, несмотря на полифонию оценок решения проблемы соотношения телесного и духовного в рамках западной традиции, мы не погрешим против истины, если отметим, что вплоть до сегодняшнего дня существует то скрытая, то явная претензия к подчинению телесного духовному. Тем самым можно утверждать, что изначальный дометафизический идеал так никогда и не может быть достигнут до тех пор, пока не будет преодолена унаследованная от метафизического и христианского стили мышления оппозиция двух составляющих человеческой природы, их неравный онтологический и ценностно-смысловой статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриющенко В. В. Бескова Д. А. Телесность с точки зрения психосоматического континуума «здоровье-болезнь» / В. В. Андриющенко, Д. А. Бескова // Телесность как эпистемологический феномен. — М., 2009. — С. 180–198.
2. Быховская И. М. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа) / И. М. Быховская // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник. — М., 1993. — С. 58–68.
3. Мухамитянов Ф. Д. Физическая культура как дисциплинарное пространство формирования телесности / Ф. Д. Мухамитянов // Сборник «Психология телесности: теоретические и практические исследования». — Пенза, 2008. — С. 36–42.
4. Гальцова М. А. Телесность как социокультурный феномен / М. А. Гальцова // Межкультурная коммуникация в пространстве Всемирного наследия: менеджмент и социокультурное проектирование. Международная научно-практическая конференция, г. Самара 15–16 октября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acis.vis.ru/8/2/2-1/Galtsova.htm> (дата обращения 10.07.2018)

© Лукутин Анатолий Анатольевич (lukutin66@mail.ru), Остапенко Анатолий Иванович (ostapenko@lunn.ru),

Семенов Дмитрий Владимирович (ds7771@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный лингвистический университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ И ВОСПРОИЗВОДСТВА

THEORETICAL APPROACHES TO SOLVE PROBLEMS OF GENERATIONS AND REPRODUCTION

A. Rostova

Summary. The author of the article reviewed the main theoretical approaches to the problems of formation and functioning of generations, the relevance of the provisions of the works of the German sociologist K. Mannheim to the current state of the theory of generations, as well as its influence on modern scientific thought in theoretical studies of the generation problem, was argued. In this article, philosophical reflection is made about the effectiveness of the generation as a concept that explains the characteristic features of social reality.

Keywords: generation, social reproduction, social philosophy, theory of K. Mannheim.

Ростова Антонина Тимофеевна

*К.ф.-м.н., доцент, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске
tonik-ra@bk.ru*

Аннотация. Автором статьи проведен обзор основных теоретических подходов к проблемам формирования и функционирования поколений, аргументирована актуальность для современного состояния теории поколений положений работ немецкого социолога К. Мангейма, а также ее влияние на современную научную мысль в теоретических исследованиях проблемы поколения. В настоящей статье производится философская рефлексия по поводу эффективности поколения как концепта, объясняющего характерные особенности социальной реальности.

Ключевые слова: поколение, социальное воспроизводство, социальная философия, теория К. Мангейма.

Поколенческие проблемы в России в настоящее время актуализировались в связи с социальными и демографическими изменениями, постигшими страну в последние несколько десятилетий. Вопросом поколений занимаются исследователи в различных сферах научного знания: историки, литературоведы, демографы, социологи, философы.

Социально-исторический анализ общества приводит к исследованию социальных процессов в обществе, которые непосредственно связаны с проблемами поколений, так как исторический процесс представляет собой процесс смены поколений. Развитие общества определяется характеристиками поколения, которое в данный исторический момент представляет собой движущую силу. Н. Г. Чернышевский следующим образом описывал историческое движение: «Чтобы совершилось в обществе что-нибудь важное, новое, нужно большинству общества составиться из новых людей, силы которых не изнурены участием в прежних событиях, мысли которых сложились уже на основании достигнутого их предшественниками результата, надежды которых еще не обрезаны опытом»[5]. Таким образом поколение и социальный процесс тесно взаимосвязаны.

Если ранее исследователи придерживались теории, что социально-исторический процесс подчиняется естественно-историческим закономерностям,

а следовательно, не имеет жестко заданного направления, то современные ученые склонны объяснять социальные процессы деятельностью социальной силы (в данном случае — поколения). Социальные тенденции формируют общий вектор развития общества, сами же изменения определяются деятельностью отдельных субъектов или групп граждан. В качестве такого деятельного социального субъекта выступает поколение, представители которого инициируют основные социальные изменения в таких сферах, как социокультурная, демографическая, экономическая, политическая.

Смена и воспроизводство поколений позволяет наблюдать объективную структуру поколения. Также стоит отметить тот факт, что поколение обладает определенной стратегией поведения, на основе которой организуется бытовая жизнь представителей этого поколения. В то же время поколение представляет собой социальную структуру, имеющую протяженность во времени, но время в данном случае является субъективной категорией. Здесь также стоит отметить влияние такого фактора, как поколенческое сознание, которое формируется под влиянием существующих в обществе норм, ценностей и форм социальных отношений. Сознание поколения непосредственно влияет на деятельность его представителей, а также то, как ими переживается актуальное состояние общества. Процессы межпоколенческого противоборства или со-

лидаризации и формируют социальные связи в современном обществе. Все вышеперечисленные положения позволяют определять поколение как инициаторов социальных изменений.

Представляя собой субъект социально-исторического процесса, поколение имеет одновременно черты социокультурного, демографического и социального феномена. Российским социологом И. С. Коном предложена следующая классификация понятия «поколение»: «демографическое — это когорта людей, родившихся в одном и том же году и образующих возрастную структуру общества; поколения, образующие ступень в происхождении от общего предка (отрезок времени между ступенями оценивается примерно в 30 лет); историко-культурные поколения (символическое понятие, связанное с общностью значимых переживаний людей, оказавшихся участниками или современниками важных исторических событий или связанных общими интеллектуальными ориентациями)»[2].

Отечественные исследователи в большей мере склонны трактовать поколение в рамках социокультурного контекста. Например, в официальном «Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год» поколение определяется как «большая социальная группа людей, рожденных приблизительно в один исторический период и имеющих близкий набор ценностей, схожий опыт и сочетающих структуры восприятия мира. Поколения — это не только и не столько статистические группы, сколько большие социокультурные когорты, внутренний мир которых сформирован одними и теми же историческими событиями»[1].

В то же время существуют и определения, основанные на историко-культурном подходе. Например, И. Г. Яковенко определяет поколение как «совокупность людей, объединенная общностью времени вступления во взрослую жизнь, осознавшая себя как особое целое и признанная в этом качестве всем обществом, сформировавшая специфический социокультурный универсум»[6].

Исторические события для представителей поколения выступают символами, которые определяют их жизнедеятельность и формируют систему ценностей. Зачастую в качестве символа поколения выступает имя какого-либо политического или неформального лидера эпохи (поколения Цоя, Высоцкого, Ленина и т.д.). Также в качестве определяющего критерия могут выступать исторические условия существования поколения (поколение фронтовиков, Серебряного века, перестройки и т.д.).

Поколение в рамках демографических исследований оценивается по количественным и качественным показателям воспроизводства населения. Оценка количественных показателей требует использования аналитических методов и особой классификации поколений. Этим подходом пользовался французский философ О. Конт, доказывая наличие зависимости человеческого прогресса от смены поколений. В расчет также принимался такой фактор, как периодичность смены поколения, его временная протянутость (в зависимости от среднего возраста его представителей), характерная для отдельного исторического периода. Так как возраст достижения человеком зрелости условно принято считать в районе 30 лет, то эта длительность и была принята за время формирования поколения. Эта цифра была получена использованием различных методик подсчета. Ф. Мантре соотносил средний возраст мужчин, вступающих в брак, и средний возраст активной репродуктивности женщин. В 1926 году английский исследователь Л. Коннор вычислял длину поколения посредством сопоставления среднего возраста вступления в брак и среднего возраста, когда человек становится родителем.

В начале XX века смену поколений считали исторически обусловленной. Американец А. Лотка разработал теорию стабильного населения, согласно которой неизменно растущее и в том же темпе вымирающее население необходимо должно усреднять свой возрастной состав для поддержания постоянного ритма рождаемости и смертности. Ученым была также предложена формула истинного коэффициента прироста населения, который актуален и в настоящее время.

Популярность демографических методов изучения смены поколений в 20-е годы XX века можно объяснить господствующими в научной мысли того времени идеями социального дарвинизма, который возводил в абсолют биологические факторы. Тем не менее довольно быстро их сменил социальный подход. Анализ особенностей и причинно-следственных факторов социально-демографических процессов позволил выявить их связь с социальными событиями. Так называемые биологические факторы выступали в качестве следствия событий, произошедших в обществе. Прямые закономерности развития общества уступили место циклическим и ритмическим социальным теориям.

Немецкий философ В. Дильтей отмечал, что люди одного возраста подвергаются одинаковому социальному, политическому и интеллектуальному влиянию. «быть современником — значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом времени»[4]. Дальнейшая разработка поколенческого анализа приводит к исследованию фактора

единения поколений (категория «судьбы» у М. Хайдеггера и категория «энтелехии» у В. Пиндера).

Взаимосвязь количественных и качественных оценок поколения выступила необходимостью в социально-демографическом осмыслении проблемы поколений научной мыслью XX века. Позитивисты отмечали тот факт, что от демографических факторов и периодичности смены поколений зависит социальный прогресс, как количественно (интенсивность, скорость изменений), так и качественно (социальный состав, соотношение сил). Исследователи исторической позиции выявляли качественные особенности смены поколений в конкретных социальных условиях, общих для всех представителей поколения. Таким образом, было определено субъективно переживаемое время, которое составляло период, отделяющий одно поколение от другого.

Для анализа процесса смены социально-демографических поколений необходимо проведение исследований на нескольких уровнях: оценка структур и процессов в контексте трансформации демографической реальности, оценка состояния экономической, культурной и политической подсистем общества в контексте трансформации социальной реальности и взаимодействие первого фактора со вторым, его констатация и оценка по ключевым точкам.

Здесь важное значение приобретают такие общие характеристики в рамках демографии, как численность, возрастно-половой состав, характер воспроизводства, а также социальные характеристики особенностей его формирования (уровень социального здоровья, развитость и направление в рамках института семьи, структура семьи). Процесс смены поколений оценивается на основе «точных и совершенных обобщающих показателей воспроизводства населения, которые опираются на фактически наблюдавшиеся уровни демографических процессов, приуроченные к определенному отрезку времени ... для определенных конкретных совокупностей живущих» [3]. В то же время здесь вводится модель условного поколения, на основании которой и проводится исследование особенностей социальных процессов в рамках конкретного исторического этапа. Такой способ помогает находить точки перелома для конкретных исторических периодов.

В 1950-х годах исследователями демографических процессов и проблем воспроизводства населения все чаще стал использоваться поведенческий подход, тем самым возникало пересечение с социологической наукой. Население в теоретических трудах стало трактоваться в качестве так называемой реальности второго порядка, что подразумевало процесс конструирования

социального мира через повседневную жизнь социальными агентами. В то же время социальный мир обладал характеристиками протяженности во времени и контингентности. Категория времени в аналитических работах того времени приобретает субъективный характер. Сама постановка проблемы социально-демографической смены поколений требует осмысления в рамках дихотомической системы «объективное — субъективное». Количественные показатели получают обоснование посредством оценок поведенческих моделей, свойственных новым поколениям.

В 1928 году в Германии была опубликована статья К. Мангейма «Проблема поколений», которая представляла собой одну из первых социологических систематизаций знания о поколениях.

Мангейм в своей работе отмечает, что интерпретация поколенческой проблемы возможна в рамках двух подходов: позитивистского (преимущество количественных методов исследования) или романтико-исторического (качественные методы исследования). В качестве основных представителей первого подхода Мангейм отмечает преимущественно французов: О. Конта, Ф. Мантре, Ж. Дромеля, О. Лореца и других последователей классического рационализма. По мнению Мангейма, названные выше исследователи формулировали проблему в контексте попыток найти ее биологическое основание, что позволило бы выявить направление развития социальной жизни. Исследователи, придерживающиеся романтико-исторического подхода в изучении поколенческой проблемы, по мнению Мангейма, были представлены преимущественно в Германии, что соответствовало господствующему в те времена разделению «французский позитивизм — немецкий романтизм».

Отвергая оба подхода, Мангейм отдает приоритет социологическому знанию в исследовании проблемы поколений, которую он определял как «бесценное руководство для понимания структуры социальных и интеллектуальных движений. Ее практическая значимость становится ясна, стоит только попытаться получить более точное представление об ускоренном темпе характерных для современности социальных изменений» [4].

На первый план в выработке структуры феномена поколений Мангейм выводит особенности отношений представителей одного поколения. В качестве основной характеристики поколения Мангейм отмечает социальное местоположение. В то же время ученый дифференцирует поколения и общие социальные группы. «Поколение не есть конкретная группа в том же смысле, что общность, т.е. группа, которая не может существовать, если ее члены не располагают конкретным

знанием друг о друге и которая как интеллектуальное и духовное сообщество перестает существовать, если только нарушена «близость». С другой стороны, оно никоим образом несопоставимо с ассоциациями, например, организациями, образованными для специальных целей, так как для них характерны обдуманый акт основания, письменный устав и механизм роспуска — качества, которые служат сплочению группы, даже если в ней нет связей, определенных пространственной близостью и общностью жизни»[4], — пишет он.

В то же время социальное местоположение дифференцировано и от классового положения. «В обоих случаях индивиды наделены положением в социальном и историческом процессе; тем самым до определенного уровня ограничивается их потенциальный опыт, и они склоняются к специфическому образу мыслей и характерному, исторически уместному образу действий. Если так, то конкретное местоположение исключает большое разнообразие стилей мысли, опыта, чувств и поступков, обозначает предел для персонального самовыражения. Однако эта негативная граница не исчерпывает существа дела. Каждому местоположению в позитивном смысле присуща тенденция, ориентирующая на определенные способы поведения, чувствования и мышления»[4].

В то же время Мангейм отмечает такую особенность поколения, как наличие в нем биологических и социальных признаков. «В конечном счете поколение в качестве социологического феномена основывается на биологическом ритме рождения и смерти. Но быть основанным на факторе — не обязательно значит быть выводимым из него или им подразумеваться... социологическая проблема поколений начинается с открытия социологической уместности этих биологических факторов. Это, так сказать, первый момент. Вторым должна стать попытка понять поколение как частный тип социального местоположения»[4].

Таким образом, по мнению Мангейма, поколение обладает единством, так как его представители объединены сходным социальным местоположением, а «социальный феномен «поколение» представляет собой не более чем особый тип тождественности местонахождения, в данном случае — запечатленных в историко-социальном процессе «возрастных групп». И если классовое положение зависит от экономических и социальных условий, то поколенческое положение в большей степени определяется способом воплощения моделей мысли и опыта.

Социальная жизнь принимает ряд специфических черт, формируемых поколениями. Мангейм выделяет четыре таких черты. «(...) в нашем реальном (мире) присутствуют следующие черты:

- а) в ходе культурного процесса появляются новые участники;
- б) тем временем прежние участники этого процесса постепенно исчезают;
- в) члены каждого одного поколения могут участвовать только в промежутке исторического процесса, ограниченном временем;
- г) поэтому необходимо непрерывно передавать накопленное культурное наследие;
- д) переход от одного поколения к другому представляет собой постоянный процесс»[4].

В поколенческой концепции Мангейма также нашла место идея об энтелехии, которая здесь концептуально связана с пониманием местоположения. Социальное местоположение структурно и наделено потенциалов коллективной деятельности, энтелехия же представляет собой реализацию этого потенциала, который далеко не в каждом поколении может быть реализован оригинальными способами. В ситуациях социальных преобразований, когда темп развития общества ускоряется, тем самым не позволяя адекватно адаптировать модели традиционного мышления и воплощения опыта поколения, новые достижения опыта объединяются в оригинальный импульс социальной субстанции, что позволяет говорить «о появлении нового образа поколения или о новой энтелехии поколения» [4].

В качестве центральной идеи теории поколений К. Мангейма можно считать его трактовки поколения как относящегося к определенному социокультурному месту в обществе: «Для того чтобы по местоположению находиться в одном и том же поколении, иными словами, для того чтобы пассивно или активно пользоваться привилегиями (или, наоборот, испытывать затруднения), свойственными местоположению некоего поколения, нужно быть рожденным в одном и том же историческом и культурном ареале. (...) Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности»[4].

Феномен поколений, согласно Мангейму является важнейшим фактором исторического прогресса общества. А исследование этой сферы социального знания представляет собой важную задачу в понимании природы процесса развития общества.

Работа К. Мангейма была переиздана в 1960-х годах, так как в это время в Германии актуализировались проблемы взаимоотношений поколений, что вылилось в студенческие бунты. В настоящее время концепция, разработанная Мангеймом, не теряет своей актуальности, получая развитие в дальнейших теориях поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 г. — М.: Интердиалект, 2002.
2. Кон И. С. Поколение // Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1975.
3. Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970.
4. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений. — М.: ИНИОН, 2000.
5. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 тт. — Т. 10. — М.: Гослитиздат, 1939–1953.
6. Яковенко И. Г. Механизмы культурной динамики и смена поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века. — М.: Наука, 2005.

© Ростова Антонина Тимофеевна (tonik-ra@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске

ПОНЯТИЕ В СУБЪЕКТИВНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ

THE CONCEPT OF SUBJECTIVITY IN THE PHENOMENOLOGY OF HUSSERL

N. Tetenkov

Summary. The article analyzes the subjectivity within the phenomenology of E. Husserl. The principles of E. Husserl's phenomenology allowing to reveal the nature of human subjectivity and semantic structures of subjects are analyzed. In the context of phenomenological methodology social reality is defined as a result of the process of meaning formation initiated by the participants (subjects) of communication.

Keywords: phenomenology, subjectivity, social cognition, social reality, intentionality.

Тетенков Николай Борисович

*К.ф.н., доцент, Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова
tenibo@yandex.ru*

Аннотация. В статье проанализирована субъективность в рамках феноменологии Э. Гуссерля. Проанализированы принципы феноменологии Э. Гуссерля, позволяющие раскрыть природу человеческой субъективности и смысловые структуры предметов. В контексте феноменологической методологии социальная реальность определена как результат процесса смыслообразования, инициированного участниками (субъектами) коммуникации.

Ключевые слова: феноменология, субъективность, социальное познание, социальная реальность, интенциональность.

Актуальность исследуемой проблемы

Перспективы развития современного общества требуют новых методологических горизонтов в изучении разных сфер жизни человека (человеческого бытия). Философское исследование различных процессов предполагает соотнесение теоретических моделей нормативного регулирования общества с имеющимся меняющимся социокультурным опытом. В связи с этим обращение к феноменологической традиции позволяет, с одной стороны, переосмыслить традиционные принципы устройства общества, а с другой — раскрыть внутреннюю логику изменений норм, ценностей и смыслов человека в современном мире.

Целью статьи является анализ понятия «субъективность» в ракурсе феноменологии Э. Гуссерля.

Феноменология изучает сознание, созерцает сущность, и стремится описать проявление вещей и явлений перед человеческим сознанием. Понятие «феноменология» было предложено И. Ламбертом для определения теории, что «определяет то, что является истинным и реальным в любом кажущемся» [10, с. 64]. Феноменология должна решить задачу рефлексивной критики: не только найти источники заблуждения, но и научить искусству умозрения действительно существующих вещей. Такой взгляд на задачи и предмет феноменологии развил Кант в чистом учении о движении, И. Фихте в учении о явлениях и аллюзии, Г. Гегель в науке об опыте сознания.

Однако лишь в трудах Э. Гуссерля феноменология приобретает четкие смысловые границы и за ней

закрепляется статус философской методологии. Гуссерль, в частности, отмечал: «Если феноменология претендует быть наукой в рамках только непосредственной интуиции, чисто «дескриптивной» наукой о сущности, то всеобщность ее метода данная заранее как что-то вполне само собой разумеющееся. Дело феноменологии — в показательном виде представить точки зрения на чистые события сознания, довести их до полной ясности, управляться в их анализе ... преследовать доступные усмотрению сущностные взаимосвязи, то, что стало ясным, выразить в адекватных, понятных выражениях...» [2, с. 52].

Феноменологический призыв Гуссерля «Назад к самим вещам!» предусматривает обращение к феноменам сознания, которые определяют смысл вещей и расширение границ нашего непосредственного опыта. В социогуманитарном знании такой призыв был поддержан экзистенциалистами, социологами и стал идейным стержнем феноменологического движения. В рамках данного движения можно выделить по крайней мере три разновидности. Первое направление связано с совершенствованием феноменологии в ее первоначальном варианте. Второе направление представлено исследованием онтологических, аксиологических и антропологических проблем с использованием феноменологической методологии. Наконец, третья разновидность развивает феноменологическое учение линией углубления в разные предметные сферы — горизонты «жизненного мира».

Разнообразие направлений развития феноменологии позволяет говорить о ней, как об открытой исследовательской программе. Первые два направления

представлены теориями, которые уже стали классикой философской мысли, а третий еще находится в стадии становления, правда, именно здесь могли бы быть созданы условия для решения проблем методологии современного социального познания.

В исследовательской литературе высказывается мнение, что феноменология Гуссерля является предтечей постмодернизма или его непосредственным выражением [8, с. 60–72]. Основой для такой точки зрения служит критика объективизма западноевропейской науки, которая всесторонне представлена философом в его произведениях. Кроме того, акцентируя внимание на сфере смысла, Гуссерль отрицает наличие тождества между реальностью и существованием, признает равную силу доказательности, как фактов, так и субъективных принципов знания: восприятия, фантазии, припоминания, эстетического чувства.

Конечно, не все наработки Гуссерля можно считать однозначными и убедительными в контексте требований классической рациональности. Однако оценку его учения как иррационального, основанного на идеях антисциентизма и гносеологического анархизма вряд ли можно считать правомерной. На самом деле Гуссерль пытался преодолеть традиционные рационалистические установки и найти исходный замысел науки как таковой. Он выступал защитником рационализма, однако такого, который был бы нацелен на анализ мыслящего субъекта, в том числе и мыслящего субъекта науки.

Методологические принципы феноменологии, по мнению Гуссерля, призваны раскрывать природу человеческой субъективности и смысловые структуры предметов.

Предметы, данные в интенциональных (субъективных) переживаниях, являются производными от деятельности сознания. Однако они не противопоставляются реальным предметам, а выражают их смысл. Интенциональные переживания — это описание процессов восприятия мыслящим субъектом. Таким образом, эти аргументы утверждают специфичность отношения феноменологии к науке и субъективным принципам познания, и, позволяют определить ее как неклассическое направление в философии.

В последние десятилетия проблема исторической изменчивости и границ рациональности стала одной из самых актуальных. В исследовании исторических типов рациональности наибольшее внимание уделено противопоставлению классического (модернизм) и постнеклассического (постмодернизм) типов, а неклассический тип рациональности считается переходной

эпохой. Такой статус неклассической рациональности объясняется тем, что «неклассика привязана к классике даже не своим отказом от нее, а невольным и неизбежным подражанием ... Неклассика в этом смысле скорее надстраивается над классикой, ведь, оставаясь рациональностью, пусть и другой, она не в состоянии сделать вид, будто ничего не было» [7, с. 7].

Однако неклассическая рациональность является незавершенным философским проектом. Во-первых, перспективность его основана на признании значимости нескольких альтернативных теоретических описаний. Во-вторых, в отличие от классической онтологии, основанной на презумпции первоначальной закономерности мироздания, ее онтология фрагментарная. Она представлена отдельными «горизонтами», открывающиеся субъекту познания в соответствии с возможностями его восприятия. В-третьих, «неклассичность» феноменологии обусловлена самыми особенностями субъекта, под которыми имеются в виду не столько психонейрофизические условия познавательной деятельности, сколько неустранимое влияние на нее онтогносеологических, социокультурных, аксиологических и антропологических предпосылок. В частности, под онтогносеологической предпосылкой феноменологически ориентированного познания понимается наличие у исследователя ясной методологической программы, а также фиксированных средств и операций познавательной деятельности. При этом следует учитывать, что применение различных средств типичных познавательных ситуаций дает разные результаты.

Следующим «неклассическим» признаком феноменологии является присущий ей открытый характер, что реализуется в способности выходить за рамки готовых познавательных схем и структур, в развитии когнитивных подходов. Открытость феноменологии во многом обусловлена тем, что этап ее концептуального становления совпал с рождением психоаналитической философии и оформлением альтернативных стратегий аналитической философии.

Феноменология Гуссерля проявляется как неклассическое направление философии, ориентированное на восстановление принципов и норм рационализма. Защита рационализма, по мнению философа, должна идти не с позиции объективизма, а с точки зрения углубления в исследования умственной деятельности, через утверждение ценности человеческого опыта.

Гуссерль не только призывает отказаться от монологического определения бытия, но и обратиться к поиску средств интегративного описания различных «горизонтов» жизненного мира. Методологическим инструмен-

том, призванным реализовать такую феноменологическую идею, является принцип единства онтологического и гносеологического. По мнению философа, в процессе познания устанавливается интенциональная связь между сознанием и предметом, который впоследствии объективируется в высказываниях о его свойствах и закономерностях. Разнообразие видов знания, которые возникают в процессе восприятия, свидетельствует о многомерности бытия предмета и его связь с различными горизонтами жизненного мира. Поэтому, раскрывая сущность предмета в гносеологическом аспекте, следует определять наличие различных региональных онтологий и «горизонтов» бытия.

Уникальность феноменологии заключается в том, что в результате феноменологической редукции бытия смыслы не теряются, а наоборот, актуализируются и хранятся как феномены, из которых образуется «ткань» мира. А любое первоначало мира, признается самоочевидным и связывается с мыслящим субъектом.

Таким образом, феноменологическая гносеология, основанная на свойстве сознания мыслить, и толковать бытие, а феноменологическая онтология оказывается обращенной к изучению различных типов бытия, сохранившихся в сознании.

Следующим признаком, характеризующим «неклассичность» феноменологии, является ее установка на конкретизацию любого знания. В частности, феноменологический призыв «К самим вещам!» отражает стремление субъекта познания к достижению очевидности любых утверждений. Знание, соответствующее указанным требованиям, можно получить с помощью разработанных Гуссерлем феноменологических процедур: феноменологической редукции, дескрипции и интерпретации. Использование таких процедур задает оптимальные, наиболее соответствующие возможностям разума требования к исследованию, что позволяет достичь феноменологической «строгости» и, как следствие, выявить эйдетическую суть предмета.

Таким образом, конструктивность феноменологии представлена в виде последовательности таких процедур, как ее открытость, а акцент на плюрализме когнитивных стратегий позволяет представить ее как философское учение, направленное на переосмысление традиций классической рациональности.

Теория интерсубъективности Э. Гуссерля основана на том, что сущностное ядро объекта является одинаковым для всех людей.

На первом этапе (психологическая редукция) феноменолог обращается к чистым данностям восприя-

тия. Этап эйдетической редукции связан с сущностным рассмотрением феноменов, которые проявляются как чистые всеобщности или свободно мыслимые возможности. И, наконец, в акте трансцендентальной редукции феноменолог обращается к чистому опыту, из которого элиминирована реальность, а сам он становится трансцендентальным «Я», превращаясь в функцию субъективности. Целью трансцендентальной редукции является решение проблемы корреляции между субъективностью, что конституирует и объективностью, что конституируется. Таким образом, триединство психологической, эйдетической и трансцендентальной редукции представляет собой объединительную феноменологическую редукцию как сложную методологическую процедуру.

Гуссерль создал не только методологическую базу феноменологического исследования, но и внес в социальные знания теоретические конструкции. К ним относятся, в частности, принцип интенциональности сознания, что является одной из основ дескрипции предмета и к которому, по меткому выражению Гуссерля, сводятся все метафизические и познавательные загадки. Благодаря интенциональности становится возможным совпадение чистой предметности и чистой субъективности, то есть сознание попадает в ситуацию обременения предметностью, которая, в свою очередь, является основой единства сознания.

Особое значение для развития социального познания имеет учение о жизненном мире. Любая очевидность, по Гуссерлю, достигает очевидности жизненного мира: «...От объективно-логической самоочевидности... путь ведет назад, к первоначальной очевидности, из которой предварительно задан жизненный мир» [5, с. 280].

Таким образом, согласно философии Э. Гуссерля, этническая картина мира («домашний жизненный мир») воплощает устойчивые смысло-значимые единицы, определяющие суть культуры данного народа которые обеспечивают стабильность и неизменность ее паттернов на протяжении веков. «Восприятие жизненного мира на уровне первичных впечатлений и ощущений, мифологических построений, интуиций определяет способ моделирование мира в рамках традиционной культуры и является главной сущностной ее особенностью» [9, с. 119]. Э. Гуссерль утверждал, что жизненный мир формируется, конституируется благодаря субъективности. «Контраст между субъективностью жизненного мира и «объективным», «истинным» миром заключается лишь в том, что последний представляет собой теоретико-логическую субструкцию, охватывающую то, что принципиально не воспринимается, принципиально не познается в опыте, в своем собственном личностном бытии, тогда как субъектив-

ное жизненного мира целиком и отдельно отмечено своей действительной исследовательской узнаваемостью» [4, с. 174]. Еще до возникновения категорий и понятий научного знания мир уже понимал и оценивался человеком-субъектом, который накапливал суждения, представления, интерпретации. Мир — это коррелят субъективных явлений, мыслей, субъективных актов и способностей, в которых он (мир) всегда приобретает новые смыслы переменной единства. При этом, по Э. Гуссерлю, субъекты являются лишь отдельными образованиями универсума. Следовательно, «жизненный мир» Э. Гуссерля неотделим от понятия «субъективность».

Выводы

Таким образом, в контексте феноменологической методологии Э. Гуссерля субъективность рассматривается им как основа объективного бытия. Трансцендентальная субъективность — основа совокупности проблем, которые требуют рефлексивного анализа.

Жизненный мир выступает всего лишь фоном феноменологии. Жизненный мир — это объективно ориентированная трансцендентальная субъективность, трансцендентальная субъективность — это субъективно ориентированный жизненный мир.

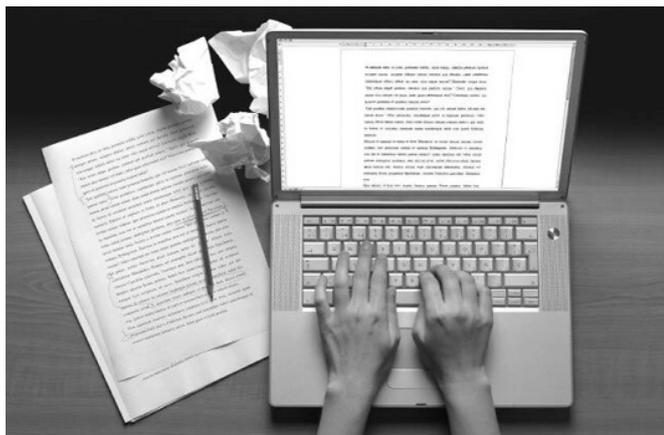
ЛИТЕРАТУРА

1. Husserl E. *Gesammelte Werke (Husserliana)*. — Haag, 1950–1973.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; [пер. с нем. А. В. Михайлова]. — М.: Акад. проект, 2009. — 489 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль; пер. с нем. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука; Ювента, 1999. — 315 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 400 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // *Культурология. XX век. Антология*. — М.: Юрист, 1995. — С. 297–330.
6. Гуссерль Э. Логические исследования / Э. Гуссерль. — М.: Гнозис, Дом интеллект. книги, 2001. — Т. II. — 529 с.
7. Кузнецов В. Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии / В. Ю. Кузнецов // *Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия*. — 2008. — № 1. — С. 3–18.
8. Кутырев В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) / В. А. Кутырев // *Вопр. философии*. — 2003. — № 1. — С. 63–75.
9. Первушина О. В. «Культурная картина мира» и «жизненный мир» в феноменологии Э. Гуссерля / О. В. Петрушина // *Мир науки, культуры и образования: международный научный журнал — Горно-Алтайск: Издательство Государственной алтайской академии культуры и искусств, 2009 — № 2 (14) — С. 118–122.*
10. Разеев Д. Н. В сетях феноменологии / Д. Н. Разеев // *Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии*. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. — 368 с.

© Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Adamova A. — Saint-Petersburg state university of culture, Saint-Petersburg
alisa-elisaveta@mail.ru

Afanasiev N. — Candidate of philology, senior lecturer of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
n.v.afanasev@mai.ru

Androsova I. — PhD of Political Sciences, associate professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
irenandros@yandex.ru

Budegechieva T. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kyzyl, Tuvan State University
budegechy@mail.ru

Doronin V. — PhD of philosophy, Tyumen State University
sibe1@rambler.ru

Efimova L. — Doctor of Philology, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov

Khadem Leyla Makhsus Hosseiny — PhD student, Moscow State Institute of International Relations (University)
kafpp@inno.mgimo.ru

Kiblik O. — Postgraduate, Tyumen State University
kiblick.ol@yandex.ru

Kildishev A. — Post-graduate student of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education of the St. Petersburg State University (St. Petersburg)
artjom1987@mail.ru

Lukutin A. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University
lukutin66@mail.ru

Merkulov E. — Technician, Institute of Practical Psychology in Kaliningrad

Neumeier Ya. — Director of LLC «Institute of Practical Psychology» in Kaliningrad
Janamail@mail.ru

Ostapenko A. — Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University
ostapenko@lunn.ru

Prozorova N. — Postgraduate, Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint-Petersburg
89111286014@mail.ru

Rostova A. — Candidate of physical and mathematical sciences, docent, North-Caucasus Federal University, The Institute of Service, Tourism and Design (NCFU branch in Pyatigorsk)
tonik-ra@bk.ru

Semenov D. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University
ds7771@bk.ru

Strizhova E. — Senior teacher, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
ekstrizhova@yandex.ru

Terekhova L. — National Institute named after Catherine the great
7238650@bk.ru

Tetenkov N. — Candidate of philosophy, associate Professor, Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov
tenibo@yandex.ru

Tovuu N. — Doctor of psychological sciences, Tuva Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
tikopr@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).